

18+ ВАСИЛИЙ ПОПКОВ

Сокровища заброшенных усадеб

СЕРИЯ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
ДЕТЕКТИВ», ТОМ 1

Василий Попков

**Сокровища заброшенных усадеб.
Серия «интеллектуальный
детектив», том 1**

«Издательские решения»

Попков В.

Сокровища заброшенных усадеб. Серия «интеллектуальный детектив», том 1 / В. Попков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-685360-7

Том первый книги «Сокровища заброшенных усадеб» включает в себя три первых книги серии про агентство «Архивная правда». Ранее они были изданы отдельными книгами под следующими названиями: «Источник жизни», «Хранители тени» и «Кристалл счастья». Недалеко от Петербурга архивариус, журналистка и отставной майор юстиции ищут наследие Ломоносова. По пути они сталкиваются со смертельной опасностью. Финал преподносит интригу: действительно ли все было так, как им казалось?

ISBN 978-5-00-685360-7

© Попков В.

© Издательские решения

Содержание

Книга 1. Источник жизни	6
Пролог	6
Глава 1: «Черновик Старова»	7
Глава 2: «Смех скептиков»	10
Глава 3: «Встреча в Тайцах»	14
Глава 4: «Бегство с Источником»	19
Глава 5: «Ночной звонок»	23
Глава 6: «Волк в стае»	26
Глава 7: «Тень на пороге»	29
Глава 8: «Нити прошлого»	32
Глава 9: «Кристаллизация»	35
Глава 10: «Геометрия Тайн»	38
Глава 11: «Линии и Тени»	41
Глава 12: «Врата в Подземелье»	44
Глава 13: «Тени в Лабиринте»	47
Глава 14: «Печать Ломоносова»	49
Глава 15: «Западня»	52
Глава 16: «Анализ Поражения»	54
Глава 17: «Новые Враги и Старая Книга»	57
Глава 18: «Ключ и Ловушка»	60
Глава 19: «Тени в Сетях»	63
Глава 20: Нити «Vita Nova»	66
Глава 21: Синтез и Новый План	71
Глава 22: Язык Камней	75
Глава 23: Скрытая Пустота	78
Глава 24: Испытание Геометрией	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Сокровища заброшенных усадеб

Серия «интеллектуальный детектив», том 1

Василий Попков

© Василий Попков, 2025

ISBN 978-5-0068-5360-7 (т. 1)

ISBN 978-5-0068-5358-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга 1. Источник жизни

Пролог

Алексей Белых, человек системы и порядка, сидел в ночной тишине, а перед ним, на мерцающем экране, светилась нить, ведущая сквозь два с половиной столетия. Нить, которая могла привести к открытию, способному перевернуть представления о наследии Ломоносова.

Пазл сложился. Головокружительная, невероятная картина.

Александр Демидов, промышленник, владелец горных заводов, меценат. Иван Старов, его зять, гениальный архитектор. И Михайло Ломоносов, чьи архивы после смерти считались утерянными, разрозненными.

А что, если Демидов, по просьбе умирающего Ломоносова или по своей воле, взял на хранение самые ценные, самые опасные его черновики перед тем, как Григорий Орлов по приказу Екатерины II изъясил архивы и опечатал кабинет, где работал Ломоносов? И что, если Старов, строя усадьбу, спроектировал не просто дворец, а гигантский тайник, сейф для величайшего интеллектуального сокровища?

Алексей Белых еще не знал, что это письмо Старова – не просто историческая находка. Это был ключ. Ключ, который отперет дверь не только в прошлое, но и в водоворот смертельно опасных событий настоящего. Его тихая, упорядоченная жизнь архивариуса заканчивалась в эту самую минуту. Начиналось нечто иное.

Глава 1: «Черновик Старова»

Атмосфера в архиве после семи вечера была не пустотой, а насыщенной, почти осязаемой субстанцией. Она состояла из шепота переплетёной кожи старых фолиантов, едва слышного потрескивания вековой бумаги и мерного гула серверных стоек, стоявших в соседнем помещении. Воздух, прохладный и сухой, пах пылью, историей и сладковатым ароматом окисляющихся чернил. В этом царстве упокоенного времени Алексей Белых чувствовал себя как дома.

Его кабинет, вернее, отгороженный стеллажами угол в общем зале, напоминал логово педантичного ученого-отшельника. На столе, заваленном папками и книгами, царил идеальный рабочий хаос, понятный только ему одному. Каждая стопка, каждый разложенный лист имел свое место и значение. Слева – дела XVIII века, справа – XIX-го, ближе – ждущие оцифровки, дальше – уже обработанные. Посредине этого бумажного архипелага, как остров современности, стоял мощный компьютер с двумя большими мониторами. На одном был открыт интерфейс базы данных, на другом – высококачественный скан пожелтевшего рукописного листа.

Алексей потянулся, слыша, как хрустнули позвонки после нескольких часов неподвижности. Он снял очки, протер их мягкой тряпочкой, которую всегда носил в кармане старого, поношенного пиджака, и снова водрузил на переносицу. Взгляд его, привыкший выхватывать малейшие детали из тысяч страниц, был слегка усталым, но ясным. В сорок пять лет Алексей Белых был тем, кем хотел быть – архивариусом, хранителем. Его мир был построен на фактах, каталогизирован и расставлен по полкам. Он не любил неопределенности, суеты, громких слов. Прошлое, с которым он работал, говорило с ним четким, неоспоримым языком дат, подписей, указов и писем. И он понимал этот язык лучше, чем язык живых людей.

Он сделал глоток остывшего чая из кружки с надписью «Не трогай мои архивы!» и вернулся к работе. Шел процесс верификации. Система автоматического распознавания текста, этот грубый цифровой пахарь, пропахала сканы личной переписки архитектора Ивана Егоровича Старова и кое-как, с тысячами ошибок, перевела их в текст. Задача Алексея была в том, чтобы вычитать, исправить опечатки, дополнить метаданные, расставить теги. Работа монотонная, кропотливая, но именно в такой монотонности, как жемчужина в раковине, иногда рождались открытия.

Письмо было адресовано Александру Григорьевичу Демидову, владельцу горных заводов и, как выяснилось, мызы Тайцы. Алексей знал об этой усадьбе, конечно. Знал он и о том, что Старов был женат на сестре Демидова, Наталье Григорьевне, так что переписка между ними носила не только деловой, но и семейный характер. Он прокручивал строку за строкой, механически исправляя «і» на «и», «Ѣ» на «е». Большинство текста было посвящено ходу строительства, поставкам материалов, капризам рабочих – сухому языку деловой переписки XVIII века.

И вот его взгляд, скользя по экрану, зацепился. Сначала он даже не понял, почему. Рука сама потянулась к мышке, чтобы прокрутить страницу назад. Он прочитал абзац еще раз. Медленнее.

«...Каменные работы в цоколе восточного флигеля завершены, и я распорядился начать кладку стен, согласно чертежу. Леса поставлены исправно, и Крестовский обещает к Иванову дню доставить весь необходимый кирпич. Пудостский камень показывает себя отлично, не в пример мшиимсковскому, коий оказался рыхл...»

Нет, не здесь. Он прокрутил еще немного. И снова. И вот он. Абзац, начинавшийся с обсуждения интерьеров парадного зала, содержал ту самую фразу. Алексей замер, его пальцы застыли над клавиатурой. Он прочитал ее вслух, шепотом, в котором звучало недоверие:

«...и для вашей „стеклянной“ коллекции, о коей мы с покойным Михайлой Васильевичем говорили, место отвел надежное, в сердце „Лабиринта“, дабы жар не повредил, о чем вашей милости дополнительно доложу по приезде...»

Сердце Алексея, обычно бывшее ровно и спокойно, как метроном, внезапно стукнуло с такой силой, что отдалось в висках. Он откинулся на спинку стула, сжав веки. Потом снова резко наклонился к экрану, почти уткнувшись в него носом, как будто боялся, что слова вот-вот исчезнут.

«Нет, это невозможно», – прошептал он.

Но слова никуда не делись. Они были там. Выцветшие чернила, старая орфография, неуклюжий почерк писаря, но смысл был ясен и кристально чист.

Он начал анализировать. Его мозг, вышколенный годами работы с историческими документами, мгновенно переключился из режима корректора в режим исследователя. Он разложил фразу на составляющие, как хирург – на операционном столе.

«Стеклянная коллекция». Это был не бытовой оборот. Нет. Алексей тут же вспомнил десятки источников. В переписке алхимиков, первых химиков, натуралистов того времени «стеклянная коллекция» (*vitrea collectio*) была устойчивым эвфемизмом. Так называли не выставку ваз или бокалов, а собрание манускриптов, содержащих рецепты, формулы, описания опытов. Знания, зафиксированные на хрупком, как стекло, пергаменте или бумаге. Знания, которые легко разбить, утратить, сжечь. Стекло – символ и хрупкости знания, и лабораторной посуды, в которой это знание рождалось. У Демидовых, владельцев горных заводов, наверняка была своя лаборатория, свои изыскания. И Ломоносов, с его титаническими интересами в химии и физике, был тут как нельзя более кстати.

«Покойный Михайла Васильевич». Тут не могло быть двух мнений. Михайло Васильевич Ломоносов. Великий ученый. Умер в 1765 году. Алексей мысленно вызвал в памяти хронологию. Письмо Старова не было датировано прямо в тексте, но оно явно относилось к периоду строительства усадьбы. А строительство, как он прекрасно знал, началось в 1774 году и продолжалось четыре года. Получалось, что Старов ссылался на разговор, который состоялся как минимум девять, а то и все десять лет назад! Это была не случайная упомянутая вскользь фраза, не риторический оборот. Это была прямая отсылка к конкретному, значимому договору, беседе, возможно, даже поручению, которое пережило самого Ломоносова и теперь воплощалось в камне и тайне.

«Сердце „Лабиринта“». Алексей тут же открыл в соседней вкладке браузера оцифрованные планы усадьбы Тайцы. Да, он помнил точно. Пейзажный парк при усадьбе, творение того же Старова, делился на несколько участков с романтическими названиями: Собственный сад, Большая поляна, Звезда, Зверинец и... да, вот он – Лабиринт. Это не было метафорой! Это было прямое указание на локацию. «Сердце Лабиринта» – скорее всего, его геометрический центр, место, куда сходятся все аллеи. Архитектор-масон, каковым и был Старов, любил такие символы. Центр. Ядро. Суть.

«Дабы жар не повредил». Логичное, почти бытовое указание. Бумаги, пергамент, чернила боялись огня, сырости, резких перепадов температур. Значит, место должно быть прохладным, сухим, защищенным. Возможно, подземным? Погреб, ледник, потайная комната в толще цокольного этажа... Рустованная кладка, о которой писал Старов, могла скрывать многое.

Алексей отодвинулся от стола и встал. Ему нужно было движение, чтобы переварить открывшееся. Он прошелся по узкому проходу между стеллажами, его пальцы машинально провели по корешкам томов, не видя их.

У него в голове сложилась головокружительная мозаика. Александр Демидов, промышленник, финансировавший науки. Иван Старов, его зять, гениальный архитектор. И Михайло Ломоносов, титан, чьи архивы после смерти считались утерянными, разрозненными, неполными. Существовали слухи, что часть его наследия, особенно связанная с «секретными»,

как бы сказали сейчас, коммерческими или опережающими время разработками в области химии и металлургии, бесследно исчезла.

А что, если она не исчезла? Что если Демидов, как патриот и меценат, по просьбе умирающего Ломоносова или по своей собственной инициативе, взял эти бумаги под охрану? И что, если Старов, строя для него усадьбу, спроектировал не просто дворец для приемов, а гигантский сейф, тайник для величайшего интеллектуального сокровища России?

Мысли неслись вихрем. Он представлял себе ящики, сундуки, туго набитые исписанными листами. Черновики, которые скрывали опередившие время формулы. И описания новых сплавов, неизвестных химических процессов, чертежи оптических приборов – то, чего никто не видел. То, что Ломоносов, возможно, скрывал от недоброжелателей из Академии или, наоборот, готовил для практического применения на демидовских заводах.

Алексей подошел к окну. За темными стеклами лежал ночной Петербург, подсвеченный оранжевым светом фонарей. Современный, суетный, живущий своей жизнью. А тут, в этой тихой комнате, он только что разговорился с призраком. Призраком, который прошептал ему на ухо величайшую тайну.

Он вернулся к компьютеру. Его научный азарт, та самая искра, что заставляет ученого годами верить в свою гипотезу, вспыхнул ярким пламенем, сжигая обычную осторожность, скепсис и страх показаться смешным. Рациональная часть мозга пыталась протестовать: «Слишком пафосно. Слишком похоже на приключенческий роман. Нужны доказательства».

Но он уже знал, что делать. Доказательства нужно было искать. Не здесь, не в цифровых копиях. Там, в сердце Лабиринта.

Он сохранил файл, пометив его красным флажком «ВЫСОКИЙ ПРИОРИТЕТ», и бережно, как драгоценность, скопировал скан на свою личную флешку. Завершая работу, он уже составлял в уме план. Завтра – запрос в РНБ на просмотр оригиналов фонда Старова для сверки. Послезавтра – изучение всех доступных карт и планов усадьбы Тайцы разных лет. А потом... потом поездка на место.

Алексей Белых, человек системы и порядка, только что нашел улику, которая грозила перевернуть его собственный, тщательно выстроенный мир. И он не мог дождаться, чтобы это случилось.

Конечно, вот вторая глава, написанная в соответствии с вашим планом, требуемым объемом и включающая неожиданный поворот.

Глава 2: «Смех скептиков»

Утренний свет, резкий и бесцеремонный, заливавший коридоры института, был совсем не похож на ласковый сумрак архивных залов. Алексей шел на планерку с чувством, похожим на легкое опьянение. Ночь он провел беспокойно, в голове крутились обрывки фраз, планы, образы Ломоносова, Демидова, Старова. Он чувствовал себя не архивариусом, придавленным грузом веков, а следопытом, держащим в руках нить Ариадны, которая могла вывести его к величайшему открытию.

Конференц-зал отдела был небольшим, с длинным столом из светлого дерева, за которым помещалось человек десять. Воздух пах кофе и усталостью. Алексей занял свое привычное место в середине стола, положив перед собой блокнот и планшет. Внутри все трепетало от предвкушения.

Заведующий отделом, Олег Борисович Крутов, мужчина лет пятидесяти с уставшим лицом и вечно озабоченным выражением глаз, открыл совещание. Он говорил о планах по оцифровке, о новых поступлениях, о срочных заявках от исследователей. Алексей почти не слушал, мысленно репетируя свое выступление. Он понимал, что должен быть убедительным, но не пафосным, точным, но не занудным.

«Ну, а теперь по текущим вопросам», – Крутов обвел взглядом присутствующих. – «Коллеги, есть что сказать?»

Алексей кашлянул в кулак и поднял руку.

«Олег Борисович, у меня есть одно сообщение. Возможно, крайне интересное».

Все взгляды устремились на него. Коллеги были удивлены. Алексей Белых редко выступал на планерках, предпочитая отмалчиваться.

«Я продолжаю работу с фондом Старова», – начал Алексей, стараясь говорить спокойно. – «И вчера, в процессе верификации текстов, я наткнулся на черновик его письма Александру Демидову».

Он включил проектор, подключил планшет и вывел на экран тот самый скан. Красным кружком была обведена злополучная фраза.

«Вот этот фрагмент. Обратите внимание на формулировку». Он прочитал ее вслух, медленно и четко: «...и для вашей „стеклянной“ коллекции, о коей мы с покойным Михайлой Васильевичем говорили, место отвел надежное, в сердце „Лабиринта“, дабы жар не повредил...»

В зале наступила тишина. Алексей, воодушевленный вниманием, продолжил, излагая свою, как ему казалось, безупречную цепочку рассуждений.

«Как нам известно, „стеклянная коллекция“ – это устойчивый эвфемизм в переписке алхимиков и химиков того времени, обозначающий манускрипты, формулы, научные труды. „Покойный Михайла Васильевич“ – это, без сомнения, Ломоносов. Умерший в 1765-м. Письмо написано в период строительства усадьбы Тайцы, то есть после 1774-го. Старов ссылается на разговор десятилетней давности, что указывает на его важность. „Сердце Лабиринта“ – это не метафора. Мы знаем, что в парке усадьбы Тайцы был одноименный участок. А указание „дабы жар не повредил“ четко определяет требования к месту хранения – прохладное, защищенное».

Он сделал паузу, ожидая всплеска интереса, одобрительных кивков, вопросов. Но тишина затягивалась, становясь звенящей и некомфортной. Он видел недоуменные, скупящиеся и даже насмешливые взгляды.

Первым нарушил молчание Олег Борисович. Он тяжело вздохнул, снял очки и принялся протирать их платочком.

«Алексей, дорогой», – начал он с оттенком отеческого снисхождения, которое всегда раздражало Белых. – «Мы все ценим вашу преданность делу, вашу... эрудицию. Вы наш лучший специалист по XVIII веку, это без вопросов. Но давайте спустимся с небес на землю».

Он надел очки и уставился на Алексея своими усталыми глазами бюрократа.

«У нас, как вы сами только что слышали, план по оцифровке горит. Горят сроки по гранту. А вы нам предлагаете... что именно? Искать сокровища в заброшенной усадьбе по намекам из письма двухсотлетней давности? Это уровень не научного исследования, а бульварного романа. Уж извините за прямоту».

Алексей почувствовал, как кровь отливает от его лица. «Олег Борисович, это не намеки, это прямые указания! Речь идет о возможном местонахождении утерянного архива Ломоносова! Это величайшая...»

«Возможном», – перебил его Крутов. – «Ключевое слово – „возможном“. А у нас есть вполне реальные, осязаемые задачи. Инвентаризация, каталогизация, отчетность. Ваше „возможно“ не внести в отчет перед министерством. И потом, даже если там что-то и было, кто вам сказал, что это не нашли еще в XIX веке? Или при врачах, которые там санаторий устраивали? Или мародеры в девяностые? Вы хотите потратить время, силы, возможно, служебные ресурсы на авантюру?»

Из угла стола раздался едкий, знакомый голос. Это был Сергей Валерьевич Плотников, коллега лет сорока, с умными, но всегда язвительными глазами. Он специализировался на XX веке и считал работу Алексея бесполезным ковырянием в «допотопном хламе».

«Белых опять в архивах призраков ловит», – усмехнулся Плотников. – «Демидовы, Ломоносов, масонские заговоры... Алексей, может, ты еще и клад с алмазами ищешь? Или рецепт философского камня? Мне кажется, ты слишком увлекся Дэном Брауном. У нас тут наука, понимаешь? Факты. А не дешевые интриги».

В зале захихикали. Кто-то смущенно откашлялся. Алексей сидел, ощущая, как жар стыда заливает его шею и щеки. Его тщательно выстроенная логическая цепочка, его открытие, которое он лелеял всю ночь, в одно мгновение превратилось в посмешище. Его обвинили в ненаучности, в романтизме, в легковерии. Это было большее любой прямой критики.

«Но есть же прямое указание...» – попытался он сказать еще раз, но голос его дрогнул.

«Указания, Алексей, требуют проверки», – жестко заключил Крутов. – «А проверка требует времени и средств, которых у нас нет. Предлагаю вернуться к обсуждению текущих задач. Ваше открытие, если это можно так назвать, оставим для личных изысканий. В нерабочее время, разумеется. У нас все?»

Планерка быстро закончилась. Коллеги, перешептываясь и бросая на Алексея странные взгляды, стали расходиться. Плотников, проходя мимо, хлопнул его по плечу с фальшивой симпатией: «Не переживай, старик, бывает. Всем хочется великих открытий».

Алексей остался сидеть один в опустевшем зале. Горечь разочарования стояла во рту медным привкусом. Он смотрел на мерцающий экран проектора, где все еще висела та самая строка. Теперь эти слова казались ему не ключом к тайне, а свидетельством его собственной глупости, его оторванности от реальности.

Он вышел в коридор и прислонился к прохладной стене. Из-за двери соседнего кабинета доносился сдержанный смех Плотникова и кого-то еще. Ему почудилось, что смеются над ним. Он понял простую и жестокую истину: в этом мире чистой, бюрократизированной академической науки его открытие не стоило ровным счетом ничего без железных, вещественных доказательств. Гипотеза, какой бы блестящей она ни была, была всего лишь гипотезой. Пылью.

Но именно эта несправедливость, это унижение подстегнули в нем нечто иное – упрямство и задетое самолюбие. Они считают его романтиком, чудаком, не от мира сего? Отлично. Он докажет им. Он найдет эти доказательства. Сам. Без их помощи, без их одобрения, без их дурацких отчетов.

Решение созрело мгновенно и стало твердым, как гранит. Он поедет в Тайцы. Сегодня же. Он найдет это «сердце Лабиринта» и посмотрит, что там. Если там пусто – значит, он и впрямь был неправ, и он смирится. Но если там есть хоть намек, хоть след... Тогда он вернется и бросит это открытие им на стол, как вызов.

Вернувшись в свой кабинет, он с мрачной решимостью принялся за подготовку. Он отправил Крутову письмо о том, что берет отгул за свой счет по семейным обстоятельствам. Затем погрузился в изучение всех доступных материалов по усадьбе Тайцы.

Он нашел оцифрованные планы парка разных лет – начала XIX века, советского времени, современные. Сравнивал их, отмечая изменения. «Лабиринт» со временем практически исчез, превратившись в заросший холмистый участок, но его общие очертания еще угадывались на старых картах. Он распечатал самую детальную схему, сделанную в 1920-х годах, и тщательно, с помощью циркуля и линейки, отметил предполагаемый центр Лабиринта.

Его рюкзак превратился в инструмент полевого исследователя. Туда легли:

- * Распечатанные карты и планы в пластиковых файлах.
- * Планшет с закачанными сканами и картами.
- * Два мощных фонарика – ручной и налобный.
- * Лазерная рулетка.
- * Компактный штатив для фотосъемки.
- * Блокнот в водонепроницаемой обложке и набор ручек.
- * Мультигул.
- * Небольшая аптечка и термос с кофе.

Он не знал, что его ждет, но был готов ко всему. Вернее, он думал, что готов.

Поздно вечером он стоял на перроне Витебского вокзала. Электричка до Гатчины была почти пуста. Он сел у окна, положив рюкзак на соседнее сиденье. За стеклом проплывали огни спальных районов, потом начались дачи, темные массивы леса. Он чувствовал странное смешение эмоций: горечь от несправедливости коллег, твердую решимость доказать свою правоту, и щемящее чувство одиночества человека, который идет против всех.

Но под всем этим была и другая эмоция – азарт. Он больше не был архивариусом Алексеем Белых, копошащимся в пыльных бумагах. Он был следопытом, детективом прошлого, идущим по горячему следу истории. Поезд уносил его не просто в пригород Петербурга, а вглубь веков, навстречу тайне, которая ждала его почти два с половиной столетия.

Он закрыл глаза, пытаясь представить себе усадьбу. Заброшенный дворец, заросший парк, молчаливые каменные львы... И где-то там, в сердце Лабиринта, ответ.

Электричка, наконец, тронулась, вывезла его из подземного затона вокзала на поверхность и, побрякивая на стрелках, понесла в сторону пригородов. Алексей устался в окно, где в сумерках мелькали задние дворы, гаражи, затем редкие огни дач. Его мысли были далеко, он уже мысленно ходил по таинственному парку.

На одной из станций, где электричка постояла подольше, в вагон вошел человек. Алексей заметил его краем глаза – высокий, в темном, немарком пальто, с дорогой кожаной сумкой через плечо. Человек прошел по вагону и сел в нескольких рядах позади Алексея, у окна, погрузившись в чтение электронной книги.

Что-то в этом человеке было... не столько подозрительное, сколько несовместимое с обстановкой полупустой пригородной электрички. Слишком ухоженный, слишком спокойный. Слишком... целенаправленный. Но Алексей, поглощенный своими планами, отогнал это мимолетное впечатление. «Паранойя» – сказал он себе. – «После сегодняшнего дня все кажется враждебным».

Он снова углубился в изучение карты на планшете, отмечая возможные подходы к усадьбе со стороны станции. Дорога заняла еще с полчаса. Когда поезд начал замедлять ход перед его станцией, Алексей начал собираться. Он встал, надел рюкзак, поправил очки.

И в этот момент его взгляд случайно упал на окно, в отражении которого был виден тот самый человек в темном пальто. Алексей замер. Человек тоже собирался. Но делал он это с какой-то театральной неспешностью, его движения были точными и выверенными. И самое главное – его взгляд в отражении стекла был прямо направлен на Алексея. Не скользкий, не рассеянный, а пристальный, изучающий. В этом взгляде не было ни капли случайности.

Их глаза встретились в стекле на долю секунды. Человек не смутился, не отвел взгляд. На его губах промелькнула едва заметная, холодная улыбка. Затем он плавно поднялся и направился к выходу в противоположном конце вагона.

У Алексея похолодело внутри. Это не было паранойей. За ним следят. Кто? Почему? Неужели его открытие, над которым только что смеялись коллеги, уже кому-то стало известно? И эти люди восприняли его всерьез? Настолько всерьез, что отправили за ним хвост?

Двери с шипением открылись. Алексей, стараясь не оборачиваться, вышел на перрон небольшой, почти пустынной станции. Ночной воздух был холоден и свеж. Он быстро зашагал к выходу, к такси, дежурившей у выхода. Садясь в машину и называя адрес – деревня Большие Тайцы, – он бросил взгляд назад.

Человек в темном пальто вышел следом. Он не спешил. Он стоял под фонарем, достал телефон и что-то продиктовал в него, глядя на удаляющееся такси Алексея. Затем он жестом подозвал другую машину, темный внедорожник, который как будто ждал его здесь же.

Такси Алексея тронулось. Через несколько секунд он увидел в зеркале заднего вида, как фары внедорожника зажглись и тоже тронулись с места, сохраняя дистанцию.

Страх, холодный и липкий, сжал его горло. Его одиночное путешествие за знанием внезапно превратилось в нечто иное. В погоню. В игру, правила которой он не знал, а ставки, похоже, были куда выше, чем его научная репутация. Он ехал в ночь, к тайне прошлого, и теперь был абсолютно уверен, что он там не один.

Глава 3: «Встреча в Тайцах»

Станция «Тайцы» встретила его гробовой тишиной и предрассветным мраком. Таксист, угрюмый мужчина в потертой куртке, молча кивнул на название деревни и, не проронив больше ни слова, повез его по темной, извилистой дороге. Алексей сидел на заднем сиденье, впившись пальцами в ремень рюкзака, и непрерывно смотрел в боковое зеркало. Темный внедорожник следовал за ними на почтительной дистанции, его фары, как два холодных, немигающих глаза, преследовали их.

«Кому-то очень нужно знать, куда ты едешь, парень», – внезапно хрипло проговорил таксист, поймав его взгляд в зеркале. – «Делай тут свои дела побыстрее, а то ночь на дворе, место глухое. Не ровен час».

Алексей закусил пересохшую губу. «Это... вы про ту машину?»

«А про какую же еще? С самой станции висят на хвосте. Мужик, я тридцать лет по этим дорогам езжу. Меня не обманешь. Воры, что ли?»

«Нет... Не воры», – с трудом выдавил Алексей, понимая, что звучит абсолютно неубедительно. – «Я... историк. Архивариус. Изучаю усадьбу».

Таксист фыркнул. «Ну, историк, смотри, чтобы твою историю в больнице не пришлось изучать. Приехали».

Он резко затормозил у невысокого, полуразрушенного забора из дикого камня. Впереди, в просвете между стволами вековых деревьев, угадывались темные контуры каких-то построек.

«Это оно? Большие Тайцы?» – переспросил Алексей, расплачиваясь.

«Оно. Только смотри, внутрь дома не лезь – завалится. И по парку ночью одному шататься – не советую. Места тут... старые». Таксист взял деньги, развернулся и уехал, оставив Алексея в полной, давящей тишине.

Он стоял несколько минут, прислушиваясь. Где-то вдалеке завывала собака. Шелестели листья. Внедорожник не появился. Может, отстали? Или остановились поодаль, чтобы подойти пешком? Алексей, подавив парализующий страх, решил не терять времени. Он включил налобный фонарик и шагнул за ограду.

Парк встретил его как царство запустения и тихой, всепоглощающей грусти. Тропинки, посыпанные гравием, давно заросли травой и полегли под слоем прошлогодней листвы. Воздух был густым, влажным и холодным, пах прелыми листьями, хвоей и сырой землей. Алексей медленно шел вперед, и из предрассветного сумрака перед ним начали проступать гигантские, почти мистические очертания.

Вот он – двухэтажный дворец на высоком цоколе, обработанном рустом. Когда-то величественный, он стоял теперь как гигантский, слепой великан. Окна были зияющими черными провалами, в некоторых зияли дыры, кое-где сохранились остатки резных наличников. Стены, сложенные из пудостского камня, потемнели от времени и влаги, покрылись мхом и лишайником. С торцов здания он разглядел остатки террас-лоджий – теперь это были груды обломков и кирпича, ограждения обрушились или висели на честном слове. А над всем этим, в сером предутреннем небе, гордо и одиноко высился бельведер с башенкой. Казалось, он один все еще хранит память о былом величии этого места.

Алексей подошел ближе. К парадному входу вели широкие, но наполовину обвалившиеся лестницы. Их обрамляли гранитные изваяния сторожевых львов. Но это были не гордые стражи, а жалкие, изувеченные тени. У одного была отбита морда, у другого – лапа, третий лежал на боку, уткнувшись в землю, словно в позе вечного сна. Их каменные глаза, лишённые зрачков, смотрели в никуда, и в этом взгляде была трагедия запустения.

Он прошел дальше, к въезду в усадьбу, оформленному двумя служебными флигелями. Они еще держались, но их крыши просели, а стены были испещрены трещинами. Они были

объединены ажурной металлической решёткой с воротами – некогда великолепной, теперь ржавой, покореженной, с зияющими дырами там, где когда-то был сложный узор.

Это место дышало историей, но история эта была горькой и безысходной. Величие, превращенное в прах. Красота, отданная на растерзание времени и равнодушию. Алексей, несмотря на свой практичный склад ума, чувствовал это каждой клеткой. Он понимал, что парк, как и говорилось в источниках, сохранил лишь остов, скелет, но утратил свою душу, свои характерные черты. Он был как старинная книга, из которой вырвали все иллюстрации, оставив лишь сухой текст.

Он посветил фонарем на распечатанную карту. «Лабиринт» был обозначен к северо-западу от главного дома. Алексей двинулся в ту сторону. То, что он увидел, лишь подтвердило его опасения. От знаменитого лабиринта остался лишь намёк на бывшие кустарниковые стены. Низкорослые, давно одичавшие кусты, вероятно, потомки тех, что были высажены при Старове, образовывали беспорядочные, заросшие папоротником и крапивой завалы. Пройти по запутанным тропкам было уже невозможно; лабиринт как структура умер, оставив после себя лишь призрачный, едва уловимый рисунок на местности.

Рассвет начал медленно размывать очертания ночи. Небо на востоке посветлело, окрасившись в бледно-серые и сиреневые тона. В этом призрачном свете руины усадьбы выглядели еще более зловеще и печально.

Алексей не поддавался настроению. Он был здесь с конкретной целью. Достав карту и планшет, он начал свою работу. Его поведение резко контрастировало с окружающей обстановкой. Он не был туристом, пришедшим поглазеть на развалины. Он был исследователем на месте археологических раскопок.

Он ходил мелкими шажками, тщательно сверяясь с планом. Он считал шаги, отмеряя расстояние от условного входа в Лабиринт, который он определил по остаткам одной из аллей. Он искал аномалии, перепады высот, неестественные углубления или возвышения. Он водил перед собой фонарем, выискивая в траве следы каменной кладки, остатки фундамента, что-нибудь, что могло бы указать на скрытое сооружение.

«Сердце Лабиринта... Сердце Лабиринта...» – бормотал он себе под нос, как мантру.

Он достиг точки, которую по расчетам считал центром. Это была небольшая, относительно ровная площадка, заросшая жесткой травой и окруженная теми самыми полуразрушенными кустарниками. Ничего примечательного. Ни люка, ни каменной плиты, ни даже заметного холма.

Разочарование начало подкрадываться к нему, холодными щупальцами сжимая сердце. А что, если Крутов и Плотников были правы? Что если это всего лишь красивая метафора, и он, Алексей Белых, и впрямь повелся на дешевую интригу?

«Нет, – прошептал он, стиснув зубы. – Не может быть. Слишком точные указания».

Он опустился на колени и начал водить руками по земле, отгребая слой листвы и хвороста. Земля была влажной и холодной. Он нащупал несколько крупных камней, но они лежали беспорядочно. Никакой системы.

Он достал лазерный дальномер и начал замерять расстояния до уцелевших ориентиров – особо крупных деревьев, остатков фундамента небольшой беседки на окраине Лабиринта. Он пытался найти скрытую геометрию, паттерн, который укажет на точное местоположение. Но чем дольше он искал, тем безнадежнее казалась эта затея. Лабиринт был мертв, и его секрет, если он вообще существовал, умер вместе с ним.

В это время на другой стороне парка, у подножия мрачных гранитных львов, стояла Елена Соколова. На ней была практичная, но стильная куртка-бомбер, темные джинсы и крепкие ботинки. В ее руках была беззеркальная камера с мощным объективом.

Она снимала плавные панорамы, проводя камерой от разрушенных террас к гордому бельведеру, затем опускаясь на изувеченных львов.

«Вот он, величественный и печальный дом Демидовых в Тайцах», – ее голос за кадром был ровным, интеллигентным, но в нем звучала нота искренней, неподдельной меланхолии. – «Когда-то здесь кипела жизнь, звучала музыка, велись беседы о судьбах России и развитии науки. А теперь... тишина. Тишина и разруха. Обратите внимание на эту рустовку цоколя – типичный прием Старова, создающий иллюзию мощи и неприступности. Ирония в том, что время оказалось сильнее самого крепкого камня...»

Она фиксировала детали: крупным планом показывала сколы на граните, узор ржавой решетки, облупившуюся штукатурку на стенах. Ее комментарий был нестандартным, она явно готовилась к съемкам, изучала историю усадьбы.

Переводя камеру на парк, она заметила вдаль, в районе зарослей, где когда-то был Лабиринт, странное движение. Пятно света, которое металось из стороны в сторону. Она увеличила зум объектива.

В видоискателе появилась фигура мужчины. Невысокого роста, в темной куртке и с рюкзаком. Он не просто бродил, он вел себя крайне странно. Он ходил какими-то мелкими, ритуальными шажками, то и дело останавливался, смотрел на планшет в руках, что-то замерял. Его действия казались поведением одержимого.

«Любопытно», – прошептала Елена, не выключая запись. – «Кто этот неутомимый исследователь в такой ранний час? И что он может искать в этом хаусе с привидениями?»

Она наблюдала за ним несколько минут. Он явно искал что-то конкретное. Что-то, что знал только он. Его фигура, сосредоточенная и одинокая в сером свете утра, вызывала неподдельный интерес. Журналистское чутье, ее внутренний детектив, зашевелилось. Это была не просто странность. Это была «история».

Алексей в отчаянии ударил кулаком по земле. Ничего! Ничего, кроме грязи, камней и корней. Он потратил больше часа, и все впустую. Может, «сердце Лабиринта» – это не географический центр? Может, это нечто иное? Нужно думать, нужно иначе подойти к вопросу. Он решил обойти парк по периметру, изучить другие его участки – «Звезду», «Большую поляну». Может, там найдется ключ.

Он собрал свои вещи, смахнул грязь с колен и, погруженный в свои горькие мысли, направился прочь от Лабиринта. В этот момент он услышал легкие шаги сзади.

Елена решила проявить журналистское любопытство. Она подошла к нему с самой дружелюбной улыбкой, какую только могла изобразить в семь утра.

«Простите, вы не подскажете, где тут были те самые Готические ворота? Я с картой немного путаюсь», – сказала она, показывая на свой смартфон.

Алексей, погруженный в свои мысли, вздрогнул. Он резко обернулся, и в его глазах на долю секунды мелькнул испуг, даже паника. Он не ожидал встретить здесь другого человека.

«Вон там, за холмом», – его ответ прозвучал коротко, сухо, он даже не посмотрел в ту сторону, куда указал. – «Но почти ничего не осталось. Одни руины».

И, не сказав больше ни слова, он развернулся и быстрым шагом пошел прочь, вглубь парка, на «Большую поляну».

Эта отстраненность и секретность лишь подогрели интерес Елены. Обычный турист, тем более в такой час, с радостью вступил бы в разговор, тем более с симпатичной девушкой. Этот же отшатнулся, как от прокаженного.

«Очень странно», – пробормотала она.

Она отошла в сторону, но, продолжая наблюдать за ним, присела на обломки каменной ограды и подняла камеру. Через мощный зум объектива она видела его так близко, словно стояла рядом.

Она видела, как он, выйдя на «Большую поляну» – широкий, ухоженный самой природой луг, – не стал им восхищаться, а сразу же начал изучать периметр. Она видела, как он на одном месте, у подножия могучего двухсотлетнего дуба, пытается очистить землю от веток

и прошлогодней листвы. Видела, как он что-то замеряет лазерным дальномером, прикладывая его к стволу дерева и переводя на противоположную сторону поляны.

У нее родилась профессиональная догадка, кристально чистая и неопровержимая: этот человек не просто гуляет, он что-то ищет. И он знает, что ищет. Более того, он явно не хочет, чтобы об этом знали другие.

«Кто ты, загадочный незнакомец?» – думала Елена, провожая его взглядом. – «И что за сокровище спрятано в этом парке?»

Она выключила камеру. Просто наблюдать было уже недостаточно. Ей нужны были ответы. Эта история пахла настоящей тайной. А тайны были ее специализацией.

Алексей, окончательно измотанный и морально подавленный, брел по тропинке, ведущей от «Большой поляны» в сторону заросшей части парка, где когда-то был «Зверинец». Солнце поднялось выше, но его лучи не согревали, а лишь подчеркивали убожество разрухи. Он не нашел ничего. Ни малейшего намека. Он был готов признать поражение. Может, просто посидеть, отдышаться и ехать обратно, в свой уютный, предсказуемый архив?

Он нашел полуразрушенную каменную скамью, вмурованную в подпорную стенку, и опустился на нее. Снял рюкзак, достал термос и налил себе кофе. Руки дрожали от усталости и нервного напряжения. Сделал глоток, закрыл глаза, пытаясь унять дрожь.

В этот момент его взгляд упал на противоположную сторону тропинки. Там, почти полностью скрытый зарослями ежевики и плюща, стоял небольшой каменный объект. Он всегда принимал его за еще один постамент или элемент ограды. Но сейчас, в лучах утреннего солнца, падающих под особым углом, он разглядел детали. Это была не просто глыба камня. Это была низкая, широкая пирамида, сложенная из грубо отесанных гранитных блоков. И на ее боковой грани, почти съеденный мхом и временем, но все еще различимый, был высечен барельеф.

Алексей подошел ближе, раздвинул колючие ветки. Его сердце заколотилось с новой силой. Барельеф изображал... змею, кусающую себя за хвост. Уроборос. Один из древнейших алхимических и масонских символов. Символ вечности, единства, циклической природы мироздания.

И под ним, едва читаемая, была высечена надпись на латыни: «IN IPSO MEDIO».

«В самом центре...» – перевел Алексей вслух, замирая.

Он обошел пирамиду. Она была ориентирована по сторонам света. И одна из ее граней, обращенная на север, в сторону Лабиринта, имела странную, почти незаметную щель по периметру. Алексей, дрожащими руками, достал из рюкзака мультитул, нашел самый крепкий нож и сунул его лезвие в щель. Камень поддался! Это была не монолитная глыба, а тонкая каменная плита, искусно вмонтированная в кладку!

Он надавил сильнее, вставил второй нож, используя их как рычаги. Раздался скрежет, и плита подалась внутрь, отъехав в сторону по невидимому желобку. За ней открылась небольшая, темная ниша. А в нише... лежал небольшой, завернутый в промасленную холстину предмет.

Алексей, затаив дыхание, достал его. Это была бронзовая, сильно помятая и покрытая патиной трубка. Своего рода футляр. Он с трудом открыл его. Внутри, уцелевшая вопреки всему, лежала свернутая в рулон бумага. Он был так стар, что казалось, рассыплется от прикосновения.

Он, боясь дышать, аккуратно развернул его на плоской поверхности каменной пирамиды. Это была схема. Чертеж. Рука Старова была ему знакома. Это был план. Но не усадьбы, а... дренажной системы парка? Или чего-то иного? Сложная сеть тоннелей и каналов, сходящихся к одной точке. И в центре этой точки была сделана пометка темными, почти черными чернилами: «Fons Vitalis» – «Источник жизни».

Алексей не мог поверить своим глазам. Он не нашел архив Ломоносова, но он нашел ключ к нему! Настоящий, физический ключ, оставленный самим архитектором!

В этот момент сзади раздался мягкий, но отчетливый голос.

«Нашел что-то интересное?»

Алексей вздрогнул так, что чуть не уронил хрупкий чертеж. Он резко обернулся, заслоня собой находку. Перед ним стояла та самая девушка, что спрашивала про Готические ворота. Но теперь в ее руках была не камера, а... диктофон. И выражение ее лица было не дружелюбным, а серьезным, профессиональным.

«Не пугайтесь, – сказала Елена. – Меня зовут Елена Соколова. Я журналист. И, кажется, мы ищем одно и то же. Только, возможно, с разными целями».

Алексей, ошеломленный, не знал, что сказать. Он был пойман с поличным. И в этот самый момент, из-за спины Елены, из-за деревьев вышли двое мужчин. Один из них был тот самый, в темном пальто, с электрички. Второй – более крупный, с суровым, неумолимым лицом. Они шли медленно, целенаправленно, отрезая им путь к отступлению.

«Алексей Белых?» – спросил человек в пальто. Его голос был тихим, но в нем звучала сталь. – «У нас к вам есть серьезные вопросы. И мы настоятельно рекомендуем вам отдать нам то, что вы только что нашли».

Алексей замер, сжимая в потных ладонях бесценный чертеж. Он был в ловушке. С одной стороны – журналистка, чьи намерения были неизвестны. С другой – явно опасные люди, которые преследовали его с самого начала. И он, простой архивариус, оказался в самом центре бури, которую сам и вызвал.

Елена, не поворачиваясь к мужчинам спиной, шагнула ближе к Алексею.

«Кажется, нам стоит поскорее познакомиться поближе», – быстро прошептала она. – «И, кажется, нам нужно отсюда валить. Прямо сейчас».

Начало их невольного союза было положено инстинктом самосохранения и осознанием того, что в одиночку им с этой тайной не справиться.

Глава 4: «Бегство с Источником»

Алексей застыл, сжимая в потных ладонях драгоценный, хрупкий свиток. Его ум, обычно быстрый и аналитический, теперь работал с чудовищной, мучительной медлительностью, перебирая и тут же отбрасывая невозможные варианты. Схватка? Абсурд. Бегство? Куда? Попытка объясниться? С кем?

Елена среагировала быстрее. Ее инстинкты были острыми, отточенными годами уличной журналистики и путешествий по не самым дружелюбным уголкам мира. Она не думала, она действовала.

Ее рука, сильная и цепкая, впиалась в рукав его куртки. Резкий, почти болезненный рывок вырвал его из ступора и потащил в сторону.

«Бежим!»

Ее команда, выкрикнутая сквозь стиснутые зубы, не допускала возражений. В ней не было паники, только холодная, стальная решимость. Это был не призыв, это был приказ.

Алексей, спотыкаясь, последовал за ней. Его ноги, одревеневшие от страха, на первых порах почти не слушались. Он бросил последний взгляд на мужчин. Тот, что в пальто, не сразу бросился в погоню. На его лице промелькнула профессиональная оценка ситуации. Он что-то коротко сказал своему напарнику, и они, как два волка, начали движение, не спеша, но неумолимо, отрезая путь к отступлению.

Парк, который несколько минут назад был молчаливым свидетелем исследований Алексея, теперь превратился в гигантский, враждебный лабиринт. Каждый корень, каждое низко свисающее дерево, каждый куст цеплялся за него, пытаясь удержать. Заросли, бывшие лишь декорацией, теперь стали главными действующими лицами этой безумной гонки.

Елена, благодаря своей спортивной форме и опыту походов, двигалась как тень. Она не бежала напролом. Она петляла, используя каждое укрытие, каждый поворот тропы. Ее тело помнило, как двигаться по пересеченной местности. Она перепрыгивала через упавшие стволы, ловко проскальзывала под низкими ветвями, ее дыхание было ровным и глубоким.

Алексей, неуклюжий и перегруженный рюкзаком, отставал. Рюкзак, набитый оборудованием, который еще недавно был символом его готовности, теперь превратился в адскую ношу. Он бил его по спине, цеплялся за ветки. Он бежал, тяжело дыша, спотыкаясь о невидимые кочки. Сзади доносились спокойные, размеренные шаги преследователей. Они не спешили. Они знали, что беглецы выдохнутся.

Преследователи действовали слаженно, пытаясь взять в клещи. Один двигался прямо по их следу, другой – параллельно, стараясь обогнать и отрезать. Алексей слышал, как где-то справа хрустнула ветка, и понял их тактику. Его сердце бешено заколотилось.

Ключевым моментом стало преодоление заболоченной протоки речки Вёревки. Когда-то здесь был изящный мостик, но теперь от него остались лишь скользкие, полуистлевшие доски, перекинутые с одного берега на другой. Вода внизу была черной и стоячей, от нее шел тяжелый запах гнили.

Елена, не снижая темпа, легко пролетела по нему, как балерина, лишь на мгновение коснувшись шаткой опоры.

«Быстрее!» – крикнула она ему, уже стоя на твердой земле.

Алексей ступил на доску. Она прогнулась под его весом, заскрипела. Он замер, раскинув руки для равновесия. Внизу чернела холодная жижа. Шаги преследователей становились все ближе.

«Алексей, давай!» – в голосе Елены впервые прозвучала тревога.

Он сделал следующий шаг. Доска с громким треском переломилась. Он почувствовал, как его нога проваливается в пустоту, в ледяную влагу. Он вскрикнул, потеряв равновесие, и полетел вниз.

Но Елена успела. Она резко шагнула ему навстречу, рискуя сама оказаться в воде, и вцепилась ему в предплечье. Ее хватка была железной. Она рванула его на себя, и он, тяжело дыша, грузно рухнул на берег, по колено в грязи, но целый.

«Спасибо...» – прохрипел он.

«Бежим дальше!» – ее лицо было бледным, но решительным. Она уже снова рванула его за собой.

Им удалось оторваться, выиграв несколько драгоценных секунд. Елена заметила впереди, почти полностью скрытые лианами и кустами, руины декоративной водяной мельницы. Когда-то это было романтическое парковое сооружение, теперь – груда камней и сгнивших балок.

«Сюда!» – она юркнула в темный провал, где когда-то была дверь.

Они затаились среди обломков огромного, давно остановившегося колеса и каменных жерновов, покрытых мхом. Внутри пахло сыростью, плесенью и столетиями забвения. Алексей, прислонившись к холодному камню, пытался унять дрожь в руках и отдышаться. Его штаны были мокрыми и грязными, нога ныла от холода.

Снаружи слышались шаги. Быстрая, уверенная ходьба. Двое мужчин остановились неподалеку.

«Куда они делись?» – прозвучал низкий, хриплый голос. Говорил тот, что был крупнее.

«В лес ушли, – ответил более спокойный, знакомый Алексею голос человека в пальто. – Но далеко не уйдут. Архивариус еле ноги волочит».

Алексей сглотнул. Они знали его профессию.

«Доложи, что у них есть карта, – продолжил человек в пальто, и у Алексея похолодело внутри. – И что Белых не один. С ним девка. Журналистка, кажется. Видел ее с камерой».

Это подтвердило худшие опасения Алексея. За ним не просто следили. За ним целенаправленно охотились, и они знали, кто он. Они знали его имя. И теперь они знали о Елене.

«Надо их найти, пока не привлекли лишнего внимания», – буркнул низкий голос.

Шаги удалились, продолжая поиск.

В темноте мельницы повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь их прерывистым дыханием.

...Прошло несколько минут. Алексей наконец смог выговорить слово.

«Спасибо», – снова прошептал он, глядя на смутный силуэт Елены в полумраке.

«Не за что, – ее голос был тихим, но собранным. – Ладно, мистер загадка. Время для представлений. Так кто вы и что это вы нашли?»

Она повернулась к нему. В свете, пробивавшемся сквозь щели в стене, он увидел ее лицо – умное, собранное, с живыми, пытливыми глазами.

«Я журналистка. Елена Соколова. Ищу историю, а не приключения. Но, кажется, получила и то, и другое».

Алексей с недоверием смотрел на нее. Его паранойя, разбуженная погоней, еще не утихла. «Вы с ними?» – спросил он прямо, его голос прозвучал резче, чем он хотел.

Елена усмехнулась, коротко и беззвучно. «Если бы я была с ними, мы бы уже не разговаривали. Они бы просто забрали то, что вы нашли, а вас, возможно, привязали к тому самому мельничному колесу для убедительности. Нет. Я просто заметила, что вы ищете что-то с таким видом, будто от этого зависит ваша жизнь. Кажется, так и есть».

Алексей молчал, оценивая. Она казалась искренней. И ее действия говорили сами за себя – она спасла его.

«Ладно, – сдался он, чувствуя, как его силы на исходе. – Меня зовут Алексей Белых. Я архивариус».

Он коротко, тезисно, изложил суть своего открытия. Письмо Старова. «Стеклянная коллекция» Ломоносова. «Сердце Лабиринта». И то, что он нашел – не архив, но чертеж, ведущий к нему.

Он осторожно, бережно развернул свиток на плоском камне жернова. «Смотрите. Fons Vitalis. „Источник жизни“».

Елена присвистнула, ее глаза расширились. Она сразу оценила не историческую, а медийную сенсационность темы. «Ломоносов... Потерянный архив... Тайная карта в усадьбе Демидовых... Это же... Это же бомба! Настоящая бомба!»

«Это не „бомба“, – устало поправил ее Алексей. – Это национальное достояние. Которое, судя по всему, кому-то очень не терпится заполучить в свои руки».

Они переждали еще с полчаса, пока не убедились, что преследователи ушли далеко. Выбравшись из укрытия, они осторожно, прижимаясь к деревьям, двинулись к выходу из парка.

«Итак, что намерены делать дальше?» – спросила Елена, когда впереди замаячили знакомые очертания въездных флигелей.

«Я... я не знаю, – честно признался Алексей. – Вернусь в город. Передам чертеж в полицию. Или в министерство культуры».

Елена остановилась и посмотрела на него с нескрываемым изумлением. «Вы серьезно? После всего, что произошло? Эти люди знают ваше имя, Алексей! Они нашли вас здесь. Вы думаете, они не найдут вас в городе? В вашей квартире? В вашем институте? Выдавать себя – это первое, чего нельзя делать».

Он похолодел. Она была права. Его наивность казалась ему сейчас смешной и страшной одновременно.

«Но что же тогда делать?» – в его голосе прозвучала почти мольба.

«Теперь я в игре, хотите вы того или нет, – заявила Елена. – Меня тоже видели. А значит, я тоже в зоне риска. Но у меня есть преимущество – я знаю, как работать с информацией и оставаться незамеченной. Вы нашли ключ, но не знаете, что с ним делать. А у меня есть ресурсы, чтобы это выяснить».

Алексей смотрел на нее, понимая, что выбор невелик. Одиночество в этой ситуации было равно самоубийству.

«Временное сотрудничество, – с неохотой согласился он. – Только чтобы понять, что происходит и куда идти дальше».

«Договорились, – кивнула Елена. – Первым делом – немедленно убираемся отсюда. У меня есть машина в соседней деревне. Дальше будем думать».

Они вышли за ограду и быстрым шагом пошли по проселочной дороге. Алексей чувствовал себя абсолютно разбитым. Он нашел ключ к величайшей тайне в своей жизни, но вместо триумфа получил страх, грязь и необходимость доверять незнакомой женщине. Он обернулся в последний раз. Усадьба стояла в лучах восходящего солнца, все такая же величественная и безмолвная. Но теперь ее тишина казалась ему обманчивой. Она хранила свою тайну, и была готова защищать ее любой ценой.

Они дошли до старой, неприметной иномарки, припаркованной под сенью раскидистых кленов. Елена открыла замок с брелока.

«Садитесь, – сказала она. – Нам нужно найти тихое место. И... кажется, нам понадобится помощь человека, который разбирается в такого рода... ситуациях».

«Кого вы имеете в виду?» – спросил Алексей, с трудом втискивая свой рюкзак на заднее сиденье.

«Пока не знаю. Но я начну копать. А пока...» Она завела двигатель. «...пока мы просто исчезаем».

Машина тронулась и скрылась за поворотом, оставила пыльную дорогу и полную тревог тайну старой усадьбы позади. Но Алексей чувствовал, что это не конец. Это было только начало. Начало чего-то большого, опасного и непредсказуемого.

Глава 5: «Ночной звонок»

Машина Елены, невзрачная серая иномарка, стала их ковчегом в море ночной тревоги. Алексей молчал, уставившись в окно, по которому струились дождевые капли. Его пальцы все еще судорожно сжимали ремень рюкзака, где лежал сверток с чертежом. Каждые несколько минут он бросал взгляд в боковое зеркало, ожидая увидеть фары темного внедорожника.

Елена вела машину уверенно, но без лишней спешки, сливаясь с редким потоком машин на выезде из Гатчины. Она свернула с главной дороги на второстепенную, потом еще раз, углубляясь в лабиринт дачных поселков и темных переулков.

«Куда мы едем?» – наконец спросил Алексей, его голос прозвучал хрипло от напряжения.

«Нужно место, где можно перевести дух и подумать, – не отрывая взгляда от дороги, ответила Елена. – В центре города нас найдут слишком легко. Отель по паспорту – первое, что они проверят».

Через двадцать минут они остановились у неприметного двухэтажного здания из силикатного кирпича с выцветшей вывеской «Гостиница „Уют“». Она стояла на отшибе, в конце улицы, упиравшейся в темный лес. Мигающая неоновая лампочка над входом лишь подчеркивала общую атмосферу упадка и заброшенности.

«Идеальное место, чтобы нас не найти», – мрачно пошутил Алексей, вылезая из машины.

«Именно», – парировала Елена.

Номер был таким же унылым, как и внешний вид гостиницы: две узкие кровати с потертыми покрывалами, линолеум с потрескавшимся узором, стол с облупленной столешницей и телевизор с выпуклым экраном, будто из прошлого века. Воздух пах пылью, старым табаком и дешевым освежителем.

Елена бросила сумку на кровать и сразу же достала ноутбук. «Нужен вай-фай. Попробую покопать».

Алексей, не говоря ни слова, приступил к собственному ритуалу. Он запер дверь на цепочку и задвижку, затем закрыл шторы, проверив, нет ли щелей. Потом он вытащил из рюкзака фонарик и начал методичный, почти параноидальный осмотр комнаты. Он заглядывал за телевизор, проверял розетки, вентиляционные решетки, светильники, рамки картин – все возможные места, где мог быть установлен жучок.

«Вы всегда так заселяетесь в гостиницы?» – Елена наблюдала за ним с любопытством, ее пальцы уже летали по клавиатуре.

«Со мной никогда не случалось ничего подобного, – отрезал Алексей, залезая под стол. – А вы всегда так легко ввязываетесь в истории с вооруженными преследователями?»

«Это не первая моя странная история, – она усмехнулась. – Но определенно одна из самых... интересных. Ничего. Ни по номеру машины, ни по описанию. Никакой информации. Эти ребята – призраки».

Нервы были на пределе. Каждый скрип за дверью, каждый звук шагов в коридоре заставлял их вздрагивать и замирать. Алексей закончил осмотр и сел на кровать, сжав голову в ладонях. Адреналин начал отступать, и на его место приходила тяжелая, давящая усталость.

Тишина в номере стала невыносимой. Алексей подошел к окну, чуть раздвинул шторы и посмотрел на темную, мокрую от дождя улицу. Где-то там, в этой ночи, были люди, которые хотели его заполучить. Люди, которые знали его имя. Его профессию. Возможно, и его адрес.

Он понял всю глубину ситуации с пугающей, леденящей душу ясностью. Он – Алексей Белых, архивариус, человек, чья жизнь состояла из каталогов, инвентарных номеров и тишины читальных залов. Он был рожден для того, чтобы расшифровывать буквы, а не убежать от пуль. Он был ученым, а не агентом. Его оружием была логика, а не физическая сила. А против него играли профессионалы. Холодные, расчетливые, безжалостные.

К кому обратиться? Полиция? Он представил себе этот диалог: «Здравствуйте, на меня напали в парке двое мужчин, потому что я нашел старый чертеж, ведущий к архиву Ломоносова». Его бы высмеяли. Или, что хуже, завели бы дело и конфисковали чертеж как вещдок. А затем... затем он оказался бы втянут в бюрократическую машину, уязвимый и видимый для всех, включая тех, кто за ним охотится. Нет, полиция – не вариант.

Министерство культуры? Его же коллеги? После сегодняшнего позора на планерке он не мог рассчитывать на поддержку. Они бы с радостью похоронили его «авантюру» и, возможно, даже выдали бы его преследователям, лишь бы избавиться от проблемного сотрудника.

Он был абсолютно один. Загнанный в угол, беспомощный, как ребенок. Отчаяние, черное и густое, подступало к горлу. Он чувствовал, как его разум, его главный инструмент, начинает отказывать под грузом паники.

И тут сквозь нарастающий хаос в его голове пробился луч света. Образ. Образ грубова-того, нелюдимо-го человека с умными, все видящими глазами и циничной ухмылкой. Человека, который жил в мире, где правила диктовал не академический устав, а уголовный кодекс. Человека, который однажды уже вытащил его из похотей, хоть и куда менее опасной передраги.

Егор Смирнов. Отставной майор юстиции.

Это была сумасшедшая идея. Смирнов был циником, его раздражало все, что выходило за рамки протокола. Но он был честен. И он был блестящим специалистом. И, что самое главное, он был, пожалуй, единственным человеком, кто не списал бы его историю на бред сумасшедшего.

«Я знаю, к кому обратиться», – тихо сказал Алексей, поворачиваясь к Елене.

Она подняла на него взгляд от ноутбука. «Кто?»

«Человек, который разбирается в... мракобесии».

Алексей достал телефон. Его руки дрожали. Он пролистал контакты, нашел давно не использованный номер и набрал его.

...Это было несколько лет назад. Кабинет следователя. Стол, заваленный папками. Алексей, нервный и неуместно чувствующий себя, объясняет Смирнову тонкости водяных знаков на бумаге конца XIX века. Дело о поддельных дарственных грамотах на одно из дворянских имений. Смирнов, тогда еще действующий майор, слушал его, откинувшись на спинку стула, его взгляд был тяжелым и пронизательным. Он задавал точные, неожиданные вопросы, заставляя Алексея копать глубже. Они работали вместе две недели. Смирнов постоянно ворчал на «пыльные архивы» и «заумные штучки», но относился к выводам Алексея с абсолютным доверием. В конце расследования, когда фальсификаторы были взяты с поличным, Смирнов, проходя мимо, бросил ему: «Неплохо поработали, архивариус. Ваши червяки в книгах оказались полезнее, чем полк оперов». Это была высшая похвала. Они выпили по кружке кофе в столовой, и на этом их общение закончилось. Но уважение осталось.

...Гудки казались бесконечно долгими. Алексей боялся, что номер больше не действует. Что Смирнов уехал. Что он просто бросит трубку.

Наконец, на том конце провода послышались щелчок и низкий, хриплый, явно разбу-женный голос.

«Алло? Кто черт возьми звонит в три ночи?»

Алексей сглотнул. «Егор Петрович? Это Белых... архивариус... помните, дело о поддель-ных грамотах?»

Пауза. Потом на том конце провода раздался удивленный, но уже более собранный звук.

«Белых? – Смирнов, кажется, даже протер глаза. – Черт возьми, конечно помню. Кто еще звонит в три ночи? У вас там архив на вас напал?»

Алексей чуть не рассмеялся от нервного напряжения. «Хуже. Мне нужна ваша помощь. Срочно. Речь идет о Ломоносове, Демидовых и... покушении на меня».

Алексей говорил торопливо, перескакивая с одного на другое: письмо Старова, «стеклянная коллекция», поездка в Тайцы, погоня, каменная пирамида с уроборосом, чертеж с «Fons Vitalis». Он старался быть логичным, но страх и усталость делали его речь сумбурной.

Смирнов сначала слушал с иронией. Слышно было, как он зажигает сигарету. «Проснись, Белых, тебе приснилось. Ломоносов... Архив... Вы что, пересмотрели исторических детективов?»

Но когда Алексей дошел до описания нападавших – «профессионалы, знали мое имя, один в дорогом пальто, говорили про „карту“, действовали как группа захвата» – тон Смирнова изменился. Исчезла насмешливость. Появилась тихая, сосредоточенная серьезность. Слышен был интерес. Азарт охотника, учувшего серьезный зверя.

«Подожди, подожди, – перебил он Алексея. – Двое? Один – гладкий, интеллигентный? Второй – крупный, туповатый, бычок?»

Алексей замер. «Да... Точно. Как вы...?»

«Понятно, – голос Смирнова стал жестким. – Продолжай».

Через три минуты Алексей закончил свой рассказ. В трубке повисла долгая, тягучая пауза. Было слышно лишь ровное дыхание Смирнова. Алексей сжал телефон так, что костяшки пальцев побелели.

Наконец, Смирнов заговорил. Его голос стал собранным и твердым, как сталь.

«Сидите там, не высовывайтесь. Адрес мне на смс. Я выезжаю».

Алексей почувствовал, как с его плеч свалилась тонна груза. Он готов был расплакаться от облегчения.

«Егор Петрович, спасибо, я...»

«Давно не глотал адреналина, – перебил его Смирнов. В его голосе прозвучало нечто похожее на предвкушение. – Белых...»

«Да?»

«Если это розыгрыш, если ты меня разыгрываешь из-за той моей шутки про архив... я тебя сам прикончу в твоём же архиве. Понял?»

«Это не розыгрыш», – тихо сказал Алексей.

«Тогда жди».

Связь прервалась. Алексей медленно опустил телефон. Он сидел на кровати, глядя в одну точку, не в силах пошевелиться. Пустота. Оглушительная пустота после колоссального нервного напряжения.

«Ну что?» – спросила Елена, наблюдая за ним.

«Он едет, – прошептал Алексей. – Теперь в игре третий участник».

Он отправил смс с адресом гостиницы и откинулся на подушку, закрыв глаза. Теперь все изменилось. Он был не просто жертвой. Он был частью команды. Пусть странной, непредсказуемой, но команды. И этот факт приносил не просто облегчение, а крошечную, но очень важную искру надежды.

Он не знал, что ждет их дальше. Не знал, кто такие эти люди и чего они хотят. Но он знал одно: Егор Смирнов был тем, кто мог дать им ответы. И, возможно, единственным, кто мог их защитить.

Глава 6: «Волк в стае»

Рассвет застал их в том же номере, в состоянии тягучего, тревожного ожидания. Алексей, не сомкнувший глаз, ворочался на кровати, при каждом шорохе за дверью замирая и впиваясь в нее взглядом. Елена, задремавшая на пару часов, теперь снова сидела за ноутбуком, ее лицо в синеватом свете экрана казалось осунувшимся и серьезным. Они пили чай из гостиничных пакетиков – безвкусный, жидкий, но хоть какая-то видимость нормальности.

Спасительный стук в дверь прозвучал ровно в шесть утра. Три четких, коротких удара. Не просящие, а констатирующие.

Алексей вздрогнул и посмотрел на Елену. Она кивнула, отложив ноутбук в сторону. Он подошел к двери, посмотрел в глазок, и облегченно выдохнул.

«Откройте, Белых, не замерзать же мне тут», – раздался из-за двери низкий, хриплый голос, который он слышал несколько часов назад по телефону.

Алексей сдернул цепочку и открыл.

На пороге, заполняя собой весь проем, стоял Егор Смирнов. Мужчина выше среднего роста, с плечами боксера. На нем была поношенная, но качественная кожанка темно-коричневого цвета, под ней – простой темный свитер. Волосы с проседью были коротко стрижены, на лице квадратном лице с крупными чертами читались усталость и опыт множества бессонных ночей. Но главное – это были его глаза. Серые, цепкие, сканирующие. Они за долю секунды провели инвентаризацию всего: прихожей, номера, растерянного Алексея, Елены у стола, разбросанных вещей. Это был взгляд, который не упускал ни одной детали, мгновенно оценивающий обстановку, людей, уровни угрозы.

«Ну, здравствуй, архивариус, – Смирнов шагнул в номер, его присутствие физически изменило атмосферу в комнате, наполнив ее напряженной энергией. – Жив, я смотрю. Уже неплохо».

Он снял кожанку и бросил ее на спинку стула. Его взгляд упал на Елену, которая поднялась ему навстречу.

«А это кто?» – спросил он, обращаясь к Алексею, но не отводя от нее глаз.

«Елена Соколова. Журналист. Она была в парке, помогла мне», – поспешно объяснил Алексей.

Смирнов медленно кивнул, изучая ее с ног до головы. Он знакомился с Еленой. Его вердикт был быстрым и безжалостным.

«Журналистка? – он произнес это слово с легкой, но отчетливой презрительной ноткой. – Пресса. Отлично. Не хватало только утечек в желтую газетенку. Слушай сюда, Соколова. Вы здесь по воле случая. Можете быть полезны. Но лишняя болтовня – где угодно, с кем угодно – и вылетишь из игры. Поняла? Я не буду разбираться, случайно это или нет. Просто выставлю тебя за дверь к нашим друзьям. Уяснила?»

Елена, казалось, была готова к такому приему. Она не смутилась, лишь чуть приподняла подбородок. «Уяснила. Но без меня у вас не было бы и половины информации. И без меня вы вряд ли найдете то, что нужно, в информационном поле. Так что давайте без угроз. Я здесь, потому что меня тоже втянуло, и мне это, как ни странно, интересно».

Смирнов усмехнулся уголком рта. «Дерзкая. Ладно. Посмотрим». Он повернулся к Алексею. «А ты, я смотрю, весь перемазанный. Сражался с грязью?»

«Провалился в протоку», – мрачно буркнул Алексей.

«Классно. Настоящий Индиана Джонс. Ну что, показывай, из-за чего весь сыр-бор».

Смирнов не стал тратить время. Он достал из своего вещмешка небольшой походный чайник, заварил в нем крепчайший чай, разлил по пластиковым стаканчикам и уселся за стол, отодвинув ноутбук Елены. Он смотрел на них как следователь, готовящийся к допросу.

«Так, – начал он, закуривая. – Начнем с начала. И по порядку. Белых, твоя версия. Подробно, но без лирики. Только факты».

Алексей, под его тяжелым взглядом, снова, уже в который раз, пересказал всю историю. На этот раз более структурно, опираясь на хронологию. Смирнов слушал, не перебивая, лишь изредка делая пометки в своем блокноте.

Когда Алексей закончил, Смирнов повернулся к Елене. «Теперь вы. Что видели, что слышали. С момента, как заметили Белых».

Елена описала свое наблюдение, погоню, слова преследователей. Смирнов кивал, сверяясь со своими записями.

Потом начались вопросы. Он задавал неожиданные, точные вопросы, выжимая из их памяти каждую мелочь.

«Одежда, обувь преследователей? Не просто „темная“, а что именно? Кроссовки, ботинки? Кожа, ткань?»

Алексей задумался. «Тот, что в пальто... в туфлях. Кожаных. Дорогих. Другой... в ботинках, армейского типа».

«Какие акценты в речи? Малейшие особенности. Оканье, гэкание, слова-паразиты».

«Человек в пальто говорил... очень грамотно, – вспомнила Елена. – Без акцента. Как диктор. Но... с легкой картавинкой. Едва заметной».

Смирнов сделал пометку. «Марка и цвет внедорожника? Номера? Хотя бы часть, регион».

«Темный, – сказал Алексей. – Синий или черный. Mercedes, кажется. G-класс. Номера... не увидел. Слишком темно было».

«Они не местные, – тихо проговорил Смирнов, глядя на свои записи. – Дорогая обувь, грамотная речь, иномарка бизнес-класса. Столичные гости. Интересно».

Он отпил чаю и перевел взгляд на чертеж, который Алексей осторожно развернул на столе.

«Fons Vitalis... „Источник жизни“ – прочел он вслух. – Пафосно. Слишком пафосно для простого хранилища бумаг. Ломоносов был практиком. Философом, но практиком. Могло ли это быть связано не с философией, а с чем-то конкретным? С тем, что дает жизнь? Медициной? Химией? Может, там не архив, а лаборатория? Или результаты экспериментов?»

Алексей посмотрел на него с интересом. Он сам думал об архиве как о собрании текстов. Версия Смирнова придавала всему новый, более опасный и конкретный смысл.

Смирнов откинулся на стуле, выпустив струйку дыма в потолок.

«Итак, что мы имеем. Организованная группа. Хорошо информированная. Финансируемая. Цель – не вы и не журналистка, а этот чертеж и то, к чему он ведет. Почему?»

Он постучал пальцем по столу.

«Версия первая: Корпоративный шпионаж. Самый вероятный вариант. Возможно, кто-то из современных фармацевтических или химических компаний знает о потенциальной ценности открытий Ломоносова. Ученые того времени работали с тем, что было под рукой. Травы, минералы, руды. Ломоносов мог наткнуться на что-то гениальное – новый антибиотик, формулу сплава, принцип катализа. Что-то, что можно воспроизвести сегодня и запатентовать. Или, наоборот, похоронить, если это угрожает их бизнесу. Они охотятся за этим, чтобы получить технологическое преимущество. Или устранить угрозу».

«Версия вторая: „Теневики“ от коллекционирования. Менее вероятно, но нельзя сбрасывать со счетов. Есть богатые нелегальные коллекционеры, одержимые историей России. Готовые платить миллионы за уникальный артефакт. И готовые на все ради обладания им. Для них это просто еще один трофей. Дорогой и эксклюзивный».

Он посмотрел прямо на Алексея. «Версия третья: Внутренние враги. Кто-то из твоих коллег в институте. Кто высмеял тебя при всех, но сам поверил в твоё открытие. Решил дей-

ствовать в тени, наняв профессионалов, чтобы забрать все лавры и деньги себе. Ты же говорил, все смеялись? А вдруг один смеялся громче всех, чтобы скрыть свой интерес?»

Алексей почувствовал, как по спине пробежал холодок. Версия с Плотниковым или даже с Крутовым внезапно стала не такой уж невероятной.

«Сидеть сложа руки – значит проиграть, – Смирнов потушил сигарету. – Начинаем работать. Каждый на своем фронте».

Он составил план, раздавая задания, как полководец перед операцией.

«Соколова, – он посмотрел на Елену. – Используйте свои журналистские навыки. Но тихо. Без лишнего шума. Копайте в сторону фармбизнеса. Ищите компании, особенно с историей, которые могли бы проявить интерес к историческим патентам или альтернативной медицине. Ищите любые упоминания о Ломоносове в контексте коммерческих исследований. Также ищите информацию о любых попытках приватизации или выкупа усадьбы Тайцы в последние годы. Кто стоял за этими попытками?»

Елена кивнула, ее глаза загорелись азартом. «Есть».

«Белых, – Смирнов повернулся к Алексею. – Пока мы в безопасности, ваша задача – детально изучить чертеж. Сантиметр за сантиметром. Сопоставьте его с современными и историческими картами, спутниковыми снимками. Попытайтесь понять, куда ведет эта дренажная система. Нужно точно определить местоположение „Источника“. И ищите любые скрытые символы, пометки, которые мы могли упустить. Вы эксперт по бумагам. Делайте то, что умеете».

Алексей почувствовал прилив уверенности. Наконец-то ему дали задание, в котором он компетентен. «Я займусь этим».

«А я займусь нашими друзьями, – заключил Смирнов. – У меня есть старые связи. Посмотрим, кто они такие. И откуда растут ноги. Пока вы работаете, я проверю окрестности, убедимся, что за нами не установили наружное наблюдение».

Алексей и Елена погрузились в работу. Алексей разложил чертеж на столе, вооружившись лупой и планшетом с картами. Елена, уткнувшись в ноутбук, начала свой цифровой поиск, ее пальцы быстро стучали по клавиатуре.

Смирнов постоял, посмотрев на них, затем вышел на балкон. Утренний воздух был холодным и свежим. Внизу просыпался маленький городок, доносился гул редких машин. Он достал старый, потрепанный телефон, не смартфон, а простую «раскладушку», и набрал номер.

Ответили почти мгновенно.

Смирнов говорил тихо, его голос был низким и собранным.

«Сергей, это Смирнов.»

Пауза. Потом он продолжил.

«Прощупай ты мне одну контору... Да, я снова в строю.»

Еще пауза. Слушая что-то, Смирнов смотрел на горизонт, где над лесом поднималось солнце.

«Нашлось одно не закрытое дельце... историческое.»

Он выслушал ответ, коротко кивнул, хотя собеседник не мог его видеть.

«Жду информации. И, Сергей... это может быть серьезно».

Он положил трубку и остался стоять на балконе, опершись на перила. Его лицо, освещенное утренним светом, было серьезным и сосредоточенным. Скучной пенсии пришел конец.

Внизу, на противоположной стороне улицы, припарковалась серая машина. Не та, что была в Тайцах. Другая. Но Смирнов, как и Алексей, имел свою паранойю, отточенную годами. Его взгляд, как радар, зацепился за нее. За темным стеклом водительской двери он разглядел слабый блик – возможно, от бинокля или объектива фотоаппарата.

Уголок его рта дрогнул в подобии улыбки. Не улыбки радости, а улыбки охотника, почувшего дичь.

Охота началась. И теперь он знал наверняка – они не просто убегали. Они были целью.

Глава 7: «Тень на пороге»

Рассвет застал их в дороге. Смирнов, не говоря ни слова, собрал их скудные пожитки и велел садиться в его машину – старый, но ухоженный внедорожник, ничем не примечательный, идеальный для того, чтобы теряться в потоке. Он провел их лабиринтом спальных районов, несколько раз меняя направление и кружа по одному и тому же кварталу, его глаза постоянно метались по зеркалам заднего вида.

«Лишняя предосторожность не повредит», – бросил он в ответ на немой вопрос Алексея.

Они остановились у типовой девятиэтажки где-то на окраине, в районе, где панельные дома как близнецы стояли рядами, а дворы были лабиринтами из детских площадок и припаркованных машин. Квартира находилась на первом этаже, с выходом во двор и в противоположный подъезд – Смирнов сразу отметил это как плюс для быстрой эвакуации.

Войдя внутрь, Алексей и Елена увидели безликую, меблированную «коробку». Обычная трехкомнатная квартира с ремонтом десятилетней давности: бежевые обои, коричневый ковер, стандартный гарнитур из светлого дерева. Ни лишних вещей, ни следов чьей-либо жизни. Воздух пахнет пылью и затхлостью, как в номере гостиницы, но с примесью запаха старого табака.

Первым делом Смирнов провел здесь собственный, еще более тщательный, чем у Алексея, осмотр на наличие «жучков». Он действовал методично и профессионально. Из своего вещмешка он достал небольшой прибор, напоминающий рацию с антенной, и начал медленно обходить комнаты, водя им вдоль стен, заглядывая за розетки, вентиляционные решетки, осветительные приборы, проверяя телефонные розетки и даже дверные косяки. Он отключил роутер, принесенный предыдущими жильцами, и заклеил изолентой глазок входной двери.

«Чисто», – наконец заключил он, возвращаясь в гостиную. – «Но это пока. Надолго здесь не задержимся».

Он распределил комнаты: Алексей – в самую маленькую, с окном во двор, Елена – в соседнюю, сам он устроился в гостиной на диване, откуда был виден и вход, и коридор.

«Теперь поговорим», – сказал Смирнов, указывая им на старомодный диван и кресла.

Они устроились в гостиной. Утренний свет, пробивавшийся сквозь грязные окна, был серым и безрадостным.

«Итак, новости, – начал Смирнов, закуривая. – Не самые приятные. Та серая машина, что я видел у вашей гостиницы. Она была не случайной».

Алексей почувствовал, как у него похолодело внутри.

«Я сделал пару звонков. Номер подставной, владелец – фирма-однодневка. Но сам факт, что они так быстро вышли на вашу „Уютную“ гостиницу... Это доказывает, что их противники обладают значительными ресурсами – как человеческими, так и техническими. Они не просто бандиты. У них есть доступ к базам данных, к системам слежения. Возможно, к слухам в полиции».

Он пристально посмотрел на Алексея. Его взгляд был тяжелым и не терпящим лжи.

«Белых, сейчас самый важный вопрос. Ты уверен, что никому не говорил о своей поездке? Ни единому человеку? Не брякнул лишнего в курилке? Не похвастался открытием другу? Не написал в чате?»

Алексей замер. Его память, обычно ясная и структурированная, затуманилась от страха и усталости. Он лихорадочно перебирал в уме последние дни. Коллеги... планерка... насмешки... Его отъезд...

Алексей, бледнея, вспомнил. Он поднял на Смирнова виноватый взгляд.

«Я... я говорил только Олегу Борисовичу. Крутову. Моему начальнику. Когда брал отгул. Но я сказал, что у меня... семейные обстоятельства. Ни слова про Тайцы! Ни слова про Ломосова!»

Смирнов медленно выдохнул дым.

«Семейные обстоятельства, – повторил он с едва уловимой иронией. – И в тот же день ты, известный специалист по XVIII веку, оказываешься в заброшенной усадьбе Демидовых, где на тебя нападают. Слишком большое совпадение, не находишь?»

Это оставляло зыбкую, но возможную лазейку для версии о внутреннем враге. Мог ли Крутов, высмеяв его публично, самому заинтересоваться открытием? Или, что еще страшнее, мог ли он быть тем, кого подкупили или кто работает на их преследователей?

«Но как они вышли на меня так быстро?» – с отчаянием спросил Алексей. – «Я никому не звонил, не писал...»

«Компьютер, – тихо сказала Елена. Все взгляды обратились к ней. – Твой рабочий компьютер в институте. Ты сказал, что нашел письмо, работая с оцифровкой. Если у них есть доступ к системе... или если они внедрили своего человека в IT-отдел... они могли отслеживать твои действия. Твои поисковые запросы. Файлы, которые ты открывал».

Алексей почувствовал, как пол уходит у него из-под ног. Его цитадель, его священное пространство – архив – было осквернено. Его собственная башня из слоновой кости оказалась прозрачной для чужих глаз.

Атмосфера в комнате была напряженной, но уже не панической. Сменилась локация, появился план, пусть и призрачный. И самое главное – появился лидер. Смирнов был очевидным лидером. Он не суетился, не кричал. Его спокойствие было заразительным и в то же время требовательным.

«Так, – он потушил окурок в пепельнице, принесенной с кухни. – Давайте структурируем. Ситуация следующая. Мы в осаде. Противник силен, профессионален и обладает информресурсом. Уходить в глухую оборону – значит проиграть. Отступить некуда. Значит, нужно атаковать. Но для этого нужно понять, кто они и чего хотят».

Он обвел взглядом Алексея и Елену.

«Давайте еще раз, по косточкам. Белых, твое открытие. Ты нашел письмо. Поехал в Тайцы. И там на тебя практически сразу вышли. Вопрос: как они тебя нашли?»

Алексей молчал, сжав кулаки. Он чувствовал себя виноватым. Виноватым в том, что оказался таким наивным, таким неподготовленным.

«Есть варианты, – продолжал Смирнов. – Первый: у них есть человек в институте. Крутов или кто-то еще. Кто-то, кто знал о твоей находке и о твоих планах. Второй: они мониторили цифровой архив и получили алерт по ключевым словам – „Старов“, „Демидов“, „Ломоносов“. И как только ты, сотрудник, имеющий доступ, вызвал этот файл, к тебе проявили интерес. Или и то, и другое сразу. Я склоняюсь ко второму варианту. Человек в институте мог бы действовать тоньше. А вот автоматический алерт... он срабатывает мгновенно».

«Но почему? – вырвалось у Елены. – Почему кто-то вообще мониторит архивные документы двухсотлетней давности? Что в них такого ценного?»

«В этом и есть главный вопрос, – кивнул Смирнов. – Ответ на который, я подозреваю, и кроется в этом „Источнике Жизни“. Они знают, что ищут. А мы – пока нет. Мы на шаг позади. И этот шаг нужно наверстать».

Он встал и прошелся по комнате.

«Вот что мы сделаем. Мы разделим обязанности. Соколова, вам нужно использовать ваши журналистские навыки. Искать любые упоминания о Демидовых, Ломоносове и усадьбе Тайцы в контексте коммерческих интересов. Фармацевтика, химия, металлургия. Все, что может иметь практическую ценность сегодня».

Елена кивнула, ее глаза загорелись азартом исследователя.

«Белых, твоя задача – этот чертеж. Изучи его так, как будто от этого зависит твоя жизнь. Потому что так оно и есть. Нужно точно определить, где находится этот „Источник“. Сопоставь с картами, ищи скрытые символы. Ты – наш эксперт по прошлому. Работай».

Алексей почувствовал прилив решимости. Наконец-то ему дали задание, в котором он чувствовал себя уверенно.

«А я, – Смирнов хмуро улыбнулся, – займусь нашими друзьями. Попробую выяснить, кто стоит за этой серой машиной и подставной фирмой. У меня есть кое-какие старые долги».

В этот момент в квартире внезапно погас свет. Они замерли в полной тишине и темноте. Через секунду за окном, во дворе, раздался оглушительный хлопок, а затем треск – звук ломающегося дерева и звяканье стекла.

Все трое бросились к окну. Во дворе, прямо на месте, где обычно парковался Смирнов, теперь лежала огромная ветка старого тополя, обломанная ураганным порывом ветра. Она придавила собой соседский мусорный контейнер, разбросав отбросы по всему двору. Машины, к счастью, она не задела.

«Просто ветер», – выдохнула Елена, прислонившись лбом к холодному стеклу.

Но Смирнов не отходил от окна. Его взгляд был прикован не к ветке, а к противоположной стороне двора. Там, в тени между двумя гаражами, стоял человек в темной куртке. Он не двигался, просто стоял и смотрел на их окна. И хотя было невозможно разглядеть его лицо с такого расстояния, Алексей почувствовал предательский страх.

Человек простоял еще несколько секунд, затем развернулся и бесшумно растворился в темноте.

Смирнов медленно отступил от окна, его лицо было каменным.

«Нет, – тихо сказал он. – Это не просто ветер. Они нас нашли. Наше новое „безопасное“ убежище скомпрометировано. Готовьтесь. У нас очень мало времени».

Глава 8: «Нити прошлого»

После того как Смирнов заметил наблюдателя во дворе, он немедленно провел новый, еще более беглый осмотр, но не нашел подслушивающих устройств. Это не успокоило, а лишь усилило тревогу. Противник не лез внутрь – он держал их в осаде, демонстрируя, что знает их местонахождение. Это была психологическая атака.

«Меняем локацию через три часа, – сурово объявил Смирнов. – А пока работаем. Быстро».

Команда рассредоточилась по квартире, словно боевой расчет. Смирнов уединился на кухне со своим старым телефоном, его низкий, размеренный голос доносился сквозь приоткрытую дверь. Он обзванивал контакты, с которыми не разговаривал годами, восстанавливая нити своей старой сети, проверяя отклик на фамилию «Смирнов».

Алексей заперся в маленькой комнате. Он разложил на столе бесценный чертеж, прижав его края книгами, и вооружился лупой. Каждая линия, каждый штрих, каждый выцветший от времени знак подвергался тщательному изучению. Он сравнивал схему со старыми картами усадьбы на планшете, пытаясь наложить контуры дренажной системы на современный ландшафт. Его мир сузился до переплетения линий и условных обозначений. Он искал ключ, спрятанный на самом виду.

А в гостиной, устроившись на полу, спиной к стене, чтобы видеть и входную дверь, и окно, работала Елена. Она погрузилась в цифровые архивы. Ее ноутбук был подключен к мобильному интернету через несколько VPN-серверов, которые она переключала каждые пятнадцать минут. Она использовала не только открытые источники – оцифрованные библиотеки, исторические форумы. У нее были логины и пароли к платным базам данных, доступным для журналистов-расследователей: корпоративные реестры, базы данных по патентам, научные публикации.

Ее цель была четкой: найти связь, которая превратит красивую легенду в практическую мотивацию. Почему кто-то, обладающий огромными ресурсами, охотится за бумагами двухсотлетней давности? Что в них может быть такого ценного в эпоху нанотехнологий и искусственного интеллекта? Она искала мост между прошлым и настоящим, зная, что именно по нему пришла угроза.

Она составляла списки запросов, комбинируя имена и термины: «Демидов» + «Ломоносов» + «финансирование»; «Уральские заводы» + «Академия Наук» + «эксперименты»; «Старов» + «лаборатория»; «Стеклянная коллекция» + «рецепт». Десятки, сотни запросов. Большинство вели в тупик или выдавали общеизвестную информацию. Но Елена была упорна. Она чувствовала, что ответ где-то рядом, застроенный цифровым шумом и слоями времени.

Прошел час. Алексей вышел из своей комнаты, его лицо было бледным от напряжения.

«Я, кажется, что-то нашел, – сказал он. – Эта система... она слишком сложна для простого дренажа. Здесь есть каналы, которые идут не к прудам, а куда-то вглубь, под холм. И есть пометка, крошечный знак, похожий на колбу...»

В этот момент Елена ахнула. Негромко, но так, что оба мужчины обернулись. Она уставилась на экран, ее глаза были широко раскрыты.

«Идите сюда, – позвала она, не отрывая взгляда от монитора. – Быстрее».

Они столпились вокруг нее. На экране были открыты два сканированных документа. Один – письмо из архива Академии Наук, другой – страница из хозяйственной книги, помеченная гербом Демидовых.

«Смотрите, – ее голос дрожал от возбуждения. – Я нашла. Упоминания в переписке Академии Наук и в хозяйственных книгах Демидовых о том, что они спонсировали некоторые опыты Ломоносова в области химии и металлургии.»

Она прокрутила текст.

«Речь идет не о теоретических изысканиях. Вот, смотрите: „...на поставку материалов для варения цветных стекол по рецепту советника Ломоносова, для нужд оптических приборов...“ Вот еще: „...перечислено по расписке А. Г. Демидова пятьсот рублей на постройку печи для плавки стали по новому методу...“ И вот это... самое интересное».

Она открыла другой документ. Расписка о получении средств. Сумма была огромной по тем временам. В графе «Назначение платежа» было написано: «На проведение секретных лабораторных изысканий, согласно договоренности.» Подпись – Александр Демидов.

Они финансировали его прикладные исследования, – продолжила Елена. – Создание новых сортов стекла для оптических приборов, усовершенствование методов выплавки стали, эксперименты с минеральными красителями. И вот эти «секретные лабораторные изыскания»... Это же прямое указание!

Она откинулась на спинку стула, сияя. —

«Это не просто теория. Ломоносов что-то создавал. Что-то конкретное. И Демидовы в это вкладывались, видя в этом практическую выгоду для своих заводов».

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь гулом процессора ноутбука. Три пары глаз были прикованы к экрану, где мерцали доказательства их догадок.

Елена с триумфом посмотрела на мужчин. Возникла версия, которая все ставила на свои места.

«Архив может содержать не только теоретические труды, но и некие практические открытия, формулы или технологии, имеющие ценность и сегодня», – заключила она.

Смирнов, стоявший рядом, медленно кивнул. Его аналитический ум уже работал, развивая мысль.

«Ломоносов мог случайно создать прототип чего-то гениального, – сказал он, его голос был ровным и уверенным. – Что-то, что опередило время на столетия. Например, антибиотик на основе плесени, задолго до Флеминга. Или сверхпрочный сплав, секрет которого был утерян. Что-то, что не могли воспроизвести тогда из-за несовершенства технологий, но что можно легко воссоздать и запатентовать сегодня. И какая-то корпорация об этом знает. Возможно, у них есть свои историки, свои люди в архивах. Они вышли на тот же след, что и ты, Белых. Но их цель – не научное открытие, а коммерческая выгода. Или... устранение угрозы».

Алексей, до сих пор молчавший, поднял голову. Его глаза горели. Собранные им разрозненные пазлы наконец сложились в единую, пугающую картину.

«Fons Vitalis – „Источник Жизни“, – прошептал он. – Это могла быть метафора не просто знания, а конкретного изобретения, продлевающего жизнь? Лекарства? Средства от какой-то болезни? Ломоносов же изучал медицину, анатомию... Что, если он нашел нечто... фундаментальное?»

Елена добавила, подхватывая мысль: «Или это могло быть что-то, что угрожает их бизнесу. Например, дешевый аналог их главного продукта. Представьте, какая-нибудь фармацевтическая гигантская корпорация продает лекарство за тысячи долларов. А тут находится рецепт XVIII века, позволяющий создать то же самое из подручных средств. Они готовы на все, чтобы похоронить такую находку. Или, наоборот, присвоить ее и выдать за свою новейшую разработку».

Они смотрели друг на друга, осознавая масштаб. Это была не просто охота за артефактом. Это была битва за технологию, за идею, которая могла изменить мир – или принести кому-то баснословные прибыли.

«Значит, в этом „Источнике“ может быть не архив, а... лаборатория? – сказал Алексей. – Или хранилище с образцами? С формулами?»

«Вполне возможно, – согласился Смирнов. – Твой чертеж – это план не дренажа, а системы подземных коммуникаций для этой самой лаборатории. С водопроводом, вентиляцией... И всем, что нужно для серьезных опытов».

В этот момент его телефон на кухне завибрировал. Смирнов вышел, чтобы ответить. Через минуту он вернулся. Его лицо было мрачным.

«Новости, – сказал он коротко. – Мой контакт проверил ту подставную фирму. Деньги на ее счетах – отмытые через офшоры. Но есть один перевод, который удалось отследить. Он шел из фонда, который формально занимается благотворительностью, но его бенефициарный владелец – холдинговая компания „Айгис Фарма“».

Он посмотрел на них.

«Похоже, ваша версия о фармацевтике, Соколова, была самой горячей. „Айгис“ – один из лидеров на рынке. У них грядет выпуск нового, революционного препарата от онкологических заболеваний. Патенты, огромные инвестиции в исследования...»

Он сделал паузу, давая им осознать.

«И теперь представьте, что прямо перед этим выпуском вдруг всплывают бумаги Ломоносова с рецептом какого-нибудь целебного настоя из сибирских трав, который делает то же самое, но в сто раз дешевле. Или, что еще хуже, с формулой синтеза действующего вещества их же препарата, что доказывает, что их „революционная“ разработка – всего лишь краденная и переработанная идея двухсотлетней давности, не патентоспособная».

В квартире стало тихо. Теперь у их преследователей было не только лицо, но и имя. И мотив, оказавшийся куда серьезнее и циничнее, чем они могли предположить.

«Значит, „Источник Жизни“ – это буквально угроза их существованию, – тихо проговорила Елена. – Они не просто хотят его заполучить. Они хотят его уничтожить».

Смирнов мрачно кивнул.

«Теперь мы знаем, с кем имеем дело. И знаем, что времени у нас еще меньше, чем мы думали. Они не отстанут. Пока этот чертеж и то, что к нему ведет, существуют, мы – ходячие мертвецы. Наша единственная надежда – найти это первыми. И обнародовать это так, чтобы они не могли это похоронить».

Он посмотрел на Алексея.

«Ты нашел то, что искал на карте?»

Алексей, все еще бледный, кивнул.

«Да. Я знаю, куда нам нужно идти. „Источник“ находится не в парке. Вернее, не совсем в парке. Он находится под ним. Вход – через грот на берегу одного из прудов, возле „Зверинца“. Тот, что считается полностью обрушившимся».

«Отлично, – Смирнов хмуро улыбнулся. – Тогда собираемся. Наша вылазка в Тайцы только что стала миссией по спасению. Причем не только нашей. Похоже, мы боремся за правду, которую кто-то очень могущественный хочет навсегда скрыть от мира».

Глава 9: «Кристаллизация»

Осознание того, что их противник – не безликая банда, а могущественная корпорация с почти неограниченными ресурсами, нависло над безопасной квартирой тяжелой, свинцовой тучей. Тишина, последовавшая за открытием Елены, была хуже любого взрыва. Они сидели в гостиной, каждый переваривая новую реальность. «Айгис Фарма». Это имя меняло все. Оно превращало их из жертв случайного нападения в целенаправленную мишень в войне, о которой они даже не подозревали.

Смирнов нарушил молчание. Он встал и начал медленно прохаживаться по комнате, его взгляд перемещался с Алексея на Елену и обратно. В его движениях была сосредоточенная мощь хищника, оценивающего свою стаю перед охотой.

«Так, – его голос прозвучал резко, разрушая оцепенение. – Паника и разброд – это роскошь, которую мы не можем себе позволить. Мы сейчас – как три слепых мудреца, которые тыкали пальцем в слона. Пора начинать видеть слона целиком».

Он остановился перед Алексеем.

«Белых. Ты нашел эту зацепку. Ты смог прочитать то, что другие посчитали бредом. Ты разгадал шифр Старова. Без тебя мы бы до сих пор копались в архивах, не зная, что ищем. Ты – Мозг и Эксперт. Только ты можешь правильно интерпретировать исторические документы, символы и сам чертеж. Твои знания – это не просто эрудиция. Это ключ к разгадке тайны XVIII века. Твоя задача – вести нас по следу, который оставили Старов и Ломоносов. Ты – наш компас в прошлом».

Алексей почувствовал, как по его телу разливается странное тепло – смесь страха и гордости. Впервые в жизни его глубочайшие, узкоспециальные знания были не просто высмеяны, а признаны жизненно важным оружием. Он кивнул, не в силах вымолвить ни слова.

Затем Смирнов повернулся к Елене.

«Соколова. Ты за несколько часов нашла то, что я со своими контактами не смог бы раскопать за неделю. Ты превратила гипотезу в работающую версию. Ты видишь связи там, где другие видят разрозненные факты. Ты – Исследователь и Связной. Ты обеспечиваешь нас информационной поддержкой, находишь данные в современном цифровом поле, можешь через свои каналы проверить корпоративные связи. Ты – наши глаза и уши в настоящем. И, что немаловажно, ты умеешь быстро думать и действовать в стрессовой ситуации, что уже не раз нас спасало».

Елена выпрямила спину. Ее амбиции журналиста, жажда большой истории, наконец-то обрели не просто цель, а высший смысл. Это было больше, чем репортаж. Это была миссия.

«Я в игре», – просто сказала она, и в ее глазах вспыхнула решимость.

«А я, – Смирнов хлопнул себя по груди, – Стратег и Силовик. Я обеспечиваю безопасность, анализирую действия противника, планирую операции и являюсь вашей „мускульной силой“. Я – щит, который прикроет вас, и меч, который расчистит путь. Я не позволю им до вас добраться, пока вы делаете свое дело».

Становилось ясно, что в одиночку никто из них не справился бы. Алексей был бы уже пойман или чего похуже. Елена, обладая информацией, не имела бы ни малейшего шанса против вооруженных людей. Смирнов, обладая силой и опытом, безнадежно блуждал бы в потемках прошлого. Но вместе они были единым организмом, где каждый орган выполнял свою жизненно важную функцию.

С новым пониманием своих ролей они снова собрались вокруг чертежа и ноутбука. Теперь это был не хаотичный обмен информацией, а слаженная работа.

«Итак, „Айгис Фарма“, – начала Елена, выводя на экран данные по компании. – Гигант. Годовой оборот – миллиарды. Специализация – онкология, орфанные заболевания. Их гря-

дущий препарат – „Аурум-17“ – это обещанное чудо, терапия против рака поджелудочной железы. Фаза клинических испытаний почти завершена. Акции компании взлетели до небес в ожидании одобрения».

Алексей, используя находки Елены, по-новому смотрел на чертеж. Теперь он видел не просто инженерный план, а проект научного сооружения.

«Смотрите, – он провел пальцем по извилистым линиям. – Я предполагаю, что эта сложная система каналов и тоннелей – это не просто дренаж. Это схема подземной лаборатории или хранилища. Видите эти ответвления? Они сходятся к одной точке, но здесь... здесь есть механизм. Знак, похожий на шестерню. Возможно, это система гидравлики для привода каких-то механизмов. Для вентиляции? Для подъема тяжестей? Или... для подачи воды в некий реактор?»

Он взял планшет, открыл спутниковые снимки и наложил на них отсканированную старую карту парка.

«И вот что самое главное. Я сопоставил старые карты с современными спутниковыми снимками и определил возможный район расположения „Источника“. Это глухая, заболоченная часть парка, далекая от основных туристических троп. Рядом со старым „Зверинцем“. Тот самый грот, который я упоминал. На старых планах к нему вела аллея, но сейчас она полностью заросла. И самое интересное...»

Он увеличил изображение.

«...согласно этому чертежу, один из каналов должен выходить к небольшому, безымянному озерцу, которого... сейчас нет на картах. Но если посмотреть на снимок в инфракрасном диапазоне... видите это влажное пятно? Контур? Почва там до сих пор насыщена влагой. Озеро не исчезло. Оно ушло под землю. И наш „Источник“, я почти уверен, находится где-то здесь».

Он обвел кружком область на стыке бывшего «Зверинца», заросшего грота и невидимого озера.

После небольшого совещания команда решает, что нужно действовать на опережение. Сидеть в засаде, ожидая следующего удара, было бы самоубийственно.

«У нас есть локация, – заключил Смирнов. – И, что важнее, у нас есть мотив противника. Они не просто хотят украсть. Они хотят уничтожить. Значит, они не станут церемониться. Нужно самим найти „Источник“, пока это не сделали наши противники. Настаиваю на немедленной вылазке, пока у нас есть элемент неожиданности. Они знают, где мы, но не знают, что мы уже вычислили их и знаем, куда идти. Это наше единственное преимущество».

Алексей молча кивнул, но его взгляд был рассеянным. Он снова смотрел на чертеж, на едва заметный узор по краям схемы. Виньетка, которую он сначала принял за орнамент, теперь казалась ему знакомой. Циркуль, ветка акации... Классические масонские символы. И в центре – все тот же Уроборос, змея, пожирающая хвост, но на этот раз ее тело было извито в форме лабиринта.

Алексея осенила еще одна догадка, связанная с масонской символикой Старова. Что если «Сердце Лабиринта» – это не географический центр, а нечто иное? Что если это точка, соответствующая «сердцу» в плане, построенном по принципу сакральной геометрии? И что, если сам чертеж содержит не один, а несколько ключей, наложенных друг на друга? Один – для инженеров и строителей, другой – для посвященных?

Но он пока не стал ей делиться, опасаясь ошибки. Мысль была слишком зыбкой, почти мистической. Смирнов, человек фактов и протокола, мог счесть это бредом. А Елена, увлеченная практической стороной, могла не понять. Он решил проверить ее на месте, ориентируясь на те самые символы, когда они окажутся в парке. Это был его личный, тайный замысел.

«Сегодня ночью, – сказал Смирнов, прерывая его размышления. – Уходим отсюда за час до рассвета. У них будет меньше времени на реакцию».

Решение было принято. Команда «трио» окончательно сформирована. Они больше не просто случайные люди, объединенные угрозой. Они – специалисты, объединившие свои уникальные навыки для достижения общей цели. В их взаимодействии исчезла прежняя напряженность, ей на смену пришла собранная, деловая энергетика.

Под покровом ночи они начали подготовку к новой вылазке в усадьбу Тайцы. Но на этот раз это была не поездка испуганного архивариуса. Это была хорошо спланированная операция.

Смирнов проверил оружие – не только травматический пистолет, но и мощный электрошокер и тяжелый тактический фонарь. Он разложил по карманам индивидуальную аптечку, наручники и складной нож.

Елена зарядила аккумуляторы камер, фонарей и портативных раций. Она создала зашифрованный канал в мессенджере для экстренной связи и зачала в свой смартфон все карты и сканы, сделав их доступными оффлайн. Она также подготовила пакет документов, который в случае их провала должен был быть автоматически отправлен в несколько крупных редакций.

Алексей готовил снаряжение: веревки, карабины, скотч, инструменты. Он тщательно скопировал чертеж, переносил все пометки на прочный пластиковый лист, а оригинал спрятал в тайнике – в вентиляционной шахте в ванной, завернутым в водонепроницаемый пакет. Он чувствовал, что прощается с частью себя, оставляя главное доказательство на произвол судьбы.

Они двигались по квартире, не мешая друг другу, и знали, что идут навстречу опасности. Возможно, навстречу своей гибели. Но теперь у них была команда: Мозг, Исследователь и Стратег. Прошрое, Настоящее и Сила. Трио.

«Готовы?» – коротко спросил Смирнов.

Алексей кивнул, поправляя очки. Елена глубоко вдохнула и выдохнула.

«Готовы».

«Тогда пошли. Наступает наш черед задавать вопросы».

Он открыл дверь, и они вышли в холодную, предрассветную тьму, оставляя за спиной иллюзию безопасности. Впереди их ждали тени старого парка, секреты Ломоносова и безжалостные наемники «Айгис Фарма».

Глава 10: «Геометрия Тайн»

Тьма в ту ночь под Гатчиной превращала знакомые очертания усадьбы в подобие театральной декорации для спектакля ужасов. Но на этот раз трое фигур, скользивших в этой тьме, были не случайными актерами, а режиссерами, готовящимися к своему выходу. Они оставили машину Смирнова в паре километрах от места, в глухом лесном кармане, и проделали остальной путь пешком, по проселочным дорогам и тропам, известным только Смирнову. Настроение было совершенно иным, чем в прошлый раз: не паническое бегство, а целенаправленное, осторожное проникновение.

Смирнов применял навыки, отточенные за годы оперативной работы. Он шел первым, его высокая фигура двигалась с удивительной плавностью. Каждые пятьдесят шагов он замирал, поднимал руку, и все застывало, вслушиваясь в ночь. Он заставлял их двигаться от дерева к дереву, использовать природный рельеф для маскировки, замирать на открытых участках. Они пересекали поляны не по прямой, а краем, сливаясь с линией леса.

«Никаких фонарей, пока я не дам команду, – прошипел он, когда вдаль показались первые темные силуэты построек. – Глаза привыкнут. И уши. Доверяйте им больше, чем гаджетам».

Алексей, сжимая в потной ладони ремень рюкзака, старался дышать тише. Он ловил себя на том, что инстинктивно копирует движения Смирнова – короткие, экономичные шаги, взгляд, скользящий не перед собой, а по сторонам, выискивая направление движения. Елена шла за ним, ее лицо было бледным, но сосредоточенным. В руках был компактный тепловизор, но Смирнов пока запрещал его включать.

Егор постоянно сканировал местность на наличие чужих. Он заставил их замереть, когда вдалеке, на трассе, на секунду мелькнули фары одинокой машины.

Наконец, они перелезли через полуразрушенную ограду в самом глухом углу парка, далеко от парадного въезда. Они были внутри.

«Пока все чисто, – тихо проговорил Смирнов. – Но расслабляться рано. Они знают, что мы можем вернуться. Идем к гроту».

Их убежищем стал относительно уцелевший каменный грот недалеко от «Зверинца». Когда-то это было романтическое место для уединения, теперь – покрытая мхом и папоротником пещера размером с небольшую комнату, с каменным ложем и обвалившимся сводом с одной стороны. Зато отсюда был хороший обзор на подходы, и сам грот было легко защищать.

Смирнов установил у входа малозаметный беспроводной датчик движения, подключенный к вибрационному брелку в его кармане. Только после этого он разрешил использовать свет. Включили два тусклых красных фонаря – красный свет меньше всего виден в ночи.

Троица начала систематическое исследование усадьбы, используя старые планы парка. Алексей расстелил на каменном полу пластиковую копию чертежа, водонепроницаемую карту XIX века и распечатку со спутниковым снимком. Они образовали своеобразный военный совет в самом сердце истории.

«Так, – начал Алексей, его голос в замкнутом пространстве грота звучал громче, чем хотелось. – Мы ищем „сердце Лабиринта“. Но мы должны думать, как Старов. Он был масоном. Для него архитектура была не просто ремеслом, а языком, формой философии».

Он указал на план. Мы не просто ищем вход, а пытаемся расшифровать метафору Старова.

«Звезда» – это не просто аллеи, – объяснял Алексей, водя пальцем по схематичному изображению. – В масонской символике звезда – это свет истины, путеводный знак. Это может быть указанием на астрономические или масонские аспекты ориентации. Возможно, аллеи

«Звезды» были сориентированы по определенным звездам или сторонам света, создавая невидимые линии силы в определенные дни года».

Он перевел палец на другой участок. «Собственный сад» был ближе к дому, возможно, для личных, самых секретных встреч. Туда приглашали только посвященных. Если Старов и Демидов хотели спрятать что-то по-настоящему важное, логично было бы сделать это ближе к себе, под видом личного пространства, а не в глубине публичного парка».

Наконец, он ткнул в центр Лабиринта. «А „Лабиринт“... его сердце – это философский, а не обязательно географический центр. Лабиринт – это символ пути посвящения, испытания. Его центр – это не точка на карте, а состояние, которого достигает искатель. Старов мог иметь в виду не физическое место, а условие. Что-то, что можно найти, только пройдя определенный путь, решив загадку».

Елена слушала, кивая. «То есть мы можем стоять в самом центре этого Лабиринта и не найти ничего, потому что не выполнили условие?»

«Именно, – вздохнул Алексей. – Мы ищем дверь, не зная пароля».

Пока Алексей и Елена углублялись в обсуждение символов, Смирнов, стоя на страже у входа в грот, осматривал местность. Его взгляд, привыкший выискивать улики и аномалии, скользил по силуэтам дворца, застывшим в ночи скульптурам, очертаниям деревьев. Он не был философом. Он был практиком. Его мир состоял из фактов, расстояний, углов и траекторий.

Его взгляд выхватывал то, что Алексей-теоретик мог упустить. Он смотрел на «гранитные изваяния сторожевых львов» у лестниц парадного входа. Их было два. И он смотрел на «бельведер с башенкой», венчающий дворец, самую высокую точку всего ансамбля, откуда открывался вид на весь парк.

Он долго молчал, сравнивая ракурсы, мысленно проводя линии. Потом тихо свистнул.

«Белых, Соколова, идите сюда. Тихо».

Они подошли к нему, встав по обе стороны в проеме грота.

Смирнов указал сначала на одного льва, потом на другого. «Эти львы... они не все одинаково „стерегут“, – прошептал он. – Посмотрите внимательно. Один, тот что слева, смотрит прямо на центральный вход во дворец. А второй... его взгляд направлен не на дом, а в сторону парка. Примерно туда, где должен быть наш Лабиринт».

Затем он поднял палец, указывая на темный силуэт бельведера, вырисовывавшийся на фоне чуть более светлого неба. «А бельведер... это самая высокая точка. Идеальный наблюдательный пункт. И идеальный ориентир».

Он обернулся к ним, и в тусклом красном свете его лицо выглядело озаренным внезапной догадкой.

«Я предполагаю, что это не просто украшения, а ориентиры, – сказал он твердо. – Как триангуляционные вышки, которые используют топографы. Старов был архитектором. Он мыслил линиями и точками, углами и перспективами. Что, если „сердце“ находится не где-то в абстрактном „центре“, а на пересечении визирных линий, проведенных от этих львов через бельведер?»

Алексей замер, его мозг, забитый символами и аллегориями, с резким щелчком переключился на чистую геометрию. Это было гениально. Просто. И логично. Зачем масону прятать секрет в случайной точке, если можно вписать его в стройную архитектурную схему, сделав частью самого ансамбля?

«Егор Петрович, вы... вы гений!» – вырвалось у Алексея.

«Не гений, – отрезал Смирнов. – Профан. Поэтому и вижу не символы, а линии прицеливания. Давай свою карту».

Они вернулись к разложенным планам. Смирнов взял карандаш и линейку. Он предположил, что «сердце» находится на пересечении визирных линий, проведенных от этих львов

через бельведер. Он провел на пластиковой копии карты две прямые линии: от каждого льва через центральную точку бельведера и дальше, в парк.

Линии сошлись. Не в центре Лабиринта, как они предполагали изначально. Они пересеклись на его восточной окраине, как раз на границе с заросшим участком, где когда-то был «Зверинец».

Точка пересечения лежала всего в двухстах метрах от их грота.

В этот самый момент в кармане Смирнова тихо, но пронзительно завибрировал датчик движения. Один раз. Два. Кто-то пересек невидимый луч в ста метрах от них, двигаясь от въезда в усадьбу.

Смирнов мгновенно погасил красные фонари. В гроте воцарилась абсолютная тьма и тишина.

«Тихо, – донесся из тьмы шепот Смирнова. – Компания. Идет прямо на нас».

Глава 11: «Линии и Тени»

Тишина, наступившая после сигнала датчика, была оглушительной. Трое в гроте замерли, превратившись в каменные изваяния, вливаясь в холодную плоть старого парка. Сердце Алексея отчаянно колотилось, казалось, его стук разносится эхом по всему гроту. Смирнов, прижавшись к краю входного проема, был неподвижен, лишь его глаза, сузившись, впивались в темноту, откуда должна была появиться угроза.

Минута растянулась в вечность. Ни звука, ни движения. Только шепот ночного ветра в вершинах сосен.

«Ложная тревога?» – едва слышно выдохнула Елена, ее пальцы впились в рукав Алексея.

Смирнов медленно, очень медленно покачал головой, не отрывая взгляда от тьмы.

«Нет. Кто-то был. Мог быть зверь. Мог быть... разведчик. Но расслабляться нельзя. Работаем быстро и тихо. У нас мало времени».

Адреналин придавал их действиям резкую, отточенную четкость. Команда приступила к проверке гипотезы Смирнова. Мысль о невидимом наблюдателе заставила их забыть о усталости и страхе.

Алексей, вооружившись компасом и лазерным дальномером, проводил расчеты. Он встал у входа в грот, стараясь занять такую позицию, чтобы быть как можно менее заметным. Дальномер был с лазерным целеуказателем, но его крошечный красный луч был практически невидим в ночи. Он наводил его сначала на одного льва, мысленно отмечая линию, затем на бельведер, измеряя расстояние и угол.

«Лев у лестницы... азимут 275 градусов... бельведер... расстояние 150 метров...» – бормотал он себе под нос, занося данные в блокнот при свете экрана смартфона, приглушенного до минимума.

Елена, используя планшет с геопривязанными картами, помогала визуализировать эти воображаемые линии. Она открыла специализированное приложение для картографии, куда были загружены все исторические планы. На экране, в режиме ночного видения, возникала трехмерная модель парка. Елена вводила данные, которые диктовал Алексей, и программа проецировала тонкие, салатовые линии поверх спутникового снимка.

«Первая линия построена, – прошептала она. – Вторая... от правого льва...»

Они работали в напряженной тишине, разрываясь между экранами и темнотой за пределами грота. Смирнов стоял на страже, его спина была напряжена, как у готового к прыжку хищника.

И вот они обнаружили, что две салатовые линии на планшете Елены, идущие от дворца, пересеклись. Но не в центре Лабиринта, как они предполагали изначально. Точка пересечения лежала метрах в пятидесяти от его восточного края, на небольшом, поросшем молодым ельником холмике, который на старых картах даже не был обозначен. Это было на окраине Лабиринта, ближе к заросшему гроту у «Зверинца», где они сейчас и находились.

«Вот он... – Алексей показал пальцем на экран. – „Сердце“. Оно здесь. В двух шагах от нас».

«Слишком просто, – мрачно проворчал Смирнов. – И слишком близко к нашему укрытию. Либо нам дико повезло, либо...»

«Либо это ловушка», – договорила за него Елена, и в гроте снова повисла тяжелая пауза.

«Так или иначе, нужно проверять, – решил Смирнов. – Белых, оставайся здесь, води наблюдение. Соколова, со мной. Осмотрим этот холм».

Они выскользнули из грота и бесшумно, как тени, двинулись к указанному месту. Алексей остался один, прижавшись к холодному камню. Он чувствовал себя уязвимым и беспомощ-

ным. Его взгляд блуждал по темному силуэту грота, по мшистым валунам у входа, по узорам, которые столетиями выписывали на камне вода и ветер.

И тут его взгляд, привыкший к деталям, зацепился за что-то неестественное. Прямо над входом в грот, в месте, где каменная кладка была особенно массивной, под толстым слоем мха и свисающим плющом угадывался некий рельеф. Не природная шероховатость, а четкий, рукотворный контур.

Он подошел ближе и осторожно, стараясь не производить шума, и начал счищать мох рукой. Под ним проступила резьба. Глубокая, старая, но удивительно четко сохранившаяся.

Это был не Уроборос. Это был другой символ: три стилизованные горы, образующие треугольник, и внутри них, в центре, была заключена одна пятиконечная звезда.

В этот момент Смирнов и Елена вернулись.

«Холм чист, – тихо доложил Смирнов. – Ни люков, ни плит. Просто земля, корни и елки. Гипотеза не сработала». Разочарование в его голосе было очень заметно.

«Посмотрите!» – не сдержав возбуждения, прошептал Алексей, указывая на свою находку.

Они подошли. Елена подсветила резьбу фонариком, прикрыв ладонью его рефлектор. Символ предстал во всей своей загадочной красе.

Алексей узнал в нем еще один масонский символ.

«Это... это „Горы Откровения“! – выдохнул он. – Три горы – символ Голгофы, преодоления, восхождения к знанию. А звезда в центре... это свет истины, открывающийся посвященному в конце пути! Это не ловушка, Егор Петрович! Ваша гипотеза сработала идеально! Это подтверждает, что мы на верном пути и что грот – не просто природное образование, а часть замысла. „Сердце“ не на холме. Оно... оно здесь! Сам грот и есть точка отсчета! Вход где-то здесь!»

Они стояли, вглядываясь в древний символ, чувствуя, как сквозь века с ними говорит замысел архитектора. Это был момент торжества, омраченный лишь дамокловым мечом надвигающейся угрозы.

Именно в этот момент триумфа Егор Смирнов жестом оборвал всех. Он снова замер, его тело напряглось, как струна. На этот раз он не смотрел вдаль, а прислушивался, повернув голову набок.

«Слышите?» – спросил он одними губами.

Алексей и Елена затаили дыхание. Сначала – ничего. Стук их собственного сердца перекрывал все звуки. Они замерли. И тогда... да, отчетливо. Со стороны въезда в усадьбу доносился приглушенный, но нарастающий рокот двигателя. Не шумный, как у грузовика, а ровный, мощный, характерный для дорогого внедорожника.

Звук приблизился, затем стих. Раздался тихий щелчок двери. Потом еще один. Кто-то еще прибыл в усадьбу.

Смирнов погасил все фонари. Абсолютная тьма поглотила их снова. Но на этот раз она была наполнена новой, куда более конкретной угрозой.

«Не двигаться, не дышать, – приказал Смирнов. – Их двое. Слушайте».

Они прислушались. Сначала доносились только приглушенные шаги по гравию у въезда. Потом – тихий, неразборчивый разговор. Два голоса. Один – ровный, командный. Другой – более низкий, поддакивающий.

Голоса стали приближаться. И не просто приближаться, а двигаться прямо в их сторону. Они шли не наугад. Они шли с определенной целью.

«...координаты точные. Юго-восточный сектор парка, у старых вольеров „Зверинца“. Грот должен быть здесь», – донесся сквозь ночь ровный, холодный голос.

Их нашли. Не случайно. Кто-то знал их точное местоположение.

«Предатель, – сдавленно прошептал Смирнов. – Или слежка не на машине, а на нас самих». Его взгляд в темноте был обращен к Алексею и Елене, и в нем читался немой вопрос: кто?

Шаги становились все ближе. Вот они уже на тропинке, ведущей к гроту. До них оставалось не больше тридцати метров.

Алексей, прижавшись спиной к холодному камню с масонским символом, с отчаянием осознал, что они в ловушке. Впереди – тайна, которую они почти раскрыли. Сзади – враги, знающие про их убежище. Пути к отступлению не было.

Внезапно раздался новый звук. Совсем с другой стороны. Со стороны главного дома. Скрип тормозов. Резкий, не пытающийся скрыть своего присутствия. За ним – сразу три щелчка дверей. Топот быстрых, тяжелых шагов по гравию парадного подъезда.

Новые гости. И эти не собирались скрываться.

Холодный голос у тропинки замолк. Послышался короткий, напряженный шепот: «Кто это? Твои?»

«Нет. Не мои. Отходим. Быстро».

Шаги первых преследователей затихли, удаляясь в противоположную сторону. Они отступили, столкнувшись с неожиданной помехой.

В гроте трое перевели дух, но ненадолго. Потому что новые пришельцы вели себя как хозяева. Послышались команды, включились мощные фонари, лучи которых принялись методично прочесывать парк, выхватывая из тьмы стволы деревьев, скульптуры, руины.

Они оказались между молотом и наковальней. Одни ушли в тень, другие пришли с огнем. И те, и другие хотели одного и того же – того, что, как они верили, было спрятано в «Сердце Лабиринта».

«Что нам делать?» – в ужасе прошептал Алексей.

Смирнов, все еще прижимающийся к стене у входа, смотрел на приближающиеся лучи фонарей. Его лицо в отблесках чужого света было каменным.

«Ждать. И молиться, чтобы они передерутся между собой, пока мы сидим в этой норе. Другого выхода у нас нет».

Глава 12: «Врата в Подземелье»

Тьма в гроте стала их единственным союзником. Она была густой, почти физической, скрывающей их так же надежно, как каменные стены. Лучи фонарей новых преследователей, людей в камуфляже с тактическим снаряжением, метались по парку, как щупальца слепого чудовища. Они выхватывали из мрака фрагменты колонн, пустые оконные проемы дворца, гранитные спины львов, но грот, затерянный в зарослях у «Зверинца», пока оставался в тени.

«Их человек пять, – сквозь зубы прошептал Смирнов, следя за перемещениями вооруженной группы. – Действуют как штурмовики. Ищут кого-то. Или что-то. Но у них нет точных координат, в отличие от первых».

«Первые... где они?» – едва слышно спросила Елена.

«Отошли. Ждут в тени. Устроили засаду. Классика, – мрачно усмехнулся Смирнов. – Пока эти громкие идиоты делают за них работу, выкуривая нас, они подберутся ближе».

Алексей сглотнул. Они оказались между двух огней. Одна группа – молот, грубая и прямая. Другая – скальпель, острый и скрытый. И все это время они сидели в каменной ловушке, от которой их отделяли считанные метры.

Методичный поиск людей в камуфляже вынудил их действовать. Сидеть и ждать, пока их обнаружат, было самоубийством.

«Слушайте, – Смирнов повернулся к ним, его лицо в отсветах чужих фонарей было похоже на маску. – Пока эти клоуны светят на дворец, у нас есть шанс. Мы должны проверить грот. Быстро и тихо. Если здесь есть вход, мы его находим. Если нет... ищем способ уйти через „Зверинец“ к реке».

Преследователи (двое мужчин, один из которых – человек в пальто) начали свой методичный поиск. Они не светили фонарями, но Смирнов, используя тепловизор Елены, улавливал их перемещения. Они шли от дворца, обходя группу в камуфляже, и явно имели какую-то свою схему, целенаправленно двигаясь в сторону «Зверинца».

Троица вынуждена была действовать быстрее и тише. Они покинули относительную безопасность глубины грота и начали осмотр его стен и пола. Они двигались короткими перебежками, используя каждую складку местности, чтобы оставаться невидимыми. Каждый шорох, каждый упавший камешек казался им громоподобным. Алексей водил ладонями по холодным, шершавым камням, ища щели, неровности, любые признаки механизма. Елена проверяла пол, простукивая его рукояткой ножа. Смирнов, прикрывая их, стоял на стреме, его взгляд метался между приближающимися тепловыми силуэтами в камуфляже и темной, невидимой угрозой, которую представляли люди в пальто.

«Ничего, – отчаялся Алексей. – Сплошная кладка. Ни люков, ни щелей. Только этот символ».

Он снова посмотрел на «Горы Откровения» над входом. Символ, который вел их сюда, теперь казался насмешкой.

Внезапно луч фонаря одного из «штурмовиков» скользнул по их холму, осветив вход в грот на долю секунды. Они прижались к стенам, затаив дыхание. Луч ушел. Но в этой вспышке Алексей увидел то, что упускал раньше.

Прямо у входа, частично вросший в землю, лежал большой, поросший мхом валун. Он казался такой же естественной частью пейзажа, как и все остальные. Но его форма... она была не совсем природной. Слишком правильной. И на его боковой грани, обращенной внутрь грота, угадывался тот самый рельеф.

«Егор! Елена! Сюда!» – прошипел Алексей.

Подойдя к точке пересечения визирных линий у грота, они не нашли очевидного входа. Но Алексей, помня о своей личной догадке, искал не люк, а символ.

Он сгреб мох с поверхности валуна. И там, под ним, был высечен тот же знак – три горы и звезда. Но на этот раз звезда была не просто резьбой. В ее центре было небольшое, глубокое отверстие, словно для ключа или рычага.

«Помогите!» – Алексей уперся руками в камень, пытаясь сдвинуть его. Елена присоединилась к нему, но камень не поддавался.

Смирнов отстранил их. «Дай-ка я. Вы не так держите». Он уперся плечом в камень, нашел точку опоры ногами и напрягся. Мускулы на его шее и плечах вздулись буграми. Послышался скрежет камня о камень. Валун дрогнул.

С большим усилием им удалось сдвинуть его. Он повернулся на невидимой оси, словно на шарнире, примерно на тридцать градусов.

Раздался глухой, низкочастотный скрежет, который, казалось, исходил из самого чрева холма. Он был негромким, но от него заложило уши. Прямо перед ними, в полутора метрах от сдвинутого валуна, часть склона холма, замаскированная дерном и корнями, отъехала в сторону, обнажив черный, зияющий провал. Узкий, темный проем, ведущий под землю.

Из отверстия тут же вырвался и ударил им в лица поток спертого, ледяного воздуха. Запах сырости и столетий вырвался наружу. Внутри пахло влажным камнем, ржавым металлом и чем-то еще... сладковатым и неприятным, как запах давно забытого погреба с вареньем.

Они стояли, ошеломленные, глядя в черноту, которая, казалось, смотрела назад.

Их оцепенение длилось недолго. Из темноты парка, сбоку, раздался быстрые шаги. Две тени отделились от стволов деревьев и вышли на небольшую поляну перед гротом.

Это были человек в пальто и его напарник, «бычок». Они шли быстро, целенаправленно. Видимо, скрежет открывающегося механизма привлек их внимание.

«Стоять! – крикнул человек в пальто. Его голос был резким, но без паники. – Отойдите от входа!»

Завязалась короткая, яростная перепалка.

«Идите к черту!» – рявкнул Смирнов, заслоня собой проем.

«Вы не понимаете, что это! – крикнул человек в пальто. – Это не то, что вы ищете!»

Смирнов прикрывал отход, вступив в физическое противостояние с «бычком». Тот бросился на него с размаху, но Смирнов, используя его же инерцию, провернул его вокруг себя и тяжело толкнул в грудь. «Бычок» отлетел, споткнулся о корень и грузно рухнул на землю.

«Алексей, Елена, внутрь! Быстро!» – скомандовал Смирнов, отступая к проему.

Алексей и Елена проскользнули в открытый проем, в холодную, давящую темноту. Смирнов отступил за ними, пятясь, его взгляд был прикован к человеку в пальто, который не пытался атаковать, а стоял и смотрел на них с каким-то странным выражением – смесью ярости и... отчаяния?

В последний момент, когда Смирнов уже отступал к входу, человек в пальто, не пытаясь больше скрываться, крикнул им вслед. Его слова повергли всех в шок.

«Вы не понимаете, что делаете! Вы выпустите это на волю! Он не хранил открытия, он запирает ошибку! Ошибку, способную уничтожить все!»

Его голос, полный неподдельного ужаса, прозвучал как удар грома в ночной тишине. Слова повисли в воздухе, ядовитые и невероятные.

Ошеломленные, Алексей и Елена замерли на пороге подземелья. Они стояли всего в паре шагов от входа, но казалось, что провалились в другую реальность. Слова «ошибка», «уничтожить» эхом отдавались в их сознании, перечеркивая все их предположения об архиве, о знании, о «Источнике Жизни».

Смирнов, тяжело дыша, прислонился к стене у входа. Его лицо в свете звезд, пробивавшемся через проем, было искажено гримасой борьбы и непонимания. Он смотрел то на удаляющиеся фигуры преследователей (человек в пальто помогал подняться своему напарнику и быстро уводил его в темноту), то в черноту за спиной.

Крик преследователя повис в ночном воздухе, ставя под сомнение все их предположения. Они искали источник жизни и знания. Им же обещали источник смерти и разрушения.

Позади, в парке, слышались возбужденные голоса людей в камуфляже – их привлекла перепалка. Они приближались.

Сзади – вооруженные люди. Неизвестно, что хуже – попасть в их руки или шагнуть в неизвестность.

Впереди – непроглядная тьма и пугающая неизвестность. Тьма, которая, согласно последнему предупреждению, скрывала не сокровище, а проклятие.

Алексей перевел взгляд с Смирнова на Елену. В ее широко раскрытых глазах читался тот же вопрос, что вертелся и в его голове.

Готовы ли они сделать следующий шаг, добровольно став пленниками подземелья, чтобы не стать пленниками людей с оружием? Ответ был единогласным, и они продолжили путь, шагнув навстречу неизвестному.

Воздух в подземелье был тяжелым, неподвижным и старым, очень старым. Он пах не просто сыростью, а временем, остановившимся два с половиной века назад. В нем витал сладковато-гнилостный аромат разложения, смешанный с запахом влажного камня и окисленного металла. И стоя на пороге, они чувствовали его вкус на губах – вкус забытой тайны и, если верить последнему предупреждению, смертельной угрозы.

Позади, в ночном парке, слышались голоса и быстрые шаги людей в камуфляже. Они приближались к гроту. У троицы не оставалось выбора.

«Вперед, – сдавленно проговорил Смирнов, первым шагая в черноту. – Елена, свет. Только луч, не рассеивай».

Елена включила мощный тактический фонарь. Узкий луч, как скальпель, рассек тьму, выхватывая из небытия низкий, арочный потолок, сложенный из грубого камня, и сырые стены, покрытые изморозью. Они стояли в коротком коридоре, который вел вглубь холма.

«Алексей, закрой за нами, – скомандовал Смирнов. – Должен быть механизм».

Алексей, дрожащими руками, нащупал на внутренней стороне каменного блока рычаг. Он потянул его. Снаружи послышался тот же низкочастотный скрежет, и свет звёзд, видневшийся в проеме, исчез, срезанный движением каменной плиты. Они были заперты. Отрезаны от мира.

Тишина, наступившая после этого, была абсолютной и давящей. Лишь их прерывистое дыхание нарушало гробовой покой подземелья.

«Так, – Смирнов выдохнул, осматриваясь. – Ни шагов, ни голосов. Значит, или звукоизоляция, или они не знают, как открыть снаружи. У нас есть время. Но немного».

Они двинулись по коридору. Он был коротким, не более десяти метров, и заканчивался массивной дубовой дверью, почерневшей от времени, с коваными железными петлями. Дверь была приоткрыта. Смирнов осторожно открыл ее. Скрип, громкий, как выстрел в тишине, заставил всех вздрогнуть. За дверью оказался тоннель, пахнувший столетиями плесени и влажной глины, который вывел их в полужасыпанный дренажный коллектор на окраине парка, в двухстах метрах от главной ограды. Они выползли на свободу, перемазанные грязью, с надеждой на то, что мало кто знает об этом подземном ходе и у них теперь всегда есть запасной план выхода из усадьбы. Той же ночью, в сыром подвале заброшенного деревенского дома, они провели военный совет. Отступать было нельзя. Лабиринт манил, как магнит.

Глава 13. «Тени в Лабиринте»

Ветер гудел в оголенных ветвях, маскируя их шаги. Место было идеальным – далеко от усадьбы, где рухнувшая каменная кладка смешалась с буреломом.

Егор Смирнов проверил периметр на наличие датчиков. Его сканер, словно щуп, скользил по холодному камню и ржавой арматуре. Тишина в наушниках была обнадеживающей и подозрительной одновременно.

«Чисто, – бросил он, снимая наушники. Его голос прозвучал громко в звенящей тишине. – Пора».

Алексей, сердце которого колотилось где-то в горле, снова почувствовал крепкую хватку Смирнова. Елена, как тень, скользнула между валунами. Они были внутри. Снова. Но на этот раз все было иначе. Они шли не как искатели приключений, а как солдаты, идущие на заминированное поле.

Движение происходило короткими перебежками от укрытия к укрытию. Каждый силуэт дерева, каждый шорох листвы заставлял кровь стынуть в жилах. Они продвигались к сердцу парка, к тому месту, где когда-то был Лабиринт и где теперь лежали лишь призрачные очертания его каменных руин.

«Слишком тихо, – прошептал Егор Смирнов, замирая за стволом старой лиственницы. – Или здесь никого нет, или они используют закрытый канал. Будьте настороже».

Он не знал, что был прав во второй части своей фразы. Всего в пятидесяти метрах от них, в глухой тени «Готических ворот», человек в камуфляже с поднятым к лицу биноклем так же тихо доложил в свою рацию: «Идут. Трое. Как и ожидали. Впустить в зону „Лабиринт“»

Через двадцать минут осторожного продвижения они достигли цели.

То, что они увидели, было грустным и прекрасным одновременно. Когда-то аккуратно подстриженные живые изгороди, теперь они превратились в беспорядочные, заросшие ежевикой и плющом валы высотой по пояс. Схема, некогда ясная и сложная, теперь была едва читаема. Алгебра ландшафтного искусства превратилась в хаотическую поэзию запустения. Это были призрачные коридоры, ведущие, казалось, в никуда.

Алексей сверился с картой, пытаясь определить центральную точку. Он включил планшет на минимальную яркость, прикрыв его полой куртки. Старый план накладывался на реальность с трудом. Деревья выросли, тропы исчезли, ориентиры стерлись.

«Кажется, вход где-то там, – он показал вглубь зарослей. – Но пройти напрямую невозможно».

Им пришлось пробираться по едва заметным тропинкам, огибая непроходимые заросли. Парк был полон звуков – каждый шелест листьев кажется угрозой. Хруст ветки под ногой заставлял замирать. Полет ночной птицы вызывал вздрагивание. Далекий лай собаки из деревни звучал как предупреждение. Они чувствовали себя чужаками, нарушающими покой этого места.

Им потребовалось еще полчаса, чтобы, петляя, добраться до того места, которое Алексей определил как центр. Это была небольшая, относительно ровная площадка, окруженная самыми высокими и древними кустами бывшего лабиринта. Здесь, в сердцевине, царила особая, звенящая тишина.

«Так, – Алексей выдохнул, оглядываясь. – Здесь. Должно быть здесь».

В центре Лабиринта, ориентируясь по линии визирования от львов через бельведер, которую они вычислили ранее, Алексей с помощью компаса и дальномера определил точку. Он сделал поправку на магнитное склонение, сверился с цифровой копией плана на планшете. Его движения были точными, выверенными. Он был в своей стихии.

«Вот, – он ткнул ногой в землю. – Здесь».

Ничего примечательного. Обычный холмик, каких в парке десятки.

Смирнов достал из рюкзака легкий молоток и начал методично проходить по площади холмика, прислушиваясь к звуку. Большая часть поверхности отзывалась глухим, плотным стуком. Но в одном месте, почти в самом центре, звук изменился. Стал пустым и гулким.

«Есть!» – его голос прозвучал торжественно.

Они стали стремительно расчищать это место. Елена достала складную саперную лопатку. Алексей работал руками, срывая плотный дерн и сгребая прошлогоднюю листву. Вскоре их инструменты со скрежетом ударились о что-то твердое, и они обнаружили массивную каменную плиту. Она была тщательно подогнана, почти неотличима от естественного грунта. И прямо по центру нее торчало заржавевшее железное кольцо, огромное и тяжелое, наполовину вросшее в камень.

Приглядевшись внимательнее, они поняли, что перед ними – засыпанный вход в подземный ледник или погреб.

Они стояли, глядя на свою находку, пытаясь перевести дух. Это был момент истины. Все их теории, расчеты, вся эта геометрия прошлого привела их сюда, к этому кольцу в земле.

«Ну что, архивариус, – Смирнов хмуро улыбнулся, – готов спуститься в историю?»

Алексей кивнул, его глаза горели в темноте. Он потянулся к ржавому кольцу.

В этот самый момент со стороны дворца донесся звук, от которого у них похолодела кровь. Не крик, не выстрел. А знакомый, низкочастотный скрежет. Тот самый, что они слышали, когда открывался вход в гроте.

Они замерли, вглядываясь в темноту. Из-за деревьев, у подножия дворца, брызнул яркий электрический свет. И в этом свете они увидели, как часть цоколя, обработанного рустом, отъехала в сторону, открывая современную, хорошо освещенную бетонную рампу, уходящую под здание.

Из рампы выехал темный, бесшумный электрокар, за рулем которого сидел человек в защитном костюме, похожем на химзащиту. За ним шли двое других в таких же костюмах. Они что-то выгружали с платформы – больше всего это было похоже на ящики с оборудованием.

Люди в камуфляже, те самые «штурмовики», не были случайными бандитами. Они были... обслуживающим персоналом. Они не искали вход. Они им пользовались. У них была своя, современная и прекрасно оборудованная база прямо под усадьбой.

Алексей, Смирнов и Елена смотрели на эту сцену, чувствуя, как почва уходит у них из-под ног. Они пытались разгадать тайну прошлого, даже не подозревая, что прямо под ними кипела деятельность, связанная с этой тайной. Они были не охотниками. Они были мушками, влетевшими в паутину, центр которой находился в самом дворце.

«Боже правый... – прошептала Елена. – Они здесь. Они всегда были здесь».

Смирнов медленно опустился на корточки, убираясь в тень кустов, его лицо было мрачным.

«Все меняется, – тихо сказал он. – Мы больше не ищем архив. Мы проникли на объект режимного предприятия. И сейчас нас либо обнаружат, либо...»

Он не договорил. Но все поняли. Либо они найдут ответы в этом старом леднике, пока их не нашли, либо этот ледник станет их могилой.

Глава 14: «Печать Ломоносова»

Яркий электрический свет, бетонная рампа, люди в защитных костюмах – все это выглядело настолько чуждым и современным на фоне гниющих парковых руин, что мозг отказывался верить в реальность происходящего. Егор, Алексей и Елена сидели в кустах на окраине Лабиринта, всего в сотне метров от этого технологичного логова, и чувствовали себя ничтожными, случайными свидетелями чего-то громадного и чужого.

«Так вот где собака зарыта...», – прошипел Смирнов, его лицо в отблесках чужого света было искажено гримасой ярости и бессилия. – «Весь этот цирк с архивом... а у них тут целый бункер».

«Что нам делать?» – голос Алексея дрожал. Он все еще сжимал в руке ржавое кольцо, вцепившись в него как в якорь.

«То, за чем пришли, – Смирнов оторвал взгляд от дворца и посмотрел на плиту. – Если они уже все нашли, зачем им этот ледник? А если не нашли... значит, тут может быть что-то, чего нет у них. Шанс. Последний».

Он резко кивнул на кольцо.

«Тащи. Быстро. Пока они не начали ночной обход территории».

Адреналин придал Алексею силы. Он обхватил кольцо обеими руками, уперся ногами в землю и рванул на себя. Плита не поддавалась. Смирнов ухватился за кольцо рядом с Алексеем. К Смирнову присоединилась Елена. Втроем они изо всех сил тянули скрипящее, проржавевшее железо. Сначала был слышен только скрежет металла о камень, но потом плита дрогнула и с глухим стуком, поднимая облако пыли, отъехала в сторону.

За плитой был узкий лаз, черный и бездонный. Из него, как из открытого холодильника, веяло холодом и запахом тлена. Не просто сыростью, а чем-то мертвым, законсервированным во льдах времени. Воздух был таким спертый и старым, что с первым же вздохом перехватило горло.

Внутри было небольшое каменное помещение, явно бывший ледник. Сводчатый потолок, сложенный из грубого камня, низко нависал над головой. Стены покрыты инеем, который искрился в лучах их фонарей. Морозная дымка клубилась при их дыхании. Температура была на добрых десять градусов ниже, чем снаружи. Они стояли на утрамбованном земляном полу, покрытом слоем изморози.

Смирнов первым спустился по грубо высеченным каменным ступеням, которых было всего три. Он осмотрелся, его фонарь выхватывал углы помещения.

«Пусто, – разочарованно бросил он. – Или почти пусто».

Алексей и Елена последовали за ним. Пространство было небольшим, примерно четыре на четыре метра. И оно действительно казалось пустым. Лишь в самом дальнем углу, куда не доставал свет с поверхности, темнела грудa чего-то.

Егор включил фонарик, направив его в угол. Помещение было пустым, за исключением нескольких сломанных ящиков. Дерево было старым, почерневшим, покоробленным от влаги и времени. Некоторые ящики лежали разломанными.

С замиранием сердца они подошли ближе. Алексей заглянул внутрь одного из них. Пусто. Во втором они нашли несколько щепок и клочков разложившейся соломы. Третий был заполнен лишь окаменевшими от времени мышьиными экскрементами.

Все выглядело так, будто место было тщательно обыскано и очищено много лет назад. Кто-то побывал здесь до них. И не вчера. Судя по слою пыли и льда на обломках, это произошло очень давно.

«Нет... – прошептал Алексей, и его голос сорвался от отчаяния. – Не может быть... Все зря...»

Он в отчаянии опустился на корточки, сгребая руками ледяную крошку с пола, словно надеясь найти что-то в ней. Все их усилия, весь риск, вся надежда – и вот этот ледяной, пустой склеп.

И тут его пальцы наткнулись на что-то хрупкое, спрятанное под небольшим выступом каменной ступеньки, у самого входа. То, что уборщики, выносившие архив, могли попросту не заметить.

Алексей поднял с земли обгорелый фрагмент страницы, случайно уцелевший, видимо, оброненный при переноске.

Он был крошечным, не больше ладони, обугленным по краям. Бумага была ломкой и хрупкой, как осенний лист. Алексей развернул его с величайшей осторожностью, едва дыша.

На нем, несмотря на повреждения, видна была личная печать Ломоносова – знакомый ему по другим документам вензель. И несколько полустертых слов, написанных черными, выцветшими чернилами:

«...сила... брожения... неудержимо...»

Они столпились вокруг находки, рассматривая ее при свете фонарей. Клочок бумаги был жалким и великим одновременно. Доказательством того, что они были правы. И доказательством их поражения. Кто-то побывал здесь давным-давно и забрал архив.

Алексей сел на ледяной пол, сжимая в дрожащих пальцах этот обгорелый фрагмент, этот символ всего, что он потерял. Его открытие, его триумф, его место в истории – все рассыпалось в прах. «Все зря, – повторял он. – Они все забрали. Еще тогда...»

Елена присела рядом, положив руку ему на плечо. «Алексей, послушай. Они забрали почти все. Но этот клочок остался. В нем есть слова. „Сила брожения... неудержимо“. Что это значит? Это же не просто теоретические выкладки. Это звучит как... предупреждение. Или описание чего-то конкретного».

Егор Смирнов, стоя над ними и глядя на пустые ящики, мрачно подытожил: «Значит, ищем не архив, а тех, кто его забрал. Кто-то ведь это сделал. Не сам же Ломоносов пришел сюда через сто лет после смерти и все унес. И этот клочок бумаги... это единственная нить. Он говорит нам, с чем мы имеем дело. С какой-то „силой брожения“. И это что-то было настолько важным или опасным, что архив вывезли, а помещение запечатали».

Он посмотрел на Алексея.

«Ты архивариус. Подумай, где могли оказаться бумаги, вывезенные из усадьбы Демидовых скажем, в конце XIX века? Куда их могли передать?»

Алексей медленно поднял голову. Его ум, затуманенный разочарованием, начал работать. Он смотрел на печать Ломоносова, на эти слова... и вдруг его глаза расширились. Он поднес клочок бумаги почти вплотную к глазам, разглядывая печать при самом ярком свете фонаря.

«Егор Петрович... – его голос был хриплым. – Эта печать...»

«Что с ней?» – насторожился Смирнов.

«Она... она не настоящая», – выдохнул Алексей.

Елена и Смирнов переглянулись.

«Как не настоящая?» – не поняла Елена.

«Смотрите, – Алексей тыкал пальцем в отпечаток. – Я видел сотни подлинных печатей Ломоносова. У него в вензеле здесь, в завитке буквы „Л“, всегда была крошечная точка, мушка, сделанная когда-то неровным краем печати. Она есть на всех оригиналах. А здесь... здесь ее нет. Печать идеальная. Слишком идеальная для ручной работы XVIII века».

Он поднял на них удивленный взгляд.

«Это не оригинал. Это копия. Очень качественная, но копия. Этот лист... его не обронили при эвакуации архива. Его подбросили. Кто-то хотел, чтобы мы поверили, что архив был здесь. Или... чтобы мы поверили в то, что в архиве было именно это».

Они смотрели на жалкий, обгорелый клочок бумаги, который из главной улики превратился в элемент чьей-то тщательной инсценировки.

«Значит, – медленно проговорила Елена, – настоящий архив, возможно, никогда здесь и не хранился? Или его содержимое было другим? И кто-то пытается направить нас по ложному следу?»

«Или, – мрачно добавил Смирнов, – настоящий архив был настолько опасен, что его пришлось не просто вывезти, а заместить фальшивкой. Чтобы те, кто придет следом, как мы, нашли не то, что ищут. И успокоились».

Они сидели в ледяном склепе, в полной темноте, если не считать лучей фонарей, и чувствовали, как почва уходит у них из-под ног. Вся их реальность, выстроенная вокруг письма Старова и чертежа, трещала по швам. Они пришли за знанием, а нашли ложь. Они искали источник жизни, а наткнулись на чью-то тщательно спланированную мистификацию.

И самое страшное было в том, что они не знали, кто и зачем это сделал. И кому они теперь могут доверять.

Глава 15: «Западня»

Ледяной холод склепа сменился давящим мраком ночного парка, но ощущение пронизывающего озноба осталось. Оно исходило не извне, а изнутри, из самой глубины их сознания, отравленного открывшейся истиной. Фальшивка. Весь их путь, все их надежды оказались построены на лжи, тщательно сфабрикованной кем-то, кто на два шага впереди.

Они молча сдвинули каменную плиту на место, стараясь скрыть следы своего проникновения. Действовали автоматически, разум был парализован горьким осознанием.

«Кто?.. Зачем?.. – твердил Алексей, сжимая в кармане тот самый обгорелый клочок. – Кому понадобилось подделывать архив Ломоносова? И когда? В XIX веке? В XX?»

«Чтобы скрыть правду, – мрачно сказал Смирнов. – Всегда для этого. Настоящий архив содержал нечто такое, что кто-то считал необходимым не просто украсть, а заместить подделкой. Создать красивую легенду о „силе брожения“, чтобы отвлечь от чего-то другого. Или... чтобы мы, именно мы, нашли эту записку».

«Значит, они знали, что мы придем?» – Елена обернулась, ее взгляд беспокойно скользнул по темным очертаниям парка.

В этот момент Елена замечает, что вдали, у дворца, метнулся и погас проблеск лазерного целеуказателя. Крошечная красная точка. Этого было достаточно.

Они обнаружены.

«Вниз!» – рыкнул Смирнов, толкая их в спины.

Но было поздно.

Из темноты, используя остатки Лабиринта как укрытие, на них двигалась группа неизвестных. Они вышли из тени так бесшумно, что казалось, будто сама ночь ожила и обрушилась на них. Их было трое. И с первого взгляда было ясно – это не те «джентльмены» в пальто и не грубые «штурмовики» в камуфляже.

Эти были одеты в темную, облегающую тактическую экипировку без опознавательных знаков. На лицах – маски-балаклавы и очки ночного видения. Их движения были плавными, синхронизированными и невероятно быстрыми. Они не бежали, а скользили между кустами, как тени, отрезая пути к отступлению. Они двигались куда более профессионально и слаженно, чем предыдущие преследователи. Это был спецназ. Но чей?

Мир сузился до вспышек в темноте и свиста пуль.

Первым среагировал Смирнов. Он резко оттолкнул Алексея и Елену за ствол старого дуба и ответил огнем из травмата. Громкий хлопок прозвучал оглушительно громко в ночной тишине. Одна из теней споткнулась, издав сдавленный стон, но не упала, а тут же откатилась за укрытие.

«К Зверинцу! Бегом!» – приказал Смирнов Алексею и Елене, продолжая прикрывать их. Его голос был хриплым от ярости и концентрации.

Преследователи действовали хладнокровно, пытаясь окружить. Они стреляли не беспорядочно. Двое открыли точный, экономный огонь по позиции Смирнова, прижимая его к земле, а третий начал широкий обходной маневр, чтобы зайти им в тыл. Слышны были выстрелы из оружия с глушителем – короткие, сухие щелчки, после которых пули со свистом вонзались в деревья вокруг них, откалывая щепу и разрывая кору.

Алексей и Елена, пригнувшись, бросились через заросли. Колючки ежевики рвали одежду, ветки хлестали по лицам. Они спотыкались о корни, падали, поднимались и снова бежали, руководствуясь лишь инстинктом самосохранения и указанием Смирнова.

Смирнов вел ответный огонь, меняя позицию после каждого выстрела. Он понимал, что травмат против настоящего оружия – это смертный приговор. Его задача была не победить, а выиграть несколько драгоценных секунд.

Обходной маневр нападавших почти увенчался успехом. Один из них, самый ловкий, оказался всего в десяти метрах от Алексея и Елены, перекрывая им путь к густым зарослям «Зверинца». Он поднял оружие.

Смирнов увидел это. Он выскочил из-за своего укрытия, подставив себя под огонь двух других нападавших, и рванулся наперерез.

Егор не стрелял – не было времени. Он сбил нападавшего с ног мощным ударом плеча в корпус, как таран. Они оба рухнули на землю. Этот хаос длился считанные секунды, но их хватило. Алексей и Елена проскользнули в густые заросли у «Зверинца» и скрылись в темноте парка.

Смирнов, получив сильный удар в ребра, откатился от своего противника и, не вставая, сделал несколько слепых выстрелов из травмата в сторону двух других, чтобы заставить их залечь. Потом он вскочил и, согнувшись, ринулся вслед за Алексеем и Еленой, растворяясь в лабиринте старых деревьев и кустарников.

Преследователи собрались вокруг своего раненого товарища, который уже поднимался на ноги. Травмат не смог пробить его защиту. Последовали тихие, четкие команды, и тройка так же бесшумно, как и появилась, отступила в направлении дворца. Их задача, видимо, заключалась не в ликвидации, а в вытеснении и идентификации.

Егор, Алексей и Елена бежали, не разбирая дороги, пока не достигли заранее оговоренного пункта сбора на окраине парка – старого, полуразрушенного мостика через заросшую протоку Вёревки. Они рухнули на сырую землю под его каменными сводами, пытаясь отдышаться, их тела дрожали от перенапряжения и страха.

Они оставили позади и Лабиринт, и горькое разочарование. Теперь к нему добавился парализующий страх перед новой, неизвестной и невероятно профессиональной силой, которая за ними охотилась.

«Кто... это были?» – прерывисто прошептал Алексей, ощупывая ссадину на щеке.

«Профессионалы, – хрипло ответил Смирнов, растирая ушибленные ребра. – Не наши знакомые. Другая лига. Скорее всего, государственная. Или настолько дорогая, что ее могут нанять только корпорации уровня „Айгис“».

«Но зачем? – в голосе Елены звучала паника. – Зачем им мы? Мы же ничего не нашли! Только эту фальшивку!»

Смирнов тяжело поднялся и, опершись о каменную кладку моста, вытащил из нагрудного кармана своего разорванного свитера маленький, плоский металлический предмет, размером с монету. Он был смят и слегка оплавлен с одного края.

«Я выдернул это из снаряжения того, с кем дрался, – мрачно сказал он. – Когда мы падали, я успел зацепить защелку».

Он протянул находку Алексею и Елене. При свете едва поднявшейся из-за леса луны они разглядели на нем логотип. Стилизованное изображение ДНК-спирали, обвитой лавровой ветвью, и аббревиатуру под ней: F.S.B. Внизу, более мелким шрифтом, была другая надпись на английском: «Federal Science Bureau».

Алексей поднял на Смирнова потрясенный взгляд.

«Федеральное Научное Бюро? Я... я не знаю такой организации».

«Я тоже, – тихо произнес Смирнов. – И это пугает меня больше, чем все вооруженные люди в мире. Это значит, что мы вляпались во что-то, о чем не пишут в газетах. Во что-то, что скрывают на таком уровне, о котором мы даже не подозревали».

Они сидели под мостом, трое затравленных людей, держа в руках доказательство того, что игра только началась. И ставки в этой игре были куда выше, чем архив Ломоносова. Речь шла о чем-то, что заставило появиться таинственную организацию, о которой никто не слышал. И теперь они были не просто охотниками за исторической истиной. Они были мишенью в войне, о существовании которой даже не догадывались.

Глава 16: «Анализ Поражения»

Дальнейшее бегство из усадьбы было слепым, инстинктивным. Они неслись через парк, не разбирая дороги, спотыкаясь о корни и застревая в болотистых протоках, пока легкие не стали гореть огнем, а в висках не застучали молотки. Только когда темный массив усадьбы окончательно скрылся за густой стеной деревьев, а сзади не доносилось ни звука погони, они позволили себе замедлить шаг.

Смирнов указал на темный силуэт, едва видневшийся в чаще. Они перевели дух в полуразрушенном здании старой оранжереи, за пределами основной территории усадьбы. Когда-то здесь выращивали ананасы и персики для демидовского стола, теперь это был каркас из сгнивших деревянных рам и битого стекла, частично скрытый непролазными зарослями хмеля и дикого винограда. Это было идеальное укрытие – заброшенное, неприметное и находящееся в стороне от всех троп.

Они вползли внутрь через выбитую раму. Под ногами хрустели осколки стекла и щепки. Смирнов сразу же занял позицию у единственного целого окна, выходящего в сторону, откуда они пришли.

Все были на взводе, прислушиваясь к каждому шороху ночи. Сердце Алексея бешено колотилось, он сидел на перевернутой ржавой тачке, дрожащими руками пытаясь стряхнуть с себя грязь и паутину. Елена, прислонившись к стеклянной стене, делала медленные, глубокие вдохи, пытаясь унять дрожь в коленях.

Обгорелый фрагмент, который Алексей все еще сжимал в руке, теперь казался не ключом, а памяткой об их провале. Жалкий, обугленный клочок бумаги, который оказался ловушкой. Он положил его на ящик с разошедшимися садовыми инструментами, словно боялся обжечься.

«Ничего, – прошептал он. – Абсолютно ничего. Мы как слепые котята, которых водят за нос».

«Живы, – резко парировал Смирнов, не отрывая взгляда от окна. – После встречи с такими ребятами это уже достижение. Проверяю каналы». Он достал свой защищенный телефон, но экран оставался темным. «Глушение. Или они ставят помехи на весь район. Значит, работают серьезно».

Прошло полчаса. Погони не было. Напряжение немного спало, сменившись гнетущей усталостью.

Егор Смирнов проанализировал тактику нападавших. Он отвернулся от окна и сел на корточки, рисуя палкой на земляном полу схему.

«Итак, что мы имеем. Это не те же люди, что были в первый раз. Те, в пальто, – разведчики, „джентльмены“. Действовали точно, старались не шуметь. Те, в камуфляже, – охрана объекта, „штурмовики“. А эти... Эти – солдаты. Наемники. Высшего класса. Видел таких лишь пару раз за всю службу. Их нанимают для точечных, быстрых и чистых операций. Молниеносная атака, максимальное давление, минимум шума».

Он посмотрел на жетон F.S.B. в своей ладони.

«„Айгис“ сменил тактику, привлек профессионалов другого уровня. Или... это не „Айгис“. Этот жетон... Федеральное Научное Бюро. Никогда о таком не слышал. А уя должен был слышать».

Елена, которая все это время молча перебирала данные на своем планшете, наконец подняла голову. Ее лицо было бледным.

«Я... я кое-что нашла. Вернее, не нашла. Я пробиваю все базы данных – государственные, международные, частные. Никакого „Federal Science Bureau“ не существует. Ни в США, ни в Европе, нигде. Никаких упоминаний, никаких регистраций. Это призрак».

Она посмотрела на них, и в ее глазах читался страх.

«Но жетон-то настоящий! Его не напечатали вчера в подвале. Он старый, металл потерт. Значит, эта организация либо настолько секретна, что о ней нет никаких данных, либо...»

«Либо она неофициальная, – мрачно закончил Смирнов. – Черный проект. Такие конторы не имеют названий в открытых источниках. Они работают в тени, у них нет публичного лица. И если за нами охотится именно она... Это не корпоративные разборки. Это что-то на уровне государственной безопасности. Или того, что кто-то считает государственной безопасностью».

В оранжевое воцарилась зловещая тишина. Они столкнулись не просто с врагом, а с системой, с безликой машиной, стерегущей какую-то ужасную тайну.

Алексей, сидя в углу, не сводил глаз со злополучного клочка бумаги. Он перевернул его и снова начал разглядывать при свете своего фонаря, включенного на полную мощность. Отчаяние заставляло его искать то, что он мог упустить.

Помимо печати и слов, на обороте, в самом уголке, был едва видимый карандашный набросок. Он был настолько блеклым, что его можно было принять за случайную грязь.

«Подайте лупу», – попросил он.

Елена протянула ему увеличительное стекло из своего комплекта. Алексей приставил его к бумаге, и его пальцы вдруг задрожали.

«Вот... Смотрите».

На обороте читался едва видимый карандашный набросок – схематичное изображение колбы и змеевика, знакомый алхимический символ дистилляции.

«Это не просто записка, – говорит он, и в его голосе снова зазвучали нотки ученого азарта. – Это черновик. Описание какого-то процесса. И судя по словам „брожение“ и „неудержимо“, Ломоносов что-то создал, но не мог это контролировать. Он проводил эксперименты по дистилляции, перегонке. И что-то пошло не так. Что-то вышло из-под контроля».

Он перевернул листок снова и пристально посмотрел на фальшивую печать Ломоносова через лупу. И вдруг его глаза расширились.

«Подождите... Эта печать... она не просто фальшивая. Она... двойная».

«Что?» – не понял Смирнов.

«Смотрите, – Алексей тыкал пальцем в завитки вензеля. – Здесь, под основным слоем краски, есть другой оттиск. Более бледный, почти стертый. Кто-то нанес новую печать поверх старой! Они не просто подделали документ. Они его изменили!»

Он посмотрел на них, его лицо озарилось новой, безумной догадкой.

«Что, если настоящий текст был другим? Что если его соскоблили или смыли, а сверху нанесли этот текст с „силой брожения“? Чтобы скрыть оригинальное содержание!»

Он лихорадочно начал шарить по своим карманам, доставая разные химические карандаши и ультрафиолетовый фонарик из своего архивистского набора.

«Нужно прочесть оригинал! Если повезет, и они использовали не совсем стойкие чернила... может, остались следы...»

Он направил УФ-фонарь на обгорелый край. И в синем свете на темной бумаге проступили бледные, почти невидимые символы. Не слова, а... цифры. И буквы. Словно шифр.

«... 54°... 30°... 23... N... 37... 36... 49... E...»

Елена, заглянув через его плечо, ахнула.

«Это... это же координаты! Широта и долгота!»

Они перевели взгляд на Алексея, который смотрел на цифры с благоговейным ужасом.

«Оригинальный текст не был о „силе брожения“, – прошептал он. – Это были координаты. Координаты того места, куда Ломоносов или Демидов спрятали то, что создали. Или... куда это сбежало. Тот, кто подделал записку, знал об этом. Он стер координаты и нанес новый

текст, чтобы направить всех будущих исследователей по ложному следу. Чтобы никто и никогда не нашел настоящую тайну».

Он поднял на них взгляд, полный отчаянной надежды.

«Мы были правы. Архив, или то, что от него осталось, – настоящий. И он где-то там. И у нас теперь есть дорога».

Глава 17: «Новые Враги и Старая Книга»

Координаты, проступившие в ультрафиолете, горели в их сознании, как маяк в крошечной тьме. 54°... 30°... 23... N... 37... 36... 49... E... Они были не просто набором цифр. Это была пуповина, связывающая их с подлинной тайной, с тем, что кто-то отчаянно пытался скрыть подделкой и пулями. Но эти цифры также были и новым тупиком.

«Это где-то в Подмосковье, – сказала Елена, быстро вбив координаты в офлайн-карту на планшете. – Точка в лесу, рядом с малоизвестным озером. Никаких поселений, никаких дорог. Как искать что-то в таком месте? Это иголка в стоге сена».

«Иголку ищут магнитом, – мрачно заметил Смирнов. – Нам нужен наш магнит. Больше информации. Больше контекста. Без этого мы просто поедем в лес и будем ходить кругами, пока нас не накроют те ребята с жетонами».

Они сидели в заброшенной оранжерее, чувствуя себя как в осажденной крепости. У них был ключ, но не было двери. И время работало против них.

Елена, не в силах сидеть без дела, снова погрузилась в цифровые джунгли. Она проверяла все свои зашифрованные каналы, все «почтовые ящики», которые использовала для контактов с информаторами. Большинство было пусто. Глушение, которое заметил Смирнов, все еще действовало, связь была отрывочной и медленной.

И вдруг, в одном из самых защищенных, редко используемых мессенджеров, всплыло уведомление о новом сообщении. Отправитель – «Unknown». Аватарка отсутствовала.

Она открыла его, и ее брови поползли вверх. Она прочла его вслух, ее голос был полон недоверия и изумления:

«Их интерес не в архиве. Их интерес в том, что архиву угрожает. Ищите не там, где прятали, а там, где изучали. Проверьте библиотеку санатория.»

Сообщение было на русском, с безупречной грамматикой. Оно было прочитано и через пять секунд самоуничтожилось, не оставив следов.

Трое переглянулись. В оранжерее повисло тяжелое молчание.

«Ловушка, – первым нарушил его Смирнов. – Очевидная ловушка. Они знают, что мы ищем информацию, и подсовывают нам наживку».

«Или... – Алексей задумчиво потер переносицу. – Или это тот самый „человек в пальто“. Он пытался предупредить нас у входа в подземелье. Он кричал об „ошибке“. А теперь... дает подсказку».

«Но почему? – Елена сжала планшет так, что костяшки пальцев побелели. – Если он с ними, зачем помогать? Если против, почему не вышел на открытый контакт?»

«Внутренние разборки, – предположил Смирнов. – У них не все гладко. Кто-то считает, что мы можем быть полезны. Или что мы – меньшее из зол. „Их интерес не в архиве. Их интерес в том, что архиву угрожает“. Что это значит?»

«Значит, есть не только они, – медленно проговорил Алексей. – Есть кто-то или что-то еще. Некая угроза, которая заставляет эту тайную организацию действовать. И архив... архив либо является ключом к контролю над этой угрозой, либо... ее частью».

«Библиотека санатория... – Елена уже открывала карты усадьбы. – Здание в двухстах метрах от главного дома. После передачи усадьбы Обществу врачей в 1897 году, там располагались медицинские кабинеты и, логично, библиотека. Рискнем?»

«Риск – дело добровольное, – Смирнов тяжело вздохнул. – Но альтернатива – сидеть тут и ждать, пока нас найдут. Проверим. Но по моим правилам. Полная тишина. Никаких огней до последнего. И при первом же признаке засады – отход. Понятно?»

Здание бывшего санатория производило еще более гнетущее впечатление, чем дворец. Оно было более современным, кирпичным, с огромными, теперь зияющими пустотой окнами.

Войти было несложно – половина дверей отсутствовала. Внутри царил хаос: обвалившаяся штукатурка, сгнившие паркетные доски, груды мусора, разбросанная мебель. Воздух был насыщен запахом плесени и смерти.

Они двигались как тени, прислушиваясь к каждому скрипу под ногами. Смирнов шел первым, его пистолет был готов к бою. Библиотеку нашли быстро – большую комнату с остатками массивных дубовых стеллажей. Большинство из них рухнули, погребая под собой тысячи томов. Книги представляли собой спрессованную массу из сгнившей бумаги, кожи и плесени. Картина была апокалиптической.

«И что мы ищем здесь? – прошептал Алексей, с тоской оглядывая руины. – Здесь же все уничтожено временем».

«Ищи не там, где все ищут, – цитатно бросила Елена. – Не в самих книгах, а в... структуре».

Она подошла к одной из стен, где несколько стеллажей все еще стояли, хоть и покосились. Она провела рукой по резной дубовой панели в торце стеллажа. «Старинная мебель... часто имела потайные отделения».

Смирнов присоединился к ней. Его следовательский взгляд искал несоответствия. И он нашел. Один из стеллажей, в отличие от других, был привинчен к полу, а не просто стоял. И зазор между его задней стенкой и кирпичной стеной комнаты был слишком велик.

Они вдвоем, с огромным усилием, отодвинули массивный стеллаж. Раздался оглушительный скрежет. Пыль столбом поднялась к потолку.

За ним оказалась неглубокая ниша в стене, а в ней – небольшой встроенный шкафчик с дверцей, окованной почерневшим железом. Замок был старым, висячим, и висел он на двух скобах, но к счастью, в открытом положении.

Дрожащей рукой Алексей вытащил его из скоб.

Там – несколько старых журналов Общества русских врачей конца XIX века. Они лежали аккуратной стопкой, удивительно хорошо сохранившись в своем сухом укрытии.

Они отнесли журналы в самый темный угол разрушенного кабинета и укрылись за массивным письменным столом. Елена осветила страницы фонариком.

Журналы были сухими, официальными. Отчеты о заседаниях, списки членов, обсуждения медицинских случаев. Они пролистали несколько томов, и разочарование начало подкрадываться вновь.

И тогда Алексей, встряхнув один из томов за 1899 год, между его страниц нашел несколько сложенных вчетверо листов пожелтевшей бумаги. Это были не типографские оттиски, а рукописный текст.

Почерк был убогористым, нервным, с длинными, яростными росчерками. Алексей начал читать вслух, его голос был напряженным:

«...сего числа, при разборе хлама в старом леднике у Лабиринта, обнаружены были несколько ящиков. Внутри – инструменты, похожие на алхимические: реторты, колбы, пестики. И бумаги. Множество бумаг, испещренных формулами и вычислениями. Подпись – М. В. Ломоносов. Не могу поверить своим глазам... Распорядился переместить находку в кабинет главврача для изучения. Сие есть величайшее открытие...»

Дата стояла – апрель 1898 года.

Они перевели дух. Значит, архив действительно был найден врачами! Они читали дальше, лихорадочно переворачивая страницы.

«...странные явления. Растения в палисаднике, куда вылили воду после промывки колб, демонстрируют неестественно бурный рост. Петунии вымахали выше забора... Запах от инструментов сладковатый, тошнотворный. Решил ограничить доступ...»

И, наконец, последняя запись, датированная несколькими месяцами позже:

«...катастрофа. Все пропало. Ящики исчезли из кабинета прошлой ночью. Охранник ничего не видел. Следов нет. Как призраки... Все кончено. Проклятие лежит на этом месте. Старый слуга, Никифор, бывший крепостной Демидовых, перед самой своей смертью в бреду твердил о „ключе от сердца сада“. Что сие значит – неведомо. Остается лишь забыть...»

В заметках упоминается слуга старого Демидова, передавший перед смертью некий «ключ от сердца сада».

Они сидели в полной тишине, осознавая масштаб открытия. Архив не просто исчез. Его украли. В 1898 году. И исчез он не сам по себе – с ним произошло нечто странное, что-то, что повлияло на растения. И последняя нить – старый слуга и его «ключ».

Внезапно Смирнов резко поднял голову. Его рука с пистолетом метнулась в сторону.

Из темноты в дальнем конце библиотеки, из-за груды обломков, раздались медленные, тяжелые шаги, не пытавшиеся скрыть своего присутствия.

«Не двигайтесь, – тихий, спокойный голос прозвучал в темноте. – Руки где я их вижу».

Из тени вышел высокий мужчина в темном плаще. В его руках был пистолет с глушителем, направленный прямо на них. Но это был не человек в пальто и не солдат с жетоном.

Это был Олег Борисович Крутов. Начальник Алексея, директор института. Его лицо, обычно уставшее и скучное, теперь было холодным и сосредоточенным.

«Очень признателен, коллеги, – сказал он, и в его голосе звучала ледяная вежливость. – Вы проделали за меня огромную работу. Теперь, будьте так добры, отдайте мне эти дневники. И расскажите, что вы там нашли на обороте той фальшивки. Мой... работодатель... очень ждет эту информацию».

Глава 18: «Ключ и Ловушка»

Секунда, последовавшая за появлением Крутова, растянулась в вечность. Алексей, Елена и Егор замерли, парализованные шоком и звуком затвора пистолета в руках их начальника. Пыльная библиотека санатория с ее запахом тлена и рухнувших надежд стала залом суда.

«Олег Борисович... – выдавил Алексей, не веря своим глазам. – Вы?.. Вы за всем этим стоите?»

Крутов позволил себе кривую, безрадостную улыбку. Его пистолет не дрогнул.

«Стою? Нет, Алексей. Я – маленький винтик. Очень маленький. Но даже винтики могут быть на своем месте. И сейчас вы, мои неугомонные подчиненные, попали в самый эпицентр механизма, о котором не должны были знать. Дневники. На пол. Медленно».

Смирнов оценивал ситуацию. Дистанция – около семи метров. Укрытие – хлипкий стол. Шансы – ничтожны. Он медленно, демонстративно положил свой травмат на пол.

«Вы работаете на „Айгис“?» – спросила Елена, ее голос дрожал от ярости, а не от страха.

«„Айгис“ – Крутов фыркнул. – „Айгис“ – это просто фасад. Легальная вывеска для тех, кто копается не в том месте. Я работаю на людей, которые следят, чтобы такие, как вы, не натворили бед. Теперь, последний раз. Дневники и информация с того клочка бумаги».

Алексей, глядя в холодный ствол, понял, что у них нет выбора. Но сдаваться без борьбы он тоже не мог. Он медленно наклонился, чтобы положить журналы, и прошептал так тихо, что услышали только Елена и Смирнов:

«План «Б». Отвлекаем. Бежим к «Собственному саду».

Он бросил стопку журналов на пол, но сделал это неаккуратно. Бумаги разлетелись веером, поднимая облако пыли. В этот миг Смирнов, как пружина, рванулся в сторону, опрокидывая тяжелый деревянный стул прямо на Крутова.

«Беги!» – проревел он.

Это была не атака, а отвлекающий маневр. Крутов инстинктивно отпрыгнул от падающего стула, его выстрел с глушителем ушел в потолок. Этой доли секунды хватило. Алексей и Елена уже неслись к разбитому окну. Смирнов, отступая за ними, выхватил из ножен на поясе тактический нож и швырнул его в сторону Крутова. Нож не попал в цель, но заставил того снова уйти в укрытие.

Через три секунды они были на улице и, не разбирая дороги, неслись в сторону парка.

«Он вызовет подкрепление!» – крикнула Елена, запыхавшись.

«Значит, у нас есть только минуты!» – откликнулся Алексей. – «В „Собственный сад“! Это наша единственная надежда!»

Они мчались по темным аллеям, рискуя свернуть шею. Сзади, у здания санатория, уже слышались крики и завывание сирены – Крутов поднял тревогу.

Запись доктора меняла все. Фраза «ключ от сердца сада» горела в их сознании.

«Сердце сада» – это не Лабиринт, а «Собственный сад»! Логика была железной: самое сокровенное, личное место, ближайшее к дому. Не для публичных шествий, а для тайных размышлений.

«Собственный сад» был небольшим, огороженным участком, примыкавшим к южному фасаду дворца. Когда-то здесь цвели розы и стояли мраморные скамьи. Теперь это были джунгли из бурьяна и дикого винограда.

«Статуя!» – вспомнил Алексей, вороша в памяти старые планы. – Здесь должна была быть статуя Аполлона! Бога света, знаний и... предсказаний».

Они нашли ее в центре сада, почти полностью поглощенную плющом. Мраморный бог когда-то гордо смотрел в небо, теперь же он был слепым, покрытым мхом и лишайником.

Основание статуи имело щель. Почти незаметную, тонкую, как лезвие бритвы, проходящую по всему периметру цоколя.

Вспомнив про «ключ», Алексей пробует вставить в щель стальной стилос из набора Смирнова. Это была тонкая, прочная отвертка-штило. Он вставил ее в щель и надавил. Ничего. Он провел ею вдоль щели, и примерно на середине почувствовал сопротивление. Надавил сильнее.

Раздался глухой щелчок, и часть цоколя, казавшаяся монолитной, отъехала внутрь, открывая небольшую, темную нишу.

Внутри – небольшой металлический футляр, покрытый черной эмалью, удивительно хорошо сохранившийся.

Сердце Алексей бешено заколотилось. Он протянул руку и достал его. Футляр был тяжелым для своих размеров.

Вдали уже слышались быстрые шаги и команды. Их преследовали. У них не было времени на изучение.

«В укрытие!» – скомандовал Смирнов, и они кинулись в ближайшую полуразрушенную беседку, скрытую за стеной разросшегося кустарника.

Алексей дрожащими руками открыл футляр. В футляре лежал не ключ, а маленький лабораторный журнал в кожаном переплете.

Он открыл его. Бумага была плотной, пожелтевшей, но чернила сохранили свою четкость. Алексей начал читать вслух, и его голос прерывался от ужаса и изумления.

Это дневник Александра Демидова!

«...сего дня, 14 октября 1774 года, получил от вдовы Ломоносова, по его завещательной воле, сундук с бумагами покойного Михайлы Васильевича. Он завещал мне, как другу и покровителю наук, сохранить сии труды до лучших времен...»

«...8 ноября. Читаю. Ум содрогается. Он не искал философский камень. Он наткнулся на нечто, лежавшее в самой основе жизни. Принцип, заставляющий материю цвести, расти, множиться с неудержимой силой...»

«...15 ноября. Провел малый опыт с плесенью, согласно указаниям. За ночь она покрыла всю комнату... едва удалось остановить... Это не благословение. Это проклятие. Сила без разума. Рост без цели. Жизнь, пожирающая саму себя...»

В первых же записях Демидов описал, как, изучив бумаги Ломоносова, он пришел в ужас. Ломоносов открыл не «Источник Жизни», а некий «Принцип Неудержимого Цветения» – биологический агент, вызывающий бесконтрольный, разрушительный рост любой органики.

Алексей перевернул страницу. Дрожь в его руках усилилась.

«...посоветовался со Старовым. Решено. Мы не можем уничтожить знание. Но мы не можем и допустить его распространения. Мы должны запереть его. Запечатать. Как ящик Пандоры. Старов проектирует павильон. Не храм знанию, а склеп. Мавзолей для ошибки природы...»

«...система гидрозатвора. Если кто-то попытается проникнуть внутрь без знания механизма, павильон будет затоплен водой из ближайшего пруда. Все будет уничтожено. Лучше утрата, чем катастрофа...»

Опасаясь катастрофы, Демидов и Старов не спрятали архив, а запечатали его в специально построенном подземном павильоне, снабженном системой гидрозатвора.

Они сидели в оцепенении, глядя на дневник. Все их представления рухнули. Не было никакого великого открытия на благо человечества. Была мина замедленного действия, заложенная под самим фундаментом цивилизации. «Источник Жизни» был «Принципом Неудержимого Цветения». Созидание обернулось уничтожением.

Пока они читали дневник, их окружали. Тени отделились от стволов деревьев, от арок беседки. Их было человек шесть. Они вышли бесшумно, без суеты, отрезав все пути к отступлению.

На этот раз это не наемники, а люди в темных пальто, во главе с тем самым человеком. Тот самый, что кричал им у входа в подземелье. Его лицо было усталым и печальным.

Смирнов потянулся к оружию, но один из людей в пальто плавно поднял руку, в которой был компактный автомат. Движение было не угрожающим, но не оставляющим сомнений в его преимуществе.

Человек в пальто сделал шаг вперед. Его взгляд был устремлен на дневник в руках Алексея.

Он был спокоен. «Я пытался вас предупредить, – говорит он. – Еще у грота. Вы не послушали. Вы ищете не сокровище. Вы пытаетесь вскрыть саркофаг с чумой».

Он обвел взглядом их потрясенные лица.

«„Айгис“ был создан не для того, чтобы украсть эту формулу, а чтобы вечно охранять ее. Сначала – силами семьи Демидовых. Потом, когда они обеднели и утратили бдительность, и архив был почти утерян, его нашли врачи. И тогда нашими предками была создана эта... корпорация. Легенда. Фасад для вечной стражи. Мы – не воры. Мы – хранители».

Он посмотрел прямо на Алексея, и в его глазах читалась странная смесь уважения и сожаления.

«А вы – черные копатели. Со своим любопытством, своей жадой открытий. Вы не понимаете, что некоторые двери открывать нельзя. Теперь вы знаете. И это знание делает вас либо нашими союзниками, либо... самой большой угрозой».

Его люди сомкнули круг.

Алексей, Елена и Егор стоят в окружении, держа в руках доказательство того, что их благородная миссия была ужасной ошибкой. Они пришли за знанием и нашли смерть. Они хотели спасти историю и едва не выпустили джинна из бутылки.

Алексей смотрел на кожаную обложку дневника. В его руках была не просто книга. Это был приговор их надеждам и ключ от вечной тюрьмы для самого опасного открытия в истории человечества.

Смирнов, не отрывая взгляда от человека в пальто, медленно поднял руки в знак мира.

«Вы... охраняете. А кто тогда те, с жетонами? F.S.B.?»

Человек в пальто усмехнулся, но в его глазах не было веселья.

«Конкуренты. Другая группа, которая считает, что эту силу можно и нужно контролировать. Оружие, невиданной силы. Экономическое доминирование. Они называют себя „Садовниками“. Мы с ними боремся десятилетиями. Ваше появление всколыхнуло воду. Они почувляли возможность. Как и мы».

Он снова протянул руку за дневником.

«Решение. Сейчас. Или мы заберем его сами, а вас ликвидируем как угрозу. Или вы отдаете его и присоединяетесь к нам. Становитесь частью стражи. Добровольно».

Они стояли на развилке. Один путь – смерть. Другой – вечное молчание и служба тени, охраняющей мир от самой себя. Их погоня за истиной привела их к тому, что они должны были навсегда отказаться от нее.

Алексей посмотрел на Елену, потом на Смирнова. В их глазах он читал то же смятение, что бушевало в нем самом. Они были командой, сформированной этой тайной. Теперь тайна раскрыта, и от их выбора зависело, станут ли они ее новыми хранителями или последними жертвами.

Дневник Демидова жёг ему пальцы. Он был тяжелее, чем любая книга в мире.

Глава 19: «Тени в Сетях»

Воздух в новой квартире был спертый и безликим, пахло пылью, старой краской и чужими жизнями. Они сняли ее на сутки через пять посредников, заплатив наличными, которые Смирнов достал из потайного тайника в своем автомобиле. Это была типичная «распашонка» в панельной многоэтажке на самом краю города, с видом на промзону и вечно пустующую детскую площадку. Никаких следов, никакой истории. Идеальное место, чтобы исчезнуть.

После шокирующего откровения Крутова и бегства из санатория мир для троицы перевернулся. Врагом оказался не безликий корпоративный монстр, а человек, которого они знали годами. Это подрывало основы реальности. Доверять было некому. Ползти обратно в свои старые жизни – означало подписать себе смертный приговор.

Елена отодвинула занавеску, выглянула в серое, дождливое утро, и, убедившись, что во дворе никого нет, принялась за обустройство. Она завесила окно плотным одеялом, отсекая даже малейшую возможность засветки. Ее ноутбук стоял на кухонном столе, рядом – три «болванки» для одноразовых сим-карт и портативный хард-модем.

Елена использовала несколько слоев VPN, подключаясь через сервера в разных странах, создавая запутанный цифровой клубок. Поверх VPN запускался «Тог», маршрутизирующий трафик через тысячи ретрансляторов по всему миру. Но и этого ей было мало. На основном ноутбуке была запущена виртуальная машина с одноразовой операционной системой. Любая попытка взлома или отслеживания упиралась бы в эту виртуальную «песочницу», которую она могла в любой момент стереть, как ластиком.

Ее ноутбук – это ее крепость и оружие. В обычной жизни он был инструментом для написания статей. Теперь – щитом и шпагой в теневой войне, которую они вели.

«Глушение, которое мы чувствовали в парке, здесь не действует, – сообщила она, ее пальцы быстро стучали по клавиатуре. – Но это не значит, что они не могут нас найти другими способами. Крутов знает наши лица. И, скорее всего, уже разослал наши данные всем заинтересованным сторонам».

Алексей молча кивнул, глядя в стену. Он все еще переваривал предательство. Смирнов хмуро проверял обойму своего травмат.

«Значит, нам нужен козырь, – сказал он. – Что-то, что заставит их отступить или, наоборот, ошибиться. Твоя очередь, Соколова. Вскрывай эту помойку поглубже».

Елена погрузилась в работу. Она знала, что «Айгис Фарма» – лишь верхушка айсберга, ширма, как и сказал Крутов. Нужно было найти тех, кто дергает за ниточки.

Она вышла на защищенные форумы исследователей, в закрытые чаты, где обменивались информацией о коррупционных схемах и теневых сделках. Она не останавливалась на «Айгис Фарма». Через анонимные чаты и доверенные контакты в регистрирующих органах она выходит на целую сеть компаний-прокладок.

Сначала это был ООО «Тацис-Инвест», который несколько лет назад пытался инициировать частно-государственное партнерство по восстановлению усадьбы. Потом – фонд «Наследие Предков», подававший многочисленные, но всегда отклоняемые запросы на археологические изыскания на территории парка. Все эти конторы были пустышками, с минимальным уставным капиталом и директорами-подставными лицами.

Но цепочка вела дальше. Все они вели к компании «Прометей Холдинг», зарегистрированному в Калининграде и формально занимающемуся инвестициями в недвижимость. «Прометей» был серьезнее. У него были активы, офис, история.

Но копнув глубже, она обнаружила, что бенефициаром холдинга является швейцарский фонд «Fidei Commissum». И вот здесь начиналось самое интересное. Фонд был непрозрачен,

но Елена, используя утекшие данные из офшорных зон и базы данных Панамского архива, смогла проследить связь. Фонд был связан с крупным фармацевтическим бизнесом – международным конгломератом «Vita Nova».

«Vita Nova»... – прошептала она, выводя на экран логотип компании – стилизованное дерево жизни, заключенное в круг. – Гигант. Один из лидеров в области генной терапии и биотехнологии. Их годовой оборот сравнивают с бюджетом небольшой европейской страны».

Она углубилась в изучение «Vita Nova». И обнаружила нечто странное. В отличие от «Айгис», которые были врагами, «Vita Nova» не выглядели как злодеи. Их исследования были на переднем крае науки, они спасали жизни, разрабатывая лекарства от неизлечимых болезней. Их публичная репутация была безупречной. Но их интерес к усадьбе был слишком навязчивым, слишком дорогостоящим, чтобы быть простым историческим любопытством.

«Что им нужно в Тайцах? – размышляла она вслух. – Они не похожи на „Хранителей“. Их цель не в сокрытии, а в чем-то другом...»

Параллельно с корпоративным расследованием Елена вела исторический поиск. Если «Vita Nova» искали что-то в усадьбе, нужно было понять, что именно и где это могло быть.

Она снова погрузилась в оцифрованные архивы. На этот раз ее целью были не письма, а сухие бухгалтерские отчеты, инвентарные ведомости, сметы. Она искала аномалии, и нашла информацию о том, что в 1897 году, при передаче усадьбы Обществу врачей, проводился поверхностный ремонт. В ведомостях упоминались работы по «закладке ветхих проемов в цокольном этаже» и «устройству новых перегородок в восточном крыле».

Сама по себе эта запись ни о чем не говорила. Но Елена была журналистом и чувствовала нестыковки. Она взяла смету и начала сравнивать цены на материалы и работы с другими строительными документами той эпохи.

Смета была подозрительно мала для таких работ. Указанного количества кирпича и извести хватило бы разве что на заделку пары окон. А работа плотников была оценена так, будто они работали один день.

У Елены возникла версия, что некоторые помещения могли просто запечатать, не вникая в их суть, просто как ненужные или аварийные. Врачи, получившие усадьбу, были практиками. Они не стали тратить силы и средства на вскрытие каких-то старых, заброшенных комнат. Они просто замуровали их, как делали с ненужными кладовками в больницах. Возможно, они даже не подозревали, что именно скрывают за этими стенами.

«Алексей, – позвала она. – Посмотри на это. Восточное крыло. Цокольный этаж. Здесь что-то замуровали. В 1897 году».

Алексей подошел, его глаза загорелись. «Восточное крыло... Это как раз то место, которое я начал подозревать, глядя на масонскую геометрию плана...»

В этот момент на одном из мониторов Елены, который был настроен на мониторинг сетевой активности, замигал красный индикатор. Небольшой, но настойчивый.

«Что это?» – насторожился Смирнов.

Елена замерла, ее лицо вытянулось. Она быстро открыла несколько окон, ее пальцы замелькали с огромной скоростью.

«Кто-то... кто-то пытается провести обратный трассинг, – выдохнула она. – Через один из выходных узлов Tor. Это... это очень профессионально. Не провайдер, не полиция. Кто-то... кто знает, как работать с такими сетями».

Она посмотрела на них, ее глаза были полны ужаса.

«Они не просто ищут нас вживую. Они охотятся за нами в сети. И они уже близко. Они вычислили один из наших VPN-серверов. У нас есть час, может, меньше, чтобы сменить все ключи и локацию».

Тишина в убогой квартире стала звенящей. Они думали, что нашли убежище. Но враги были везде. В реальном мире и в цифровом. Их поход за истиной превращался в борьбу за выживание на два фронта, где любая ошибка могла стать последней.

Глава 20: Нити «Vita Nova»

Серый, бесцветный свет раннего петербургского утра мягко касался окна, за которым просыпался чужой, безразличный к их поискам город. Елена Соколова ощущала каждый позвонок в своем онемевшем позвоночнике, каждый перегруженный мускул. Она не спала уже больше суток, с того момента, как они чудом унесли ноги из демидовского парка, оставив за спиной призрак пустого тайника и вкус горького разочарования.

Алексей, бледный и молчаливый, сидел в углу съемной квартиры Смирнова, уставившись в стену, его пальцы бессознательно терли воображаемую страницу старой книги. Егор, напротив, был подобен сжатой пружине. Он расхаживал по комнате, его тяжелые шаги отмеривали ритм их общего бессилия.

«Они были на шаг впереди. Всегда на шаг», – прошепел Смирнов, останавливаясь у окна. – «Они знали про ледник. Они его уже вскрыли. Мы не преследователи, мы... подбираем крошки с их стола».

«Не крошки», – тихо, но четко произнес Алексей, не отрывая взгляда от стены. – «Мы нашли печать. Подлинная печать Ломоносова. Они забрали архив, но эта страница... она подтверждает, что мы на правильном пути. Что архив существовал. Существует».

«Существовал, Алексей!» – резко обернулся Егор. – «В лучшем случае, он сейчас в частной коллекции какого-нибудь олигарха. В худшем... его давно нет».

Елена не стала их слушать. Их слова были лишь фоном, статикой, которую ее разум отфильтровывал, чтобы сосредоточиться на главном – на данных. С того момента, как они вернулись, она погрузилась в цифровой океан. Если их физическое продвижение заблокировано, значит, путь лежит через виртуальность. Через то, что не смогли или не захотели скрыть их противники.

«Ребята, хватит», – ее голос прозвучал хрипло от усталости, но властно. – «Мы мыслим, как искатели сокровищ. Они... они мыслят, как бизнес. Или как фанатики. „Хранители“ – фанатики. Они хотят спрятать, уничтожить. Но те, кто напал на нас в парке... их мотивация иная».

«Наемники», – бросил Егор. – «Их мотивация – деньги».

«А чьи деньги?» – Елена ударила пальцем по клавише Enter. На экране ее ноутбука, подключенного к большому телевизору на стене, возник логотип – стилизованное изображение древа жизни, состоящего из двойных спиралей ДНК, и подпись латинскими буквами: «Vita Nova».

«Vita Nova», – произнесла Елена, и в ее голосе прозвучало нечто, среднее между уважением и отвращением. – «Не „Прометей Холдинг“. Это всего лишь их юридическая перчатка, ширма для операций в СНГ. Настоящий игрок – вот он».

Экран заполнила информация. Графики, цифры, списки.

«Vita Nova – транснациональная фармацевтическая корпорация со штаб-квартирой в Швейцарии. Капитализация – под двести миллиардов долларов. Они не производят аспирин от головной боли. Их ниша – препараты для лечения орфанных, то есть редких, генетических заболеваний. Один укол их генотерапевтического препарата „Золара“ стоит два миллиона долларов и способен остановить прогрессирование спинальной мышечной атрофии у детей. Они – не коммерция, они... сверхдержава в мире медицины».

Алексей подошел ближе, шуря за очками. «Орфанные заболевания... Это же благородно».

«Это же чертовски прибыльно», – парировал Егор, скрестив руки на груди. – «Маленький рынок, отсутствие конкурентов, эксклюзивные патенты на двадцать лет. Государства вынуж-

дены покупать их лекарства за любые деньги, потому что альтернативы – смерть. Идиллическая картинка, да».

«Их бизнес построен на патентах, как вы и сказали, Егор», – продолжила Елена, листая слайды. – «Но вот что действительно интересно». Она вывела на экран список последних зарегистрированных патентов. «Смотрите. «Синтез алкалоида на основе экстракта мицелия *Xylaria nigripes*», «Способ стабилизации терпеновых соединений, выделенных из *Hypericum perforatum*», «Модуляция клеточного цикла с помощью пептидов, производных от *Claviceps purpurea*»...

«Грибы и растения», – прошептал Алексей. – «Старинные народные средства. Спорынья, зверобой...»

«Именно», – кивнула Елена. – «У них есть целый департамент, который официально называется „Отдел исторических биотехнологий“. Они отправляют экспедиции в джунгли Амазонии, в горы Тибета, копаются в архивах средневековых алхимиков и знахарей. Их философия – природа уже создала все необходимые лекарства, нужно лишь найти их, очистить, запатентовать и произвести».

Она сделала паузу, давая информации усвоиться.

«Мы искали религиозных фанатиков, боящихся науки. А наткнулись на... ученых-прагматиков. На корпорацию, которая видит в истории не угрозу, а неисчерпаемый источник сырья для своих сверхдоходных патентов».

В комнате повисло молчание. Осознание было подобно удару. Их скромная академическая загадка о бумагах двухвековой давности вдруг оказалась в эпицентре интереса одного из самых могущественных и безжалостных игроков современного мира.

«Ломоносов» – наконец сказал Алексей, и его голос дрогнул от волнения. – «Он же не только физикой и химией занимался. Он изучал „прозябание растений“, как он это называл. Ботанику, агрономию. Он переводил труды западных натуралистов, вел переписку с садоводами. Его интересовала сама суть жизни, ее зарождение и развитие».

«Принцип Цветения...» – Елена посмотрела на него. – «Ты думаешь, это могло быть не просто красивой метафорой?»

«В XVIII веке граница между алхимией, химией и биологией была призрачной», – Алексей заговорил быстро, с горящими глазами, забыв об усталости. – «Ломоносов пытался найти единые законы для неживой и живой природы. Что, если „Принцип Цветения“ – это его гипотеза о некоем универсальном механизме, катализаторе, ускоряющем рост, исцеление... саму жизнь? Не магический эликсир, а... предвосхищение принципов катализа или чего-то подобного на стыке химии и биологии?»

«И эта шайка-лейка хочет найти формулу, запатентовать ее и продавать за миллионы», – мрачно заключил Егор. – «Картинка складывается. „Хранители“ боятся этого знания, как огня. А „Vita Nova“ видят в нем очередной способ заработать. Мы оказались между молотом и наковальней».

«Но это не объясняет, почему они действуют так... грубо», – покачала головой Елена. – «Наемники, нападения. У такой компании должны быть легионы юристов, лоббистов, они могли бы легально выйти на власти, инициировать археологические раскопки...»

«Если бы они знали точно, что и где искать», – сказал Алексей. – «А они не знают. Они, как и мы, идут по следу. По тому самому черновику Старова. И они пытаются устранить конкурентов. Нас».

Елена снова повернулась к ноутбуку. Ее пальцы застучали по клавиатуре с новой энергией. Гипотеза обретала плоть. Теперь нужно было найти слабое место гиганта.

Следующие несколько часов пролетели в непрерывном поиске. Елена копала глубже, используя все свои журналистские навыки, доступ к платным базам данных и полулегальным форумам, где тусовались корпоративные шпионы и разоблачители.

Она нашла годовой отчет «Vita Nova». Изучила биографии членов совета директоров. Проанализировала их публичные заявления. И ключевая фигура начала проступать из тумана.

Доктор Армин Шеллер. Немец, глава Отдела исторических биотехнологий. Ученый-биохимик с дипломом Гарварда, но в его послужном списке была любопытная деталь – диссертация по истории европейской алхимии и ее влиянию на раннюю фармакологию. В одном из своих редких интервью научному журналу он сказал фразу, которую Елена вынесла на отдельный слайд: «Современная наука слишком заиклена на будущем. Мы разгадываем геном, говорим о редактировании ДНК, но игнорируем тысячелетний пласт эмпирического знания. Наши предки методом проб и ошибок, ценой собственных жизней, обнаружили вещества невероятной силы. Наша задача – прочитать их шифры на современном научном языке и дать им вторую жизнь».

«Вот он», – показала Елена на экран. – «Идейный вдохновитель. Он не просто бизнесмен. Он... миссионер. Он верит в это».

«Фанатик», – бросил Егор.

«Хуже», – ответила Елена. – «Прагматичный фанатик. Он верит, что его работа служит прогрессу человечества, и при этом приносит баснословные деньги. Это самая опасная комбинация».

Она переключила слайд. Теперь на экране была карта мира с отметками – места археологических и ботанических экспедиций, спонсируемых «Vita Nova».

«Смотрите. Перу, Конго, Индонезия... и Россия. Причем в России их интерес сосредоточен не в Сибири или на Дальнем Востоке, а здесь, на Северо-Западе. В старинных усадьбах и монастырях. Они ищут не просто растения. Они ищут места силы. Места, где уже велись подобные исследования».

«Ломоносов» – снова произнес Алексей. – «Уральские заводы Демидова. Он мог там проводить опыты. Но Урал далеко. А вот усадьба в Тайцах... она была своего рода дачей, экспериментальной площадкой. Старов писал о „стеклянной коллекции“. Это могли быть не только рукописи, но и образцы. Колбы, реторты...»

«Версия становится четче», – Елена встала и начала ходить по комнате, повторяя движения Смирнова. – «Мотив „Vita Nova“ не в том, чтобы уничтожить „Принцип Цветения“. Их цель – присвоить его. Патентовать. Поставить на службу своему бизнесу. Они видят в нас не еретиков, подлежащих уничтожению, а конкурентов, мешающих коммерциализации открытия. Возможно, они даже не до конца осознают ту самую „угрозу“, о которой говорят „Хранители“. Для них это просто еще один потенциальный супер-препарат».

«Значит, архив для них – священный Грааль», – подвел итог Егор. – «В нем формула. А раз они его забрали из ледника...»

«Стоп», – резко остановилась Елена. – «А если они его не забрали?»

Алексей и Егор уставились на нее.

«Мы нашли пустые ящики и один обгорелый клочок. Печать Ломоносова. Что, если это не они? Что, если это были „Хранители“? Они могли вынести архив и поджечь его прямо там, в леднике, а дым от горения привлечь наше внимание и внимание „Vita Nova“? И те, и другие оказались там почти одновременно».

Мысль повисла в воздухе, тяжелая и неоспоримая. Она все усложняла, но делала картину целостнее.

«Тогда „Vita Nova“ все еще в игре», – сказал Алексей. – «И они все еще ищут. Если архив уничтожен, их последняя надежда – это...»

«...материальные следы», – закончила за него Елена. – «Место, где Ломоносов проводил опыты. Образцы почвы, остатки культур, что-то, что можно проанализировать и воссоздать формулу. Они ищут не бумагу. Они ищут лабораторию».

Елена снова села за ноутбук, ее движения стали резкими, точными. Она открыла базу данных государственных закупок и архив разрешений на реставрационные работы.

«Смотрите», – она вывела на экран список. – «„Прометей Холдинг“ – дочерняя структура „Vita Nova“ – с 2005 года подавала шесть заявок на проведение „комплексных реставрационно-археологических изысканий“ на территории усадьбы Тайцы с последующим выкупом и созданием „музейно-исследовательского кластера“. Шесть раз!»

«И что?» – спросил Егор.

«И все шесть раз им отказывали. Сначала под предлогом отсутствия финансирования со стороны области, потом – из-за «высокой историко-культурной ценности объекта, исключаяющей его передачу в частные руки», потом – из-за «несоответствия проекта концепции развития территории»... Все предлоги разные, но результат один. Инициатором отказов всегда выступал некий общественный совет при комитете по культуре. Аналитический центр «Связь Времен».

«„Хранители“», – без тени сомнения сказал Алексей.

«Их легальная крыша», – кивнула Елена. – «Они десятилетиями блокировали любые попытки „Vita Nova“ легально проникнуть в усадьбу. Но в 1897 году, когда усадьбу передавали Обществу врачей... „Хранителей“ в современном виде не было. Архив, спрятанный Старовым, был утерян. Его замуровали, забыли. И, возможно, именно тогда, во время ремонта, были уничтожены или навсегда скрыты материальные следы опытов».

Она наложила друг на друга два слоя информации: попытки «Vita Nova» получить доступ к усадьбе и исторические данные о перестройках здания.

«Моя версия», – сказала Елена, и в ее голосе зазвучала уверенность первооткрывателя. – «Vita Nova» ищут не архив Ломоносова. Они считают, что он, скорее всего, утерян или уничтожен «Хранителями». Они ищут само место – лабораторию. Ту самую «стеклянную коллекцию» в физическом ее воплощении. Они надеются найти там – в почве, в щелях пола, в вентиляционных ходах – микроскопические остатки экспериментов. Споры грибов, следы химических соединений, которые Ломоносов, возможно, культивировал или синтезировал. Любую органику, которую можно подвергнуть анализу и, как пазл, собрать утраченную формулу «Принципа Цветения».

Алексей вскочил с места. «Это... это гениально и безумно одновременно. Но это возможно! Современные методы масс-спектрометрии, палеогенетики... они могут обнаружить следы, которым сотни лет! Они ищут не клад, они ищут ДНК клада!»

«И поэтому им не нужен был весь дворец», – подхватил Егор, и в его глазах зажегся знакомый огонек сыщика, нашедшего нить. – «Им нужно конкретное помещение. Та самая потайная комната, о которой ты говорил, Алексей. Та, что за рустом. Они не знают, где она, но знают, что она есть. И они пытаются найти ее, скупая усадьбу, а когда не получается – шлют наемников, чтобы те прочесали парк и дом. Они искали вход!»

Троица смотрела друг на друга. Пазл, наконец, сложился. Они поняли мотивацию обоих противников. Поняли их методы. Поняли, что является настоящей целью «Vita Nova». Они были не просто пешками в чужой игре. Они были единственными, кто обладал полной картиной. У «Хранителей» была вера и знание об угрозе. У «Vita Nova» – технологии и деньги. А у них – и то, и другое, помноженное на знание истории.

«Значит, архив, если он цел, им не нужен», – сказал Алексей. – «Они даже будут рады, если „Хранители“ его уничтожат, лишь бы те не мешали им копать в стенах. Наша цель – найти архив первыми. Он – единственное, что может доказать существование „Принципа“ и, возможно, содержит предостережения, которые удержат „Vita Nova“ от рокового шага».

«Или наоборот, подтолкнут их», – мрачно заметил Егор.

В этот момент на экране ноутбука Елены всплыло окно нового сообщения. Она использовала специальную, зашифрованную почту, чтобы делать запросы своим анонимным источникам. Сообщение было коротким. Без подписи.

«Запрос по „Прометей Холдинг“. Будь осторожна. Их юр. отдел – это бывшие сотрудники 9-го отдела К, „отдела наружного наблюдения“. Не юристы, а ликвидаторы бумажных следов. И их интерес к Тайцам координирует не Шеллер. Есть куратор повыше. Человек из совета директоров „Vita Nova“. Русский. Бывший кагэбэшник. Перебежчик. Знает все о ваших архивах и ваших методах. Имя – Борис Глебович. Больше не пиши. Ухожу в оффлайн».

Елена медленно подняла глаза и посмотрела на своих товарищей. Все ее предыдущие открытия, вся собранная информация меркла перед этим коротким посланием.

«Ребята», – ее голос был чуть слышен. – «Кажется, мы только что из категории „помеха“ перешли в категорию „цель“. У „Vita Nova“ есть свой Смирнов. Только бывший кагэбэшник. И он уже здесь». Она перевернула ноутбук, чтобы они увидели сообщение. «И он знает, что мы знаем».

Глава 21: Синтез и Новый План

Сообщение на экране висело, как приговор. Короткое, безэмоциональное, не оставляющее пространства для иллюзий. «Бывший кагэбэшник. Знает все о ваших архивах и ваших методах.»

Воздух в комнате стал густым и тяжелым. Даже Егор Смирнов, выдавший виды, на несколько секунд замер, его лицо стало каменной маской, за которой бушевало холодное, яростное пламя. Он первым нарушил молчание.

«Девятый отдел», – произнес он, и в его голосе прозвучало странное уважение, смешанное с ненавистью. – «Не клоуны из частных охранных агентств. Это профессионалы. Их не купить за пачку долларов на углу. Их не напугать криком. Они не следят за тобой, они... изучают. Как энтомолог изучает муравейник. И когда приходит время, они не стреляют. Они вносят каплю яда в сахар, на который сбегаются муравьи».

Алексей Белых побледнел еще больше. Для него мир архивных каталожных ящиков и исторических справок был безопасен и предсказуем. Мир, в котором действовали «бывшие кагэбэшники», был для него чужим и смертельно опасным. Он сглотнул комок в горле.

«Что... что это меняет?» – тихо спросил он.

«Все, Алексей», – Елена Соколова закрыла крышку ноутбука с таким щелчком, будто хлопнула гробом. – «Раньше мы имели дело с корпорацией. Безликой, могущественной, но предсказуемой в своей жажде прибыли. Теперь у этой корпорации появилось лицо. И мозг. Русский мозг, который понимает нашу ментальность, нашу систему, наши слабые места. Он знает, как мы мыслим. Как ищем информацию. Как прячемся».

Она встала, ее усталость куда-то испарилась, сменившись холодной, собранной яростью. «Значит, пора перестать мыслить, как жертва. Пора начать мыслить, как... соперник».

Елена подошла к маркерной доске, которую Смирнов когда-то приспособил для разбора своих старых дел. Сейчас она была чиста. Взяла черный маркер.

«Итак, сводка обстановки», – ее голос стал жестким, деловым. – «У нас два антагониста. Два полюса силы, между которыми мы зажаты».

Она нарисовала два столбца.

«ХРАНИТЕЛИ»

Статус: Тайная организация, существующая, вероятно, столетия.

Цель: Сохранение статус-кво. Соккрытие или уничтожение знаний, способных подорвать устои (религиозные, научные, социальные – неважно). Их мотив – страх.

Методы: Скрытность, информационные блокады (как с «Прометей Холдинг»), манипуляции, возможно, точечные акты устрашения. Они – тени. Их сила в том, что их не видят.

Отношение к нам: Помеха. Дилетанты, ворошащие опасное прошлое. До поры до времени пытались действовать точечно (нападение в парке, возможно, их рук дело, чтобы спугнуть). После нашего проникновения в усадьбу и ледник мы перешли в разряд угрозы, подлежащей нейтрализации.

Ресурсы: Глубоко законспирированная сеть в госструктурах, науке, культуре. Власть через влияние.

Она перешла ко второму столбцу, нажимая на маркер с такой силой, что он, казалось, вот-вот треснет.

«VITA NOVA» / «ПРОМЕТЕЙ ХОЛДИНГ»

Статус: Транснациональная фармацевтическая корпорация. Легальная, могущественная.

Цель: Присвоение и коммерциализация знания. Превращение «Принципа Цветения» в патент и продукт. Их мотив – жажда прибыли и, возможно, извращенная вера в «прогресс».

Методы: Финансовое давление, коррупция, промышленный шпионаж. А когда легальные методы не работают – грубая сила через наемников. Их сила – в деньгах и технологиях.

Отношение к нам: Сначала – помеха. Теперь, после сообщения источника – целевой объект для ликвидации. Мы знаем слишком много. Мы – носители информации, которая может разрушить их проект до его начала, если ее обнародовать.

Ресурсы: Неограниченное финансирование, передовые технологии, штат юристов и специалистов. И теперь – личный куратор, профессионал спецслужб, Борис Глебович. Их «Смирнов», только с ресурсами всей корпорации за спиной.

Она отступила на шаг, давая им оценить картину. Две колонки, два монстра. А между ними – три имени, написанные в самом низу доски: АЛЕКСЕЙ, ЕЛЕНА, ЕГОР.

«Мы – единственные, кто видит всю картину целиком», – заключила Елена. – «„Хранители“ не знают о полной мотивации „Vita Nova“. „Vita Nova“ недооценивают „Хранителей“ и их решимость. Мы – катализатор. И нас сейчас попытаются убрать с доски обе стороны».

Смирнов все это время молча слушал, его взгляд был прикован к доске. Он подошел ближе, скрестив руки на груди. Его массивная фигура казалась еще больше в напряжении.

«Коллега, ты отлично обрисовала ситуацию», – его голос был низким, вибрирующим, как струна. – «Но ты мыслишь, как аналитик. Я мыслю, как тактик. Давай разберем их не по целям, а по уязвимостям».

Он ткнул пальцем в колонку «Хранители».

«Их сила – в скрытности. Значит, их главная уязвимость – публичность. Они как вампиры. Не выносят света. Если вытащить их на свет, они ослабеют. Они знают об архиве больше нас, это да. Они, возможно, даже знают, где он. Но они не могут действовать открыто. Их главная задача – не дать нам и ему всплыть. Они – пассивная сторона в этой фазе конфликта».

Палец переместился на «Vita Nova».

«Их сила – в ресурсах. Их уязвимость – в размере и в бюрократии. Они – большой пароход. Им трудно маневрировать. Каждое их действие, особенно грубое, оставляет след. Им нужно согласование, отчеты, перевод денег. И у них есть слабое место – этот самый Борис Глебович. Он – их мозг и их кулак в России. Но он же – их единственное „человеческое“ лицо. У любой организации есть голова. Отрубишь ее...» – Смирнов сделал выразительную паузу.

Он отошел от доски и посмотрел на них.

«Их столкновение – это не угроза. Это наша единственная возможность. Пока они смотрят друг на друга, они не смотрят на нас. Пока они дерутся между собой, мы можем пройти. Наша задача – не победить кого-то из них. Наша задача – сделать так, чтобы они схватились друг с другом в мертвой хватке, пока мы будем искать архив».

«Стратегия клещей», – хмыкнула Елена без тени улыбки.

«Стратегия выживания», – поправил Смирнов. – «Мы – не клещи. Мы – хирург, который использует естественное сопротивление тканей, чтобы провести операцию. „Vita Nova“ хотят проникнуть в усадьбу? Отлично. Давайте поможем им. Анонимно слив „Хранителям“ информацию о готовящемся штурме. „Хранители“ хотят нас остановить? Прекрасно. Пусть думают, что мы работаем на „Vita Nova“. Мы запутаем следы, создадим шум, а сами в это время будем делать свое дело».

«Но для этого нам нужно знать, что это за «дело», – вступил в разговор Алексей. До сих пор он слушал, вжавшись в стул, но теперь в его глазах появился знакомый огонек одержимости. – «Мы не можем просто бегать и срабатывать их между собой. Нам нужна четкая, достижимая цель. Мы должны найти архив первыми. Или...»

Он замолчал, что-то обдумывая.

«Или?» – подтолкнула его Елена.

«Или найти то, что ищут они. Лабораторию. Место опытов. Если „Vita Nova“ правы, и там есть материальные следы... возможно, это и есть ключ к тому, где спрятан сам архив».

Ломоносов не стал бы прятать теорию отдельно от практики. Он был практиком. Его рукописи и его лаборатория – это единое целое».

Смирнов кивнул, его стратегический ум уже начал выстраивать план на основе этого тезиса.

«Логично. Значит, наш новый фокус – найти эту потайную комнату. Ту самую, что за „рустом“ и „широкими лестницами“. Архив, скорее всего, там же. „Vita Nova“ ищут ее вслепую, с помощью грунтозондов и химических анализаторов, которые они, возможно, пытались провезти под видом реставрационного оборудования. „Хранители“... они, возможно, знают, где она, но не могут или не хотят в нее проникать, предпочитая держать ее на замке. А мы...»

«А мы найдем ее с помощью истории», – закончил за него Алексей. Он встал, его движения обрели давно утраченную уверенность. Он подошел к столу, где лежала папка с распечатанными планами усадьбы, сделанными им неделю назад.

«Елена дала нам ключ – 1897 год. Передача Обществу врачей. Ремонт. „Запечатывание“ помещений. Все эти годы я смотрел на эти планы как историк архитектуры. Искал тайники, спроектированные Старовым. Но я не думал о том, как эти тайники могли быть модифицированы или скрыты позже».

Он разложил на столе несколько планов: оригинальный проект Старова, план усадьбы времен Демидовых, и... схематичный план первого этажа, сделанный уже при Советской власти, когда в здании был санаторий.

«Смотрите», – его палец побежал по линиям. – «Вот цокольный этаж. Здесь, по проекту Старова, должна быть глухая стена с рустовкой. Но на плане 1952 года... видите? Здесь, в этом же месте, обозначен замурованный дверной проем. Советские архитекторы отметили его как „неэксплуатируемую нишу, вероятно, вентиляционную шахту“. Они не придали этому значения!»

Елена и Егор смотрели, затаив дыхание. Для них это были просто линии. Для Алексея – это была кричащая улика.

«Но это еще не все», – Алексей переключился на план парка. – «Старов писал о „сердце Лабиринта“. Я был прав, что это не географический центр. Но я ошибался, думая, что это точка в плане-пентакле. Я думал слишком сложно».

Он посмотрел на них, и в его глазах горел триумф.

«Лабиринт в Тайцах... он был невысоким, из кустарника. Его „сердце“ – это не абстракция. Это конкретное место, откуда был виден некий ключевой объект. Ориентир. Смирнов тогда сказал: „гранитные изваяния сторожевых львов“ и „бельведер с башенкой“. Он был прав! Это визиты!»

Алексей схватил карандаш и начал наносить линии на прозрачную кальку, наложенную на план парка.

«Мы искали точку в Лабиринте. А нужно было искать линию визирования *из* Лабиринта. Представьте: вы стоите в центре Лабиринта. Перед вами – проход, который ведет прямо на главный фасад дома. Если провести воображаемую линию от центра Лабиринта, через каменных львов у лестницы...»

Его карандаш провел четкую, почти идеально прямую линию от сердцевины паркового Лабиринта, через точку, где стояли львы, прямо к фасаду усадебного дома.

«...она упирается точно в то самое место на первом этаже, где на советском плане обозначен замурованный проем! В „сердце Лабиринта“ не спрятан архив. Из „сердца Лабиринта“ видно, куда смотреть! Это гигантский прицел, созданный Старовым! Архитектор-масон оставил подсказку не в символах, а в самой геометрии ландшафта!»

В комнате воцарилась оглушительная тишина. Гениальность догадки была ошеломляющей. Весь парк, вся усадьба оказывались не просто сооружениями, а гигантским криптографическим устройством.

В этот момент зазвонил телефон Смирнова. Не его личный, а «чистый», купленный утром в первом попавшемся ларьке для экстренной связи. На экране горел незнакомый номер. Егор медленно поднес трубку к уху, не произнося ни слова. В течение десяти секунд он только слушал, его лицо не выражало ничего. Потом он беззвучно положил трубку и посмотрел на них.

«Это был он», – тихо сказал Смирнов. Голос его был ровным, но в глазах стоял лед. – «Борис Глебович. Вежливо представился. Сказал, что восхищен нашей настойчивостью. Предложил встретиться. „Чтобы обсудить взаимовыгодное сотрудничество и избежать ненужных... потерь“. Он знает этот номер. Значит, он уже вычислил наше укрытие».

Он медленно обвел взглядом комнату.

«Наше время истекло. План есть. Теперь ему нужен новый элемент». Он посмотрел на Алексея. – «Скорость. Мы идем в усадьбу. Прямо сейчас».

Глава 22: Язык Камней

Звонок Бориса Глебовича изменил все. Теперь они не просто охотились за тайной. Теперь на них самих открыли охоту. И охотник знал их логово.

«Собираемся. Сейчас же», – голос Смирнова был подобен удару топора, рубящего растерянность. – «Они могут быть здесь через пятнадцать минут. Даже меньше».

Елена, не говоря ни слова, принялась сметать свои ноутбуки, жесткие диски и блокноты в сумку. Ее движения были резкими, почти машинальными. Страх был загнан так глубоко, что на поверхности оставалась только холодная эффективность.

Алексей стоял у стола, не в силах оторвать взгляд от разложенных планов. Его лицо было бледным, но глаза горели. Открытие, которое он только что совершил, было подобно вспышке света, и этот свет затмевал даже нависшую над ними угрозу.

«Алексей!» – рявкнул Смирнов. – «Ты слышал? Двигаемся!»

«Подождите», – прошептал Алексей, его пальцы сжали угол листа с нанесенной линией визирования. – «Это неверно. Верно, но... неполно. Это ключ, но не от той двери».

«Что?» – Елена остановилась, смотря на него с недоумением.

«Лабиринт... львы... фасад. Это слишком просто. Слишком... очевидно. Старов был гением. Он не стал бы прятать величайшую тайну Ломоносова за ширмой, которую может разгадать любой топограф с линейкой. Это первый, внешний круг защиты. Как притвор в храме. За ним должно быть нечто большее».

Смирнов тяжело вздохнул, но кивнул. Он понимал, что сейчас главное оружие Алексея – его мозг. «У тебя есть время, пока мы уничтожаем здесь все следы. Пять минут».

Но Алексей уже его не слышал. Он снова погрузился в свои бумаги. Его мир сузился до линий, углов и символов. Физическая опасность отступила перед интеллектуальным вызовом.

...Они перебрались в новое укрытие – заброшенный цех на окраине города, который Смирнов присмотрел заранее как один из запасных вариантов. Помещение было холодным, пропахшим машинным маслом и пылью. Зато здесь было электричество и относительная безопасность.

Алексей не спал уже больше суток. Его глаза были красными от напряжения, руки дрожали от переизбытка кофеина и усталости. Он сидел на ящике из-под инструментов, окруженный ореолом из распечаток, книг и собственных чертежей. Он был подобен алхимику в своей лаборатории, пытающемуся вычислить философский камень.

Елена принесла ему еще один термос кофе. «Ты должен хотя бы прикрыть глаза на час».

«Не могу», – его голос был хриплым. – «Я был слеп. Мы все были слепы. Мы искали тайник, а нужно было искать мысль архитектора».

Он потянулся за стопкой бумаг – это были биографические материалы об Иване Старове, которые Елена скачала еще в начале их расследования.

«Старов был масоном», – сказал Алексей, и в его словах прозвучала не констатация факта, а откровение. – «Для таких людей, как он, архитектура была не просто ремеслом. Это была форма передачи тайного знания. Высшая математика духа, воплощенная в камне. Каждое здание, каждый парк – это зашифрованный текст. Послание, обращенное к тем, кто обладает ключом для его прочтения».

Он посмотрел на Елену, и в его взгляде была одержимость, которая одновременно пугала и восхищала.

«Они не просто строили дома. Они строили модели Вселенной. В пропорциях, в планировке, в ориентации по сторонам света – во всем был скрыт смысл. И Старов, строя усадьбу для Демидова, который, скорее всего, тоже был братом, создавал не просто загородную резиден-

цию. Он создавал храм. Храм Знания. И в его сердце он должен был поместить величайшую реликвию – архив Ломоносова, человека, который, я уверен, также был причастен к братству».

Эта мысль зажгла в нем новую энергию. Он отшвырнул в сторону планы, на которых была изображена линия визирования от Лабиринта. Это был детский лепет. Теперь он должен был говорить на языке посвященных.

Алексей расстелил на полу чистый, подробный генплан усадьбы Тайцы, совмещенный с планом парка. Рядом он разложил листы с изображениями основных масонских символов: циркуль и наугольник, лучезарная дельта, пентаграмма, гексаграмма, уроборос.

«Масоны любили геометрию», – бормотал он себе под нос, словно заклиная. – «Евклид был для них пророком. Золотое сечение, число „пи“... все это было для них проявлением божественного замысла».

Он взял кальку и начал наносить на нее геометрические построения. Он искал золотые сечения в пропорциях фасада. Проверял, делится ли длина главной аллеи на значимые числа. Накладывал на план сетку из равносторонних треугольников. Но ничего не выходило. План усадьбы был строгим и классическим, но не подчинялся очевидным эзотерическим канонам.

Отчаяние начало подкрадываться к нему. Может, он все выдумывает? Может, Старов был просто архитектором, а не мистиком?

Он откинулся назад, закрыл глаза, пытаясь выбросить из головы все предвзятые идеи. «Представь, что ты Старов», – шептал он сам себе. – «У тебя есть задача – спрятать нечто очень важное. Ты не можешь просто нарисовать крест на плане. Ты должен создать символ, который будет органично вплетен в саму структуру ансамбля. Символ, который будет невидим для непосвященных, но кричаще очевиден для своих».

Он открыл глаза и снова посмотрел на план. Не на дворец, а на весь комплекс сразу. Дворец, флигели, парк с его павильонами, прудами, аллеями. И тут его взгляд зацепился за очертания.

Сердце забило чаще.

Он схватил красный маркер и начал обводить не здания, а ключевые точки парка. «Большая поляна» здесь... «Звезда» – здесь... «Лабиринт» – тут... «Собственный сад» с его цветниками – вон там... а главный усадебный дом – вот здесь, на возвышении.

Он соединял точки, мысленно отбрасывая второстепенные элементы. И по мере того, как линии складывались в единый рисунок, по его спине пробежал холодок.

Он наложил поверх своего рисунка кальку с изображением пентаграммы. И ахнул.

Общая структура парка и построек образовывала гигантскую, разомкнутую пентаграмму. Верхняя точка приходилась точно на центр главного дома. Остальные четыре точки ложились на ключевые элементы парка: «Лабиринт», «Звезду», «Собственный сад» и один из павильонов на острове. Это было грандиозно. Весь ландшафт был превращен в масонский символ.

«Елена! Егор!» – его голос сорвался на крик. – «Смотрите!»

Они подбежали. Алексей, дрожащими руками, показывал им на получившийся рисунок.

«Пентаграмма...» – прошептала Елена. – «Весь парк... это же колоссально».

«Да», – Алексей был на грани истерического смеха. – «Старов спроектировал не усадьбу. Он спроектировал гигантскую печать. Охранный знак, начертанный на земле!»

Воодушевление открытием было огромным, но практичный Смирнов быстро вернул всех на землю.

«Красиво. Теперь скажи, архивариус, где в этой звезде спрятан твой архив? В конце одного из лучей? В „Звезде“? В „Лабиринте“?»

Алексей с энтузиазмом принялся изучать каждую из пяти точек. Но чем дольше он смотрел, тем больше понимал: ни «Лабиринт», ни «Звезда», ни павильон не подходили. Это были

парковые затеи, места для гуляний. Старов не стал бы прятать архив Ломоносова в месте, доступном для любого гостя, даже если это место было частью священной геометрии.

Он снова погрузился в изучение символики. Что означает пентаграмма для масона? Это символ человека, микрокосма. Пять точек – это голова, две руки и две ноги. Верхняя точка – голова, разум. Но есть и другое значение. Это символ духовного развития, восхождения. И самая важная точка – не голова, а...

«Сердце», – прошептал Алексей. – «В алхимии и мистике пентаграмма – это также символ сердца, как центра души, средоточия жизни и духа».

Он снова взял кальку с пентаграммой и наложил ее на план. «Сердце» в пентаграмме находится не в вершинах, а в геометрическом центре фигуры.

«„Сердце Лабиринта“...» – говорил он, проводя линии, вычисляя пересечения. – «Мы думали, что это метафора, относящаяся к парку. Но что, если Старов говорил буквально? Что если „Сердце“ с большой буквы – это не центр паркового Лабиринта, а сердце всей этой гигантской пентаграммы? Сердце масонской „печати“, которую он начертил на карте?»

Его пальцы летали по бумаге, карандаш вычерчивал диагонали, соединяющие вершины звезды. Точка пересечения должна была быть где-то здесь... Он перенес вычисления на детальный план самого здания усадьбы, совмещенный с планом парка.

И вот он увидел это.

Точка, соответствующая «сердцу» в плане-пентакле, оказывалась не в парке. Она приходилась akurat на восточное крыло усадебного дома. Примерно в центре его длины, на уровне цокольного этажа.

Он откинулся назад, не в силах вымолвить ни слова. Все сходилось с пугающей точностью. Внешняя подсказка – линия визирования от Лабиринта – указывала на фасад. А внутренняя, истинная подсказка – масонская геометрия – указывала на конкретное место внутри этого фасада.

«Оно в доме», – наконец выдавил он. – «Сердце Лабиринта. Оно в самом здании. В цоколе. Мы все это время искали не там. Мы рыскали по парку, а оно было под нами, в стенах дворца».

Он посмотрел на Елену и Смирнова. Его открытие было подобно взрыву. Они потратили недели на поиски в парке, рискуя жизнью, а ответ был в самом очевидном месте – в усадебном доме, куда они так и не смогли нормально проникнуть.

Внезапно снаружи, со стороны ворот цеха, раздался громкий, металлический скрежет. Звук грубого физического усилия – кто-то силой взламывал замок. Смирнов мгновенно погасил фонарь, погрузив их в почти полную темноту. В наступившей тишине был слышен только его шепот, обжигающе-четкий: «Молчать. Не двигаться». Следом раздался шаг. Не один человек. Не два. Целая группа. Их нашли. Борис Глебович не стал ждать встречи. Он прислал приглашение лично.

Глава 23: Скрытая Пустота

Тьма в цеху стала абсолютной, живой и враждебной. Она впитала в себя звук взламываемого замка, превратив его в предсмертный хрип металла. Шаги снаружи были тяжелыми, неспешными, расчленяющими пространство. Их было много.

Смирнов отшатнулся от окна, прижавшись спиной к холодной бетонной стене. Его силуэт в полумраке был похож на готовую к прыжку кошку. Он жестом приказал им занять позиции за массивным стальным верстаком – импровизированным укрытием.

Алексей замер, сжимая в дрожащих пальцах драгоценные планы. Его мысленный триумф, озаривший его всего несколько минут назад, был растоптан грубым вторжением реальности. Елена пригнулась, ее рука инстинктивно потянулась к тяжелому гаечному ключу, валявшемуся на полу.

«На выход», – прошептал Смирнов, его голос был едва слышен, но обладал железной силой команды. – «Через заднюю дверь. В машину. Не оглядываться».

Они поползли, стараясь не производить ни звука. Адреналин горьким привкусом заполнил рот. Каждый шорох их одежды, каждый предательский скрип половицы казался им пушечным выстрелом.

Смирнов, двигаясь последним, на ходу опрокинул стеллаж с банками краски. Грохот заполнил цех, создав идеальную звуковую завесу для их бегства. В тот момент, когда передняя дверь с грохотом отлетела, они уже выскальзывали в черную дыру заднего проема.

Машина, старая, невзрачная «Лада», стояла в переулке. Они втиснулись внутрь, и Смирнов, не включая фар, рванул с места, погрузившись в лабиринт темных промышленных улиц. Лишь через несколько минут, убедившись, что за ними нет хвоста, он зажег свет.

Никто не говорил. Только тяжелое, прерывистое дыхание нарушало тишину. Они были как звери, загнанные в угол, почувствовавшие дыхание охотника на своей шкуре.

Новое укрытие оказалось еще более спартанским – подсобкой в подвале полузаброшенного общежития, которую Смирнов когда-то использовал для встреч с осведомителями. Здесь пахло сыростью и мышами. Но это было безопасно.

Алексей, не обращая внимания на дискомфорт, с маниакальным упорством сразу же разложил свои планы на единственном столе, заваленном хламом. Шок от погони прошел, сменившись новой волной одержимости. Он был на пороге величайшего открытия в своей жизни, и никакие бывшие кагэбэшники не могли его остановить.

«Они нашли нас по телефону», – констатировал Смирнов, разбирая и проверяя свой пистолет. – «Больше никаких звонков. Никаких выходов в сеть. Мы в информационном вакууме».

Елена кивнула, сжимая в руке свой отключенный ноутбук как талисман. «Значит, все, что у нас есть, – это то, что мы успели скачать и то, что здесь», – она показала на голову Алексея.

Алексей не реагировал. Он был полностью погружен в чертежи. Теперь его интересовал не план парка, а разрез здания усадьбы. Он изучал толщину стен, конструкцию перекрытий, схему фундамента.

«Цокольный этаж», – бормотал он, водя пальцем по убогим чертежам. – «Он массивный. Стены метровой толщины. Идеально для скрытых помещений».

Он откинулся на спинку стула, закрыв глаза, пытаясь мысленно воссоздать трехмерную модель здания.

«Старов был практиком. Он не стал бы прятать архив в земле, где сырость, грибок, крысы. Он спрятал его в камне. В самом сердце своего творения. В пространстве между этажами или в цоколе, за „рустом“. Рустованная кладка – это не просто декор. Это идеальная

маскировка. Глубокие тени между камнями скрывают стыки. Можно создать потайную дверь, которая будет совершенно неотличима от стены».

Он снова наклонился над чертежами, вооружившись лупой. Он искал аномалии. Несоответствия. И его взгляд упал на детальный разрез восточного крыла, как раз в той области, где находилось вычисленное им «сердце» пентаграммы.

«Вот», – прошептал он, и в его голосе прозвучало торжество. – «Смотрите».

Елена и Егор подошли. Алексей показывал на схему. Между несущей стеной цоколя и внутренней кирпичной перегородкой, там, где по логике должна была быть сплошная засыпка бутом, чертеж показывал небольшую, ничем не заполненную пустоту. Узкое, вертикальное пространство, всего около метра в ширину. На плане оно почти терялось в паутине линий.

«Это не вентиляция. Не дымоход. Это мертвая зона. Ее не должно быть здесь», – Алексей посмотрел на них, его глаза сияли. – «Я почти уверен. Это оно. Тайник Старова».

Елена, несмотря на запрет Смирнова, на несколько секунд включила ноутбук, чтобы загрузить офлайн-архивы, скачанные ранее. Она лихорадочно пролистывала папки с документами по усадьбе Тайцы.

«Ремонт 1897 года... Передача Обществу врачей... Должно быть что-то...» – ее пальцы летали по клавиатуре.

«Елена!» – строго сказал Смирнов.

«Одна минута!» – она не отрывала взгляда от экрана. – «Я почти... Вот!»

Она открыла PDF-файл – это была оцифрованная смета на ремонтные работы, хранящаяся в областном архиве.

«Смотрите», – она повернула экран. – «В разделе „Работы в восточном крыле“... вот запись: „Разборка ветхой кирпичной перегородки в цокольном этаже и устройство новой перегородки на известковом растворе с усилением балкой“».

Она посмотрела на Алексея, потом на Смирнова.

«Что, если врачи не строили новую перегородку? Что, если они просто заложили проем в старой, случайно наткнувшись на него? Они могли принять его за какую-то строительную ошибку, брак, и просто замуровать, чтобы не было сквозняков или чтобы не лазили крысы? Они же не искали тайников! Они обустроивали санаторий!»

Алексей схватился за голову. Это было идеальное подтверждение.

«Стыкуется! Абсолютно! Они наткнулись на дверь в эту „пустоту“, не поняли, что это, и замуровали ее наглухо! Они не уничтожили архив, они... законсервировали его еще надежнее! И „Vita Nova“ правы – их лаборатория, их „стеклянная коллекция“ могла быть именно там! И архив тоже!»

Теория обрела плоть и кровь. У них было не просто умозрительное заключение. У них было историческое свидетельство, которое идеально ложилось на архитектурную аномалию.

Смирнов долго молча смотрел на их возбужденные лица. Затем он медленно подошел к стене и нарисовал на ней гвоздем схематичный план усадьбы.

«Хорошо. Допустим, вы правы. Тайник там. Теперь вопрос: как до него добраться?»

Он ткнул пальцем в центр рисунка.

«И „Хранители“, и „Vita Nova“ знают, что мы где-то здесь. Они знают, что мы не остановимся. Они будут ждать. Усадьба – это ловушка. Мы идем туда – мы попадаемся. В лучшем случае, нас просто возьмут. В худшем...» – он не стал договаривать.

«Значит, нам нужно, чтобы они смотрели не туда», – сказала Елена. – «Создать диверсию».

«Именно», – кивнул Смирнов. – «Сложный план. Два этапа. Отвлекающий маневр и основное действие».

Он начал чертить стрелки.

«Этап первый: диверсия. Мы устраиваем шоу на территории парка. Вдалеке от самого дворца. Я могу собрать пару „шумовых устройств“ из того, что валяется на свалках – петарды, дымовые шашки. Мы создаем видимость активности. Переговоры по рации на частотах, которые они наверняка прослушивают. Намекаем, что мы нашли нечто важное в „Лабиринте“ или в „Звезде“. Мы должны заставить их поверить, что мы снова ищем что-то в парке».

«И они перебросят туда все свои силы», – поняла Елена.

«Да. И „Хранители“, и наемники „Vita Nova“. Пока они будут бегать по парку с фонарями, мы проникаем в дом».

«Как?» – спросил Алексей. – «Там решетки, замки...»

«Есть один способ», – Смирнов посмотрел на него. – «Через подвал. Тот самый, где мы были в прошлый раз. Там, в глубине, есть старая котельная с чугунными трубами, идущими наверх. Одна из них, по моим наблюдениям, шла как раз в район восточного крыла. И она демонтирована. Остался только широкий канал в перекрытии. Это наш вход».

План был безумным, но он был единственным.

«Я отвечаю за диверсию», – сказал Смирнов. – «Елена, ты со мной. Твоя задача – имитировать переговоры, создать цифровой шум. Алексей...» – он посмотрел на архивариуса. – «Ты идешь один. Ты проникаешь в дом. Ты найдешь эту замурованную перегородку. Мы даем тебе час. Ровно час. Потом мы уходим, независимо от результата».

Алексей почувствовал, как у него подкашиваются ноги. Идти одному? В заброшенный дворец, в кромешной тьме, под носом у врагов?

«Я... я не смогу...» – прошептал он.

«Ты – единственный, кто сможет найти нужное место», – жестко сказал Смирнов. – «Ты знаешь эти планы как свои пять пальцев. Мы – твое прикрытие. Это наш единственный шанс».

Они смотрели на него. Алексей видел в их глазах не страх, а решимость. И эту решимость он нашел в себе.

Он кивнул.

«Хорошо. Я сделаю это».

Внезапно снаружи, из-за двери подвала, донесся звук медленных, тяжелых шагов по бетонной лестнице. Они замерли. Шаги приближались к их двери. Затем раздался тихий, вежливый стук. И голос, который они уже слышали однажды по телефону – спокойный, бархатный, несущий в себе ледяную угрозу.

«Алексей? Елена? Майор? Не затрудняйте себя. Мы знаем, что вы здесь. Давайте обсудим все цивилизованно. Я один».

Дверная ручка медленно повернулась. Дверь была заперта изнутри на засов, но сейчас он казался жалкой преградой. Борис Глебович нашел их. И на этот раз бежать было некуда.

Глава 24: Испытание Геометрией

Стук в дверь звучал вежливо, но неумолимо. Голос Бориса Глебовича был спокоен, как поверхность озера перед бурей. «Я один».

Смирнов молниеносно среагировал. Он рванул к задней стене подвала, к груде старых матрасов и хлама. Отодвинув их, он обнажил узкий, заросший паутиной лаз – аварийный выход, проделанный им много лет назад «на всякий случай».

«Быстро», – его шепот был подобен шипению змеи. – «Алексей, Елена – вперед!»

Они, не раздумывая, протиснулись в черную дыру. Лаз вел в соседний подвал, а оттуда – в систему технических тоннелей. Они бежали, не оглядываясь, слыша за спиной нарастающий грохот – Борис Глебович и его люди не стали церемониться с дверью.

Через полчаса, вынырнув в заброшенном парке на другом конце города, они перевели дух. Они снова были в бегах. Но теперь у них был план. И теперь они знали, что их враг не просто могущественен. Он вездесущ.

Ночь была безлунной, черной и влажной. Туман стлался по земле, поглощая звуки и превращая знакомые очертания парка Тайцы в призрачные видения. Они стояли на окраине леса, наблюдая за усадьбой. В темноте она казалась гигантским каменным чудовищем, уснувшим на века.

«По плану», – тихо сказал Смирнов, проверяя самодельное «устройство» в своем рюкзаке – связку мощных петард и дымовую шашку. – «Мы у „Готических ворот“ с западной стороны. Создаем шум, привлекаем внимание. У тебя есть час, Алексей. Ровно час. Потом – отход, независимо от результата».

Алексей кивнул. Его горло пересохло. Он сжимал в кармане фонарик и лазерный дальномер. Елена положила руку ему на плечо.

«Удачи», – прошептала она. – «Ты справишься».

Они растворились в тумане, двигаясь в сторону от дома. Алексей, досчитав до трехсот, сделал глубокий вдох и двинулся своим путем. Его маршрут был сложным – через заросли сирени, мимо руин оранжереи, к полуразрушенному восточному флигелю. Там, на уровне цоколя, зияло выбитое когда-то окно, затянутое ржавой сеткой, которую Смирнов заранее подрезал.

Он протиснулся внутрь. Холод и запах тлена обволакивали его. Он стоял в море битого кирпича и штукатурки. Включив фонарик, он направил луч перед собой. Он был внутри.

Ориентироваться в полной темноте разрушенного дворца было задачей не для слаонервных. Луч фонарика выхватывал из мрака обрушенные лестницы, зияющие дыры в полу, причудливые тени, которые казались движущимися. Каждый скрип под ногой отдавался в тишине пушечным выстрелом.

Алексей шепотом повторял себе ориентиры. «От входа – десять шагов на север... поворот на восток... вдоль несущей стены...» Он сверялся с компасом на телефоне. Его план был продуман до мелочей, но на бумаге все казалось проще.

Он пробирался через анфилады бывших парадных комнат, теперь превратившихся в склепы былого величия. Наконец, он достиг узкого коридора, ведущего в цокольную часть восточного крыла. Здесь воздух стал еще холоднее и насыщеннее запахом сырого камня и земли.

Дверь в бывшую кладовую была сорвана с петель. Внутри помещение было завалено обломками и мусором. Но Алексея интересовала лишь одна стена – та, что была внешней, рустованной. Он подошел к ней, затаив дыхание.

Он помнил слова Старова. Он помнил принципы масонской символики. Он искал не дверь, а символ. Дверь можно замуровать, скрыть штукатуркой. Но символ, вмурованный в саму структуру камня, останется.

Он водил лучом фонаря по грубой поверхности камней, счищая пальцами слои грязи и отслаивающейся штукатурки. Минуты тянулись, каждая – как вечность. Отчаяние начало подкрадываться к нему. Может, он ошибся? Может, все это – плод его больного воображения?

И вдруг он увидел. В самом основании стены, почти у пола, там, где камень сливался с бетонной стяжкой, проступали знакомые очертания. Он упал на колени, смахнул влажную грязь.

Это был он. Тот самый знак. Три стилизованных холма и над ними – звезда. «Гора Откровения». Тот же символ, что был на печати в письме Старова.

«Нашел...» – выдохнул он, и его голос прозвучал оглушительно громко в гробовой тишине.

Алексей прикоснулся к высеченному символу. Камень был холодным и шершавым. Его пальцы скользнули по линиям, повторяя контуры трех гор. Затем он дотронулся до звезды.

И тут он понял. Звезда в центре символа была не просто рисунком. Она была выпуклой. Более того, она была сделана из другого материала – из темного, покрытого ржавчиной железа. Это был массивный, вмурованный в камень штырь.

Воспоминание ударило его с силой физического толчка. Грот Венеры. Рычаг, скрытый в пасти тритона. Тот же принцип! Старов использовал похожий механизм!

Он схватился за железную звезду обеими руками. Она не поддавалась. Прошло двести пятьдесят лет. Ржавчина, грязь, время намертво скрепили металл с камнем.

Алексей напряг все силы. Мускулы на его руках вздулись от натуги. Он стиснул зубы, упираясь ногами в скользкий пол. Он проворачивал штырь, вкладывая в это движение всю свою ярость, все отчаяние, всю надежду.

Раздался резкий, скрежещущий звук. Казалось, камень застонал. Штырь дрогнул. Еще на миллиметр. Еще.

С громким, сухим щелчком железная звезда провернулась на девяносто градусов.

Алексей отпрянул.

Прямо перед ним, в рустованной стене, бесшумно, почти призрачно, отъехал внутрь небольшой участок кладки. Не дверь в привычном понимании, а целый блок камней размером с дверь, повернувшийся на скрытых, идеально смазанных когда-то петлях. Открылась узкая, черная щель, из которой пахнуло воздухом, не менявшимся столетиями, – запахом старого камня, сухой пыли, древесины и чего-то еще... металлического? химического?

Он нашел его. Потайной павильон Старова. Сердце Лабиринта.

Алексей замер на пороге, сердце его колотилось так, что готово было вырваться из груди. Он поднял фонарь, пытаясь разглядеть что-то в непроглядной тьме за дверью.

В этот момент снаружи, со стороны парка, донесся резкий, пронзительный звук – свисток Смирнова. Сигнал тревоги. Их маневр раскрыли. У него не было часа. У него были считанные минуты, чтобы заглянуть внутрь, прежде чем придется бежать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.